

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2024

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 1

2024

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1

2024

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской, инновационной и международной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2024 г.

№ 1

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна (Армения)

Ответственные редакторы

Белюсова Анна Олеговна, начальник редакционно-издательского отдела, старший преподаватель кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Евдокимова Марина Петровна, кандидат филологических наук, доцент, специалист по информационно-аналитической работе управления научно-исследовательской и инновационной деятельности, доцент кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технические редакторы

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ваиукова И.С.

Модель педагогического просвещения родителей на основе
сетевого взаимодействия 9

Жукова А.М.

Специфика формирования профессионально-нравственной
позиции студентов в среде педвуза 17

Зеленко Н.В., Зеленко Г.Н., Аджей Н.В.

Предметная образовательная среда в системе подготовки
будущих учителей технологии 28

Комкова О.Г., Галиахметова Н.П., Жученко О.А.

Староста академической группы как субъект взаимодействия
в образовательном процессе медицинского вуза 36

Кудина Я.В.

Становление субъекта инновационной культуры в системе
педагогического образования 46

Мосина О.А., Матайс М.И.

Педагогические условия подготовки будущих офицеров
к военно-педагогической деятельности: теоретический аспект 52

Сашина Ю.А.

Дидактические принципы и особенности применения
электронных образовательных ресурсов 60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ануфриенко М.С.

«Як хочеш мене узивай, аби не крамарем...»:
профессиональная торговля в обстоятельствах северокавказского
фронта в первой половине XIX века 69

Денильханов И.С.

Реакция посттравматического чеченского общества
на окружающий мир в 60–70-е годы XIX века 80

Ктиторов С.Н., Пелих А.Л., Грицких И.В., Карапова О.Г.

Вехи истории последней крепостной слободки Северного Кавказа 89

Лопин К.Б.

Типология надгробных крестов второй половины XIX –
начала XXI вв. на кладбищах Краснодарского края 105

Матвеев В.А.
Адаты кавказских горцев: опыт российской рецепции 118

Платонов Р.Д.
Быт рабочих стекольной промышленности Владимирской губернии
в начале XX века (на примере завода Ю.С. Нечаева-Мальцова
в Гусь-Хрустальном) 130

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Аветисян В.С.
Социокультурная коммуникация субъектов семейного
микросоциума 138

Полетаева Ю.Г.
Предпосылки трансцендентальной онтологии субъекта
в флорентийском платонизме 146

Равочкин Н.Н., Рвалов П.Н.
Специфика становления и развития сетевого общества:
философский анализ 155

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 167

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала
«Вестник Армавирского государственного педагогического
университета» 172

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Vashukova I.S.</i> A Model of Pedagogical Education of Parents Based on Network Interaction	9
<i>Zhukova A.M.</i> Specifics of Formation of Professional and Moral Position of Students in the Pedagogical University Environment	17
<i>Zelenko N.V., Zelenko G.N., Adzhey N.V.</i> The Subject-Based Educational Environment in the System of Training Future Technology Teachers	28
<i>Komkova O.G., Galiakhmetova N.P., Zhuchenko O.A.</i> Head of an Academic Group as a Subject of Interaction in the Educational Process of a Medical University	36
<i>Kudina Y.V.</i> Formation of a Subject of Innovation Culture in the System of Teacher Education	46
<i>Mosina O.A., Matays M.I.</i> Pedagogical Conditions for Preparing Future Officers for Military Pedagogical Activities: Theoretical Aspect	52
<i>Sashina Yu.A.</i> Didactic Principles and Features of the Use of Electronic Educational Resources	60

HISTORICAL SCIENCES

<i>Anufrienko M.S.</i> "Call Me Whatever You Want, but Not a Petty Trader...": Professional Trade in the Circumstances of the North Caucasian Frontier in the First Half of the XIX Century	69
<i>Denilkhanov I.S.</i> Reaction of Post-Traumatic Chechen Society to the Around World in the 60–70s of the XIX Century	80
<i>Ktitorov S.N., Pelikh A.L., Gritskikh I.V., Karapkova O.G.</i> Milestones in the History of the Last Serf Settlement of the North Caucasus	89
<i>Lopin K.B.</i> Typology of Grave Crosses of the Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 21st Century in the Cemeteries of the Krasnodar Territory	105

<i>Matveev V.A.</i> Adats of the Caucasian Highlands: Experience of Russian Reception	118
<i>Platonov R.D.</i> The Life of Workers of the Glass Industry of the Vladimir Province at the Beginning of the XX Century (Based on the Example of Yu.S. Nechaev-Maltsov Factory in Gus-Khrustalny)	130
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
<i>Avetisyan V.S.</i> Socio-Cultural Communication of Subjects of the Family Microsodium	138
<i>Poletaeva Y.G.</i> Preconditions of the Transcendental Ontology of the Subject in Florentine Platonism	146
<i>Ravochkin N.N., Rvalov P.N.</i> Specificity of Formation and Development of the Network Society: Philosophical Analysis	155
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	167
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	172

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 374.7

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.С. Вашукова

A MODEL OF PEDAGOGICAL EDUCATION OF PARENTS BASED ON NETWORK INTERACTION

I.S. Vashukova

Аннотация. Педагогическое просвещение родителей – одна из задач, которую в настоящее время решает каждая общеобразовательная школа. В статье представлено описание модели педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия. Именно сетевое взаимодействие образовательных организаций позволяет каждой школе, независимо от ее местоположения, на высоком и качественном уровне обеспечивать консультационную, информационную и просветительскую работу, максимально удовлетворяя все возрастающие потребности родителей в педагогических знаниях и умениях.

Abstract. Pedagogical education of parents is one of the tasks that is currently solved by the secondary school. The article describes a model of pedagogical education of parents based on network interaction. It is the network interaction of educational organizations that allows each school, regardless of its location, distance from the district centre, to provide advisory, informative, and educational work at a high-quality level, meeting the increasing needs of parents in pedagogical knowledge and skills.

Ключевые слова: модель, проектирование модели, педагогическое просвещение родителей, сетевое взаимодействие, структура модели.

Keywords: a model, designing a model, pedagogical education of parents, network interaction, the structure of the model.

Актуальность проблемы педагогического просвещения родителей обусловлена несколькими причинами. Во-первых, поиском педагогами и родителями оснований для согласования позиций по вопросам воспитания и обучения ребенка. Такое согласование становится эффективным в случае получения родителями актуальных знаний по вопросам образования своего ребенка. Во-вторых, стремлением образовательных организаций обеспечить высокий уровень образования школьника. В качестве одного из способов достижения этого традиционно рассматривается взаимодействие с семьей. Результат такого взаимодействия зависит, в том числе от знаний родителей по вопросам обучения и воспитания школьника. В-третьих, решение ряда проблем детей может оказаться вне компетентности родителей. При этом образовательные организации

могут располагать достаточным ресурсом для профессиональной помощи родителям в решении вопросов, связанных с воспитанием и обучением ребенка.

Государство в последнее десятилетие ставит задачу по организации работы образовательных учреждений с родителями, семьями обучающихся. К числу таких поручений относятся создание условий для повышения педагогической культуры родителей, консультирования родителей по правовым, психолого-педагогическим и иным вопросам. Кроме того отметим, что 2024 год объявлен Президентом Российской Федерации Годом семьи [14]. План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи включает организацию работы онлайн-платформы «Академия родителей», реализацию родительского лектория, конференции по вопросам родительского просвещения [11]. При этом отдельно взятой образовательной организации, каков бы ни был ее потенциал, довольно сложно самостоятельно решить задачу организации родительского просвещения. Это связано с дифференциацией запросов родителей, кадровым составом конкретной образовательной организации, наличием у организации опыта продуктивного взаимодействия с родителями. В связи с этим требуется поиск эффективных способов организации педагогического просвещения родителей. Одним из таких средств может стать организация сетевого взаимодействия образовательных учреждений.

Проектирование модели организации педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия строится, исходя из современных представлений о процессе моделирования в педагогическом исследовании.

Авторы А.М. Новиков, П.В. Степанов, М.С. Якушкина рассматривают модель как схематичный образ объекта, системы, процесса и результата [9; 13; 15]. По утверждению В.И. Загвязинского, модель всегда абстрактна и отражает лишь отдельные стороны и связи [7, с. 136–137]. Обязательными компонентами модели, по мнению П.В. Степанова, являются существенные элементы объекта и ключевые связи между ними [13]. Как отмечает А.М. Новиков, одно из основных требований, предъявляемых к модели, – соответствие реальной действительности по основным, существенным признакам [9].

Сущность метода моделирования заключается в конструировании нового, не существующего еще в практике. При этом модель выполняет ряд функций: объяснительную, познавательную, прогностическую [4, с. 200].

Анализ моделей сетевого взаимодействия свидетельствует о различных подходах к процессу моделирования. Наиболее часто встречается структурно-функциональная модель сетевого взаимодействия. Так, Е.В. Василевская, описывая сетевую модель организации методической службы в муниципальном образовании, выделяет следующие структурные компоненты и их функции:

- управление образования – определяет политику, цели и задачи развития системы образования;
- методический совет заместителей руководителей – формирует заказ на повышение квалификации специалистов сферы образования;
- городской методический центр – координирует совместное использование ресурсов, проводит повышение квалификации, осуществляет методическую поддержку специалистов системы образования;

- проектные команды педагогов на базе опорных школ – разрабатывают актуальные вопросы методической работы;

- координационный совет – принимает решение об экспериментальной деятельности, координирует деятельность участников сети, выносит решение о распространении опыта [2, с. 21].

Развитие структурно-функциональной модели наблюдается в исследованиях Н.Н. Жуковицкой. Автор выделяет следующие модели: «ролевая культура» (организации ориентируются на изменение ролей: создают новые правила, инструкции, способы мотивации персонала), «орден» (организации ориентируются на мнение руководителя), «деятельность» (организации более склонны реализовывать собственные идеи, а не привнесенные извне), «культура, ориентированная на индивидуальность» (модель ориентирована на индивидуальные способности каждого участника) [6, с. 61–62].

Авторы М.Л. Кондакова, А.Г. Шепило выделяют два варианта модели сетевого взаимодействия: модель по типу «ресурсного центра», в которой происходит объединение нескольких школ вокруг одной, обладающей достаточным набором необходимых ресурсов, и модель «паритетной кооперации», в которой осуществляется взаимодействие разных типов образовательных организаций [5, с. 93]. При этом М.Л. Кондакова вводит третий вариант – смешанную модель, которая объединяет ресурсный центр и паритетную кооперацию посредством ресурсного центра дистанционного образования [8, с. 37].

Такие авторы, как Е.Б. Весна, А.И. Гусева, выделяют две модели сетевого взаимодействия, в основе которых находятся образовательные организации, имеющие разный статус при реализации образовательных программ:

- взаимодействие двух образовательных организаций, которые имеют лицензию на реализацию одинаковых типов образовательных программ;

- взаимодействие образовательной организации и ресурсной организации. При этом у ресурсной организации может отсутствовать лицензия на ведение образовательной деятельности. Такая организация является «поставщиком» ресурсов, которые необходимы для реализации образовательной программы [1].

В исследованиях О.В. Романовой по созданию сетевых школ с низкими образовательными результатами выделены три основные модели:

- горизонтальная модель – основывается на стратегическом партнерстве образовательных организаций;

- вертикальная модель – базируется на основе ресурсного центра;

- смешанная модель – предполагает сбалансированный обмен знаниями, внешними структурами на основе диверсификации отдельных функций [12, с. 42].

Модель сетевого взаимодействия, предложенная И.Н. Поповой, основывается на горизонтальном взаимодействии с максимально возможным количеством связей и включением любого числа объектов. При этом сущность сетевого взаимодействия заключается в объединении ресурсов нескольких образовательных организаций [10, с. 6].

К числу немногочисленных моделей сетевого взаимодействия по вопросам воспитания можно отнести «сетевой клуб тьюторов», авторы –

Д.В. Григорьев, П.В. Степанов. Данная модель строится на следующих принципах: децентрализации (множественность фокусов (центров) управления, преобладание горизонтальных связей над вертикальными); частичного лидерства (каждый субъект в какой-либо одной области может являться лидером, а в другой – лишь разработчиком, заинтересованным участником); широкой специализации (в рамках сети участниками решаются не столько узкоспециальные, сколько пограничные проблемы, лежащие на пересечении разных сфер деятельности); клубности (в сети весьма значимы неформальные отношения между участниками). Сетевое взаимодействие в этом случае осуществляется на уровне информации, распределения обязанностей, формирования социальных норм и на уровне обмена ресурсами [3].

Базисом модели педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия стали теоретический анализ возможностей сетевого взаимодействия, а также результаты опроса родителей (законных представителей) о формах и содержании педагогического просвещения.

Методологической основой для моделирования педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия послужили акмеологический, сетевой и событийный подходы. Акмеологический подход ориентирует процесс педагогического просвещения родителей на совершенствование знаний в области воспитания, соответственно развития родителя как личности. Сетевой подход дает возможность рассматривать организацию педагогического просвещения родителей посредством сетевого взаимодействия через основные характеристики сети. Событийный подход, с одной стороны, предусматривает, что процесс организации педагогического просвещения родителей будет представлять собой единое просветительское сетевое событие. С другой стороны, отдельный акт диалогового взаимодействия, организованный в определенное время, для заинтересованной целевой аудитории (родителей), преследующий заявленную цель тоже будет являться событием, служащим для просвещения родителей.

Функционирование модели базируется на следующих принципах:

- индивидуализации – принцип предполагает выстраивание процесса педагогического просвещения с учетом конкретных потребностей каждого родителя, целей просвещения и имеющегося опыта в вопросах воспитания у родителей; реализация педагогического просвещения осуществляется с учетом индивидуального маршрута (ритм, скорость, удобная форма просвещения);

- единства цели – общей целью педагогического просвещения со стороны всех участников является создание условий для воспитания личности ребенка на основе единых требований, учета особенностей развития детей, понимания основных методов и принципов воспитания;

- добровольности – принцип означает, что каждый имеет право стать участником педагогического просвещения (родитель, педагог, образовательная организация);

- открытости – принцип предусматривает активные связи образовательных организаций разных типов между собой в связи с необходимостью выстраивания системы родительского просвещения, в том числе с использованием единого ресурса в сети Интернет;

- доверия – со стороны родителей (законных представителей) принцип ориентирует на принятие педагогических идей, информации, сведений, получаемых от педагогов и специалистов, а также ответственности за собственное педагогическое просвещение; со стороны участников сетевого взаимодействия – поддержка устремлений родителей в педагогическом просвещении и саморазвитии.

Рассмотрим компоненты модели более подробно. Модель включает три группы процессов педагогического просвещения родителей: основные, вспомогательные и управленческие.

В основных процессах выделено три этапа. Первый этап – подготовительный, целью которого является создание условий для реализации педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия. К числу таких условий относится картирование ресурсов, создание интернет-платформы и разработка диагностического инструментария.

Картирование ресурсов, с одной стороны, позволяет получить информацию об образовательных и иных организациях, которые могут принять участие в просвещении родителей; об отдельных педагогах и специалистах, которые готовы обсуждать с родителями определенные темы. С другой стороны, способствует выявлению «дефицитных», с точки зрения наличия ресурсов, тематических блоков, востребованных родителями для просвещения. Создание интернет-платформы позволяет аккумулировать ресурсы для образования родителей. Разработка инструментария предполагает создание анкет для выявления запроса на просвещение и для получения обратной связи по итогам педагогического просвещения.

Второй этап основных процессов – деятельностный. Цель этапа – создание и реализация сетевого маршрута педагогического просвещения родителей. Одним из основных процессов деятельностного этапа является диагностика запроса на педагогическое просвещение. Проводится с помощью анкеты, затем осуществляется анализ и классификация запросов. Маршрут педагогического просвещения родителя предполагает инвариантное и вариативное направление. Инвариантное направление осуществляется самостоятельно школой или классным руководителем в рамках реализации существующей программы просвещения родителей, модуля по работе с родителями рабочей программы воспитания или посредством самообразования родителей. Для реализации этого направления с участием сетевых партнеров осуществляется подготовка видеолекций, методических материалов, рекомендаций, памяток, алгоритмов, полезных советов, ссылок на внешние ресурсы.

Второе направление педагогического просвещения – вариативное. Это направление может быть реализовано в онлайн- или офлайн-формате. При этом оба формата предполагают возможность использования индивидуальной, групповой или фронтальной формы просвещения. В данном случае очень важным является множественное взаимодействие родителей с различными источниками информации (лекции, методические пособия, специальная литература, общение и другие), в основе которых находятся цели и интересы в сфере педагогического просвещения.

Третий этап основных процессов – оценочно-рефлексивный. Цель – оценка качества процесса педагогического просвещения родителей. Этап предполагает оценку функционирования модели по трем критериям: технологическому, содержательному и результативному.

Кроме основных процессов, непосредственно влияющих на результат, модель включает вспомогательные процессы. К ним относится работа с педагогами и информационное обеспечение. Организация работы с педагогами осуществляется через реализацию программы повышения квалификации для управленческих и педагогических кадров по вопросам педагогического просвещения родителей. Информационное обеспечение, с одной стороны, включает администрирование интернет-площадки, с другой, информирование педагогической и родительской общественности о возможности использования для педагогического просвещения единого ресурса, а также ведение и расширение базы данных потенциальных участников сетевого взаимодействия.

Для эффективного функционирования модели необходимы управленческие процессы. К ним относится анализ (проводится на этапе диагностики, отбора и группировки запросов родителей на просвещение), планирование (включает поиск участников сетевого взаимодействия, разработку необходимых материалов), реализация (собственно организация сетевых просветительских событий), оценка и коррекция (анализ анкет обратной связи, внесение необходимых изменений и дополнений в просветительские материалы, перечень участников сетевого взаимодействия, формы просвещения и др.).

Таким образом, представленная модель ориентирована на результат – обеспечение сетевого взаимодействия образовательных организаций в процессе педагогического просвещения родителей. Родители – это люди со сложившимися ценностями, барьерами восприятия, определенными стереотипами поведения, внутренней неуверенностью. Но каждый из них имеет право на педагогическое просвещение. Многообразный и избыточный содержательный материал, предлагаемый в разных формах, с учетом дефицита времени, удобства использования позволит в полной мере удовлетворить запрос родителей на просвещение. Родители смогут самостоятельно выстраивать маршрут педагогического просвещения. Не менее важную роль предлагаемая модель будет иметь для педагогических работников. Она позволит максимально раскрыть педагогу свой потенциал в вопросах просвещения родителей, быть востребованным для широкой целевой аудитории. Для образовательных организаций – укрепить свой имидж, презентовать опыт, установить новые партнерские связи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Весна, Е. Б. Модели взаимодействия организаций при сетевой форме реализации образовательных программ / Е. Б. Весна, А. И. Гусева. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10934> (дата обращения: 20.01.2024). – Текст : электронный.
2. Горбунова, А. В. Сетевая модель как новая форма организации муниципальной методической службы в решении приоритетных задач развития образования / А. В. Горбунова, Е. В. Василевская. – Текст : непосредственный // Методист. – 2008. – № 3. – С. 20–24.

3. Григорьев, Д. Сетевой клуб тьюторов в сфере воспитания / Д. Григорьев, П. Степанов. – Текст : непосредственный // Воспитательная работа в школе. – 2007. – № 6. – С. 39–52.
4. Громкова, М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых / М. Т. Громкова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 495 с. – Текст : непосредственный.
5. Ермаков, Д. Сетевая модель профильного обучения / Д. Ермаков. – Текст : непосредственный // Народное образование. – 2009. – № 9. – С. 93–98.
6. Жуковицкая, Н. Н. Экономические и правовые аспекты сетевого взаимодействия / Н. Н. Жуковицкая. – Текст : непосредственный // Народное образование. – 2018. – № 1–2. – С. 55–63.
7. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М. : Академия, 2005. – 208 с. – Текст : непосредственный.
8. Кондакова, М. Л. Модели сетевого взаимодействия при введении профильного обучения / М. Л. Кондакова. – Текст : непосредственный // Управление школой. – 2007. – № 2. – С. 31–37.
9. Новиков, А. М. Педагогика : словарь системы основных понятий / А. М. Новиков. – М. : Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с. – Текст : непосредственный.
10. Попова, И. Н. Сетевое взаимодействие как ресурс развития общего и дополнительного образования / И. Н. Попова. – Текст : непосредственный // Мир науки. – 2016. – № 6. – С. 1–10.
11. План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи. – URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdApxg3AFBO2ZqO4a3uAjoEI5.pdf> (дата обращения: 19.01.2024). – Текст : электронный.
12. Романова, О. В. Создание сетевых объединений и партнерств школ с низкими образовательными результатами с ведущими школами : методические рекомендации / О. В. Романова. – Свердловск : Издательство НТФ ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2018. – 48 с. – Текст : непосредственный.
13. Степанов, П. В. Современная теория воспитания : словарь-справочник / П. В. Степанов. – М. : Педагогический поиск, 2016. – 48 с. – Текст : непосредственный.
14. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=ltocipk89s413593797> (дата обращения: 19.01.2024). – Текст : электронный.
15. Якушкина, М. С. Модели сетевого событийного взаимодействия как отражение современной образовательной реальности / М. С. Якушкина. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 9 (152). – С. 4–16.

REFERENCES

1. Vesna E. B., Guseva A. I. *Modeli vzaimodejstvija organizacij pri setevoj forme realizacii obrazovatel'nyh program* [Models of interaction between organizations in the network form of educational programs implementation]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10934>. (In Russian).
2. Gorbunova A. V., Vasilevskaja E. V. The network model as a new form of organization of the municipal methodological service in solving priority tasks of education development. *Metodist = Methodologist*, 2008, no. 3, pp. 20–24. (In Russian).

3. Grigor'ev D., Stepanov P. Network club of tutors in the field of education. *Vospitatel'naja rabota v shkole = Educational work at school*, 2007, no. 6, pp. 39–52. (In Russian).
4. Gromkova M. T. *Andragogika: teorija i praktika obrazovanija vzroslyh [Andragogy: theory and practice of adult education]*. M., YUNITI-DANA, 2017. 495 p. (In Russian).
5. Ermakov D. Network model of specialized training. *Narodnoe obrazovanie = Public education*, 2009, no. 9, pp. 93–98. (In Russian).
6. Zhukovickaja N. N. Economic and legal aspects of networking. *Narodnoe obrazovanie = Public education*, 2018, no. 1–2, pp. 55–63. (In Russian).
7. Zagvjazinskij V. I., Atahanov R. *Metodologija i metody psihologo-pedagogičeskogo issledovanija [Methodology and methods of psychological and pedagogical research]*. M., Akademija, 2005. 208 p. (In Russian).
8. Kondakova M. L. Models of network interaction in the introduction of specialized training. *Upravlenie shkoloj = School management*, 2007, no. 2, pp. 31–37. (In Russian).
9. Novikov A. M. *Pedagogika [Pedagogy]*. M., Izdatel'skij centr IJeT, 2013. 268 p. (In Russian).
10. Popova I. N. Networking as a resource for the development of general and additional education. *Mir nauki = The world of science*, 2016, no. 6, pp. 1–10. (In Russian).
11. *Plan osnovnyh meroprijatij po provedeniju v Rossijskoj Federacii Goda sem'i [The plan of the main events for the Year of the Family in the Russian Federation]*. URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdApxg3AFBO2ZqO4a3uAjoEI5.pdf>. (In Russian).
12. Romanova O. V. *Sozdanie setevyh ob"edinenij i partnerstv shkol s nizkimi obrazovatel'nymi rezul'tatami s vedushhimi shkolami [Creation of network associations and partnerships of schools with low educational results with leading schools]*. Sverdlovsk, NTF GAOU DPO SO "IRO", 2018. 48 p. (In Russian).
13. Stepanov P. V. *Sovremennaja teorija vospitanija [Modern theory of education]*. M., Pedagogičeskij poisk, 2016. 48 p. (In Russian).
14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22.11.2023 N 875 "O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda sem'i" [Decree of the President of the Russian Federation dated November 22, 2023 No. 875 "On holding the Year of the Family in the Russian Federation"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=ltocipk89s413593797>. (In Russian).
15. Yakushkina M. S. Models of network event interaction as a reflection of modern educational reality. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 9 (152), pp. 4–16. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Вашукова, И. С. Модель педагогического просвещения родителей на основе сетевого взаимодействия / И. С. Вашукова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 9–16.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vashukova I. S. A Model of Pedagogical Education of Parents Based on Network Interaction / I. S. Vashukova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 9–16. (In Russian).

УДК 378

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ
В СРЕДЕ ПЕДВУЗА**

А.М. Жукова

**SPECIFICS OF FORMATION
OF PROFESSIONAL AND MORAL POSITION OF STUDENTS
IN THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY ENVIRONMENT**

A.M. Zhukova

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов в системе высшего образования. Особое внимание уделяется профессионально-нравственному аспекту развития личности студентов – будущих педагогов. Студенческий период образования определяется одним из основных для формирования не только профессиональных, но и нравственных структур личности. Приводится теоретический анализ литературы, посвященной проблематике формирования профессионально-нравственной позиции будущих педагогов. Несмотря на большое количество работ, связанных с формированием профессиональной позиции педагога, аспекту формирования профессионально-нравственной позиции в условиях среды педвуза не уделяется должного внимания. В связи с этим в статье не только определяется данная категория, но и дефиниция профессионально-нравственной позиции будущего педагога, специфические характеристики профессионально-нравственной позиции в образовательном процессе высшего учебного заведения.

Abstract. The article deals with topical issues of professional training of future teachers in the system of higher education. Special attention is paid to the professional and moral aspect of personality development of students of future teachers. The student period is defined as one of the main ones for the formation of not only professional but also moral structures of students' personality. Theoretical analysis of literature devoted to the problem of formation of professional and moral position of future teachers is given. Despite the large number of works related to the formation of professional position of a teacher, the aspect of formation of professional and moral position in the environment of pedagogical university is not given due attention. In this regard, the article reveals this category, defines the professional and moral position of a future teacher. The specific characteristics of professional and moral position in the context of the educational process in higher education institution are also defined.

Ключевые слова: позиция, профессиональная позиция, профессионально-нравственная позиция педагога, нравственность, полисубъектное взаимодействие.

Keywords: position, professional position, morality, professional-morality position of a teacher, polysubject interaction.

Современная социокультурная ситуация вносит изменения в представления об образовательном процессе в высшей школе. В связи с этим актуальность изучаемого вопроса определяется потребностью современной педагогической теории и практики в совершенствовании методологии воспитания личности,

учитывая при этом уровень нравственного развития студентов, в качестве исходного положения. На фоне развития инновационной деятельности просматривается спад значимости развития нравственной сферы и подмена нравственных ценностей, несмотря на то, что «воспитание высоконравственной личности является приоритетной задачей образовательной системы Российской Федерации» установлено Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. В связи с этим актуализируется проблема созидания и внедрения в систему высшего образования педагогических средства и обновленных механизмов воздействия, направленных на формирование у будущих учителей нравственного профессионально-ценностного фундамента в виде профессионально-нравственной позиции.

Период обучения в вузе считается одним из важнейших этапов социализации личности. Это обосновано психолого-педагогической характеристикой данного возраста, определяющегося самостоятельностью, осознанностью, стремлением к развитию и активностью. Именно в студенческий период молодые люди активно выбирают стили действия, профессиональные идеалы, формируют устойчивые ценностные иерархии, которые впоследствии будут формировать позиционное отношение личности к различным сторонам действительности. Система высшего образования и образовательный процесс конкретного университета является уникальной площадкой для управляемого воздействия на формирование профессионально-нравственной позиции будущего педагога.

Особую значимость проблема формирования профессионально-нравственной позиции имеет в педагогических университетах, осуществляющих подготовку будущих педагогов, так как подготовка высококвалифицированных, высоконравственных педагогов [1; 24; 25], является эффективным способом повысить уровень нравственности и культуры в будущем всего общества.

Анализ литературы по данной проблематике показал достаточное количество научных трудов, посвященных становлению профессиональной позиции (В.И. Бедерханова, В.К. Зарецкий, И.А. Колесникова, С.И. Краснов, А.К. Маркова, В.И. Слободчиков, А.М. Трещев, Г.А. Цукерман), посвященных формированию нравственной позиции (К.Р. Агаронян, В.А. Арамавичюте, Н.И. Болдырев, З.И. Васильева, Е.О. Галицких, Б.И. Додонов, А.А. Люблинская, О.Н. Лушникова, Т.Н. Мальковская, М.И. Рожков, Н.Е. Щуркова, М.Г. Яновская).

Однако мы отмечаем, что проблема формирования профессионально-нравственной позиции будущих педагогов в образовательной среде университета недостаточно раскрыта.

Профессионально-нравственная позиция личности является сложным психолого-педагогическим явлением. Дать точное определение данной категории довольно сложно. Для четкого определения категории «профессионально-нравственная позиция» стоит начать теоретический обзор с категории «позиция» что даст нам общее понятие дефиниции. Позиция определяет личность в системе его деятельности и отношений с внешним и внутренним

миром, регулирует количественно ее участие в собственном устое жизни: от автономности до конформности. Позиция определяет «ценности, интересы, мотивы, установки, а также типичные для субъекта способы реализации в своей жизни отношений с окружающими людьми» [14, с. 43–48], а также «направленность личности как отношение того, что личность получает и берет от общества... к тому, что она... вносит в его развитие» [10, с. 311].

Формирование позиции идет в ногу с личностным развитием человека, отражая наличие сложившихся у него принципов, устоев и мировоззрения в целом.

Позиция (по В.И. Слободчикову и Г.А. Цукерман) является целостной структурой личности и характеризует образ жизни человека. При этом авторы отмечают, что она имеет «свойство подвижности, что позволяет воссоздавать и дополнять ответственный выбор образа действий и образов, определяющих ее» [21, с. 29–30]. А.В. Нечипоренко рассматривает «позицию» как «способ действия и метод мышления» [16].

Анализ научных работ, посвященных изучению данной категории, показывает многогранность понятия позиции, рассматриваемой в контексте различных сторон жизнедеятельности личности. Выделим некоторые из них, с уточнением содержания профессионально-нравственной позиции»:

- личностная позиция (К.А. Абульханова, С.В. Бонкало, О.В. Лишин и др.), определяемая как «устойчивая система отношений человека к отдельным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении» [11, с. 25];

- субъектная позиция (М.Р. Битянова, И.В. Вачков, О.А. Мацкайлова и др.) как «устойчивая система отношений человека к миру, другим людям и самому себе, позволяющая ему сознательно, ответственно и свободно строить свою жизнь в мире людей, а также совершать жизненные выборы и поступки, основными критериями которых являются принятые личностью ценности» [6, с. 38];

- внутренняя позиция (Л.М. Архангельский, Л.И. Божович, В.С. Лукина и др.), представляющая «особое ценностное отношение человека к себе, к окружающим людям, к собственному жизненному пути и к жизни вообще» [15, с. 913];

- рефлексивная позиция (Т.А. Бондаренко, Н.П. Ерина, С.В. Проничева и др.), что предполагает «устойчивую осознанную систему отношений личности к собственной деятельности во всех ее структурных компонентах и к себе как деятелю» [4, с. 18];

- нравственная позиция (В.А. Арамавичюте, Е.Г. Кашкарова, Е.Л. Никитина и др.), рассматриваемая как «усвоенные или выработанные взгляды на действительность, человека, которые регулируют поведение, определяют его, то есть взгляды активные, действенные, способные быть мотивами поведения» [17, с. 30];

- творческая позиция (Е.Б. Анфимова, А.М. Трещева, О.С. Руденко и др.) как «своеобразный способ существования человека, форма его саморазвития и самоутверждения» [26, с. 140];

- профессиональная позиция (С.П. Будникова, М.С. Лукова, О.К. Соколовская и др.), определяемая как «точка зрения, отношение к назначению своей профессии и действия, поведение, обусловленное ими; это система тех интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической действительности и педагогической деятельности» [2, с. 27].

В контексте нашей работы отдельного изучения заслуживает понятие «профессионально-личностной позиции педагога» (Р.М. Асадулин, Е.В. Бондаревская, А.И. Григорьева, С.В. Гринько, Н.К. Сергеев, В.В. Сериков и др.). Наиболее обобщенное описание данной категории мы видим в трудах А.К. Марковой, где она трактуется как «устойчивая система отношений учителя (к ученику, к себе, к коллегам), определяющая его поведение» [13, с. 9]. В работах С.В. Алехиной и С.М. Дмитриевой «профессионально-личностная позиция педагога – это устойчивый феномен сознания, который определяет тип взаимодействия с учеником, подразумевающий содействие «становлению и развитию личности учащегося за счет проблематизации, проектирования, понимания, признания и принятия другого» [1, с. 33].

Для нашего исследования значимы аспекты рассмотрения профессионально-личностной позиции будущих педагогов. О.В. Ванновская и О.И. Иванова трактуют профессионально-личностную позицию педагога «как систему отношений субъекта труда к целям, предмету, этическим нормам своей профессиональной деятельности и границам собственной компетентности, реализуемую в профессиональном мировоззрении (когнитивный компонент), профессиональной саморегуляции (регулятивный компонент) и ведущем типе реагирования в профессионально значимых ситуациях (поведенческий компонент)» [5, с. 280]. Е.М. Кочнеева рассматривает данную категорию, отмечая, что профессионально-нравственная позиция будущего педагога «есть некий результат их особой интеллектуальной деятельности (например, проектирования), в котором должно быть отображено отношение индивида к себе как носителю профессии, к профессии как особой деятельности и к профессиональному сообществу» [9, с. 258].

Проведенный анализ понятийной системы отечественной науки категории «позиция» со стороны различных аспектов позволяет обозначить значимость ее изучения в качестве одной из основных целей профессиональной подготовки будущих педагогов.

Синтез полученной информации, приводит к умозаключению о том, что вышеперечисленные понятия весьма тесно связаны и схожи по содержанию. В педагогической деятельности прослеживается тесное взаимодополнение профессионально-личностной и нравственной позиций.

Однако, несмотря на обширный понятийный аппарат, «профессионально-нравственная позиция» как отдельная педагогическая категория стала выделяться некоторыми исследователями недавно.

О.Б. Мазкина определяет профессионально-нравственную позицию как «интеграцию доминирующих избирательных отношений к выбранной профессии, к себе, как к начинающему профессионалу, к процессу обучения и своему

профессиональному пути, детерминирующих учебно-профессиональную активность и динамику профессионально-личностного саморазвития» [12, с. 63].

В.Н. Черниговский предлагает следующее определение: «профессионально-нравственная позиция – это устойчивое системное новообразование личности, характеризующееся единством осознанных и доминирующих ценностно-смысловых отношений к самому себе, к профессиональной деятельности. Основой такой позиции выступает индивидуальная, специфическая система смыслов как мотивационное ядро, гуманистические мировоззренческие установки и нравственно-ценные качества личности» [26, с. 6].

Мы рассматриваем профессионально-нравственную позицию как собирательную характеристику личности, основанием которой является субъективное отношение и рефлексивная оценка профессиональной педагогической деятельности, проявляющуюся в профессиональной активности, педагогической мотивации и педагогической направленности на деятельность, выражающуюся в способности личности самостоятельно выбирать и присваивать нравственные ценности, определяющие формы поведения в профессиональной деятельности и жизни. Формирование профессионально-нравственной позиции тесно связано с социальным пространством, в котором оно происходит. Для будущих педагогов таким пространством выступает образовательная среда педагогического университета.

Процесс формирования профессионально-нравственной позиции педагога должен быть сознательным, рассматриваться как противоположный прямому преемственному, когда «навязывание» информации путем прямой ее передачи может привести к «обратному» результату. Формирование мы рассматриваем как создание благоприятных психолого-педагогических условий, которые будут способствовать самостоятельному выбору, осознанному отбору и присвоению профессиональных компетенций будущими педагогами.

Проектирование процесса формирования профессионально-нравственной позиции у студентов предполагает учет психологического портрета современного студента. Нынешнее поколение характеризуется иными нравственными качествами и ориентирами, высокой активностью, обеспечением большим количеством информации из различных источников, что приводит к диссонансу сознательном отражении окружающей действительности. Ввиду этого возрастает роль преподавателя как одного из авторитетных помощников, способствующих формированию необходимых профессиональных и личностных качеств, в том числе и профессионально-нравственной позиции.

Для эффективности процесса преемственности студентами высоких нравственных и профессиональных качеств преподаватель должен обладать и восприниматься ими как эталон, образец для подражания (А.В. Бодак, Е.П. Ильин, В.А. Кан-Калик, В.А. Караковский, В.Г. Маралов, Н.Д. Никандров, Л.И. Рувинский, С.Л. Соловейчик, С.И. Хохлов и др.).

Ю.Ю. Раздымаха отмечает многоаспектность деятельности преподавателя в педагогическом вузе, отмечая, что «преподаватель вуза – личность,

которая по содержанию своей профессиональной деятельности должна обладать рядом универсальных качеств. Преподаватель должен иметь способности организатора, оратора, аналитика, психолога; правильно писать и хорошо говорить; быть высококомпетентным специалистом в своей профессиональной сфере и эрудитом в других областях знаний» [19, с. 49]. Все вышеперечисленное она связывает с «имиджем педагога», как комплексной личностной характеристикой, позволяющей ему стать эталоном для обучающихся. Акцент в ее случае ставится на коммуникативных навыках. Ряд авторов связывает имидж педагога высшей школы с понятием «нравственного авторитета», что предполагает наличие у него в структуре личности определенных нравственных качеств (В.И. Бабияк, А.Н. Мускина, С.С. Чабанова и др.).

Необходимо отметить, что эффективность переноса профессионально-личностных качеств будет достигаться при условии оценки самим преподавателем значимости своей деятельности, внимательного отношения и рефлексивного анализа действий.

Тем самым мы приходим к пониманию процесса формирования профессионально-нравственной позиции как полисубъектного взаимодействия, когда взаимодействие «преподаватель – студент» способствует взаимодополняющему развитию самоотношения и самосознания обоих субъектов образовательного процесса.

Некоторыми исследователями вопросов полисубъектности в образовательном процессе она рассматривается как «высший уровень развития субъектности личности, который характеризуется гармоничностью проявления в реальностях познания, отношения, преобразования и обеспечивает эффективность работы педагога в пространстве современного образования» (И.В. Вачков, С.П. Иванова, Е.В. Фалунина и др.) [6; 8; 23].

Как отмечает М.В. Буланова-Топоркова, «взаимоотношения в учебном процессе должны строиться на субъект-субъектной основе, когда обе стороны общаются на равных, как личности, как равноправные участники процесса общения. При соблюдении этого условия устанавливается не межролевой контакт, а межличностный контакт, в результате которого и возникает диалог, а значит, и наибольшая восприимчивость и открытость к воздействиям одного участника общения на другого. Создается оптимальная база для позитивных изменений в познавательной, эмоциональной, нравственной и поведенческой сферах каждого из участников общения» [7, с. 319–320].

Руководителем полисубъектного взаимодействия в вузе мы определяем преподавателя как инициатора данного типа взаимодействия, успешность реализации которого будет зависеть от профессионального мастерства и личностных качеств преподавателя, что в целом формирует его педагогический и нравственный авторитет перед обучающимися.

С.П. Иванова в контексте полисубъектного взаимодействия акцентирует внимание на гуманистическом характере таких отношений, взаимообогащение субъектов в котором будет происходить через диалог [8].

Мы отмечаем, что основой для полисубъектного взаимодействия эффективного формирования профессионально-нравственной позиции будущих педагогов становится развитость таких профессионально-личностных характеристик, как понимание ценности полисубъектности, выраженная направленность на педагогическую профессию, способность к сопереживанию и рефлексии, а также устойчивая система нравственных ценностей. Именно тогда можно говорить не только о формировании профессиональных характеристик студентов, но и о нравственном взаимовлиянии субъектов образовательного процесса, о потенциале формирования профессионально-нравственной позиции педагога.

Таким образом, формирование профессионально-нравственной позиции будущих педагогов находится в процессе педагогического анализа, значимость его для теории и практики образовательного процесса в высшей школе не вызывает сомнений.

Становление качеств личности происходит на протяжении всей жизни, но именно в процессе образования в педагогическом университете происходит обогащение профессиональных и нравственных качеств специалиста, формирование его профессионально-нравственной позиции, с которыми он вступит на профессиональный путь, что связано с сензитивностью данного возрастного периода. Совокупность самостоятельно выбранных и усвоенных, устойчивых профессионально-нравственных характеристик личности будущего педагога, основанных на его социальном опыте, отражающая внутреннюю позицию личности, определяется нами как «профессионально-нравственная позиция». Образовательный процесс формирования в педагогическом университете профессионально-нравственной позиции будущих педагогов обуславливается спецификой образовательной среды организации, а также такими ее особенностями, как подражательный характер профессионально-нравственной позиции педагога, где педагог будет восприниматься как «эталон», полисубъектность взаимодействия участников образовательного процесса вуза, нравственное взаимовлияние субъектов образовательного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдошина, М. И. Формирование профессиональных ценностей студентов в современном университетском образовании / М. И. Алдошина. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 4. – С. 168–173.
2. Амонашвили, Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогической профессии / Ш. А. Амонашвили. – Минск : Университетское, 1990. – 559 с. – Текст : непосредственный.
3. Алехина, С. В. Сравнительный анализ профессиональной позиции учителя в разных формах обучения / С. В. Алехина, С. М. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 3. – С. 32–40.
4. Багдай, Е. В. Рефлексивная позиция личности как средство решения задач профессионального образования / Е. В. Багдай. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2007. – № 13 (1). – С. 17–21.

5. Ванновская, О. В. Формирование профессиональной позиции как психолого-педагогическая проблема / О. В. Ванновская, О. И. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 2. – С. 279–285.

6. Вачков, И. В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде / И. В. Вачков. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Том 11. – № 2. – С. 36–50.

7. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов / И. А. Зимняя. – М. : Логос, 2009. – 382 с. – Текст : непосредственный.

8. Иванова, С. П. Взаимодействие человека в социально-образовательной среде как многоуровневый полисубъектный феномен / С. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Человек как субъект социально-педагогического взаимодействия : материалы Международной научно-методической конференции, посвященной памяти профессора Л. М. Лузиной. – Псков : Издательство Псковского государственного университета, 2016. – С. 56–62.

9. Подходы к изучению понятий «позиция» и «профессиональная позиция» в психологии / Е. М. Кочнева, Д. В. Жарова, Е. А. Костылева, Т. Г. Харитоновна. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – № 6. – С. 255–259.

10. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1999. – 349 с. – Текст : непосредственный.

11. Лучкина, Т. В. Теоретические аспекты становления профессионально-личностной позиции молодого учителя / Т. В. Лучкина. – Текст : непосредственный // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2009. – № 1 (58). – С. 21–29.

12. Мазкина, О. Б. Профессионально-нравственная позиция студентов вуза как педагогическая проблема / О. Б. Мазкина, А. В. Попов. – Текст : непосредственный // Педагогика XXI века: традиции и инновации : сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Липецк, 6 декабря 2018 года) / под редакцией Н. В. Феединой. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 62–66.

13. Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1993. – 192 с. – Текст : непосредственный.

14. Мацкайлова, О. А. Субъектная позиция как цель гуманитарного образования / О. А. Мацкайлова. – Текст : непосредственный // Среднее профессиональное образование. – 2006. – № 10. – С. 43–48.

15. Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина. – М. : Национальный книжный центр, 2017. – 1088 с. – Текст : непосредственный.

16. Нечипоренко, А. В. Понятие позиции и позиционное мышление / А. В. Нечипоренко. – Текст : непосредственный // Сибирский философский журнал. – 2020. – № 18 (2). – С. 195–207.

17. Никитина, Е. Л. Нравственная позиция старшеклассника к институту семьи: сущность и структура / Е. Л. Никитина. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – № 3 (2). – С. 29–33.

18. Ободовский, А. Г. Руководство к педагогике, или науке воспитания, составленное по Нимейеру / А. Г. Ободовский. – СПб. : Типография Вингегера, 1835. – 234 с. – Текст : непосредственный.

19. Раздымаха, Ю. Ю. Имидж преподавателя вуза: основные факторы влияния / Ю. Ю. Раздымаха. – Текст : непосредственный // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2012. – № 1. – С. 45–51.
20. Слободчиков, В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования / В. И. Слободчиков. – Екатеринбург : Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2010. – 263 с. – Текст : непосредственный.
21. Слободчиков, В. И. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте / В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 25–36.
22. Солондаев, В. К. Профессиональная позиция в практическом мышлении / В. К. Солондаев. – Текст : непосредственный // Психология – наука будущего : материалы международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» (г. Москва, 1–2 ноября 2007 г.) / под редакцией А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – С. 392–395.
23. Фалунина, Е. В. Психолого-педагогическая модель системы подготовки будущих учителей к работе в пространстве современного образования : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Фалунина Елена Васильевна. – М., 2012. – 475 с. – Текст : непосредственный.
24. Фетисов, А. С. Исторический дискурс проблемы профессионально важных качеств педагога в контексте педагогического идеала / А. С. Фетисов. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2022. – № 3. – С. 7–14. – DOI 10.15293/1813-4718.2203.01.
25. Фетисов, А. С. Педагогическая концепция формирования профессиональных качеств педагога в контексте здоровьесберегающей образовательной среды (система повышения квалификации) : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Фетисов Александр Сергеевич. – Воронеж, 2020. – 455 с. – Текст : непосредственный.
26. Черниговский, В. Н. Формирование профессионально-нравственной позиции курсанта в образовательном процессе вуза МВД России : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Черниговский Владимир Николаевич. – Воронеж, 2019. – 179 с. – Текст : непосредственный.
27. Cupp S., Moore P., Fortenberry N. Linking student learning outcomes to instructional practices // 34th Annual Frontiers in Education. – FIE, 2004.
28. Erikson E. H. Identity, psychosocial // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y. : The Macmillan Company & The Free press, 1968.

REFERENCES

1. Aldoshina M. I. Formation of professional values of students in modern university education. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2008, no. 4, pp. 168–173. (In Russian).
2. Amonashvili Sh. A. *Lichnostno-gumannaya osnova pedagogicheskoy professii* [The personal and humane basis of the teaching profession]. Minsk, Universitetskoe, 1990. 559 p. (In Russian).
3. Alekhina S. V. Comparative analysis of the professional position of a teacher in different forms of teaching. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2011, no. 3, pp. 32–40. (In Russian).

4. Bagdaj E. V. Reflective position of the individual as a means of solving problems of professional education. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2007, no. 13 (1), pp. 17–21. (In Russian).
5. Vannovskaya O. V. Formation of a professional position as a psychological and pedagogical problem. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2010, no. 2, pp. 279–285. (In Russian).
6. Vachkov I. V. Polysubjective interaction in the educational environment. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 2, pp. 36–50. (In Russian).
7. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology]. M., Logos, 2009. 382 p. (In Russian).
8. Ivanova S. P. Human interaction in socio-educational environment as a multi-level polysubject phenomenon. *Chelovek kak sub'ekt social'no-pedagogicheskogo vzaimodejstviya = A person as a subject of social and pedagogical interaction*. Pskov, 2016, pp. 56-62. (In Russian).
9. Kochneva E. M., Zharova D. V., Kostyleva E. A., Haritonova T. G. Approaches to the study of the concepts of "position" and "professional position" in psychology. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya = The azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2017, no. 6, pp. 255–259. (In Russian).
10. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. M., Nauka, 1999. 349 p. (In Russian).
11. Luchkina T. V. Theoretical aspects of the formation of the professional and personal position of a young teacher. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO = Education and science. Izvestia UrO RAO*, 2009, no. 1 (58), p. 21–29. (In Russian).
12. Mazkina O. B. Professional and moral position of university students as a pedagogical problem. *Pedagogika XXI veka: tradicii i innovacii = Pedagogy of the XXI century: traditions and innovations*. Lipetsk, 2018, pp. 62–66. (In Russian).
13. Markova A. K. *Psihologiya truda uchitelya* [Psychology of the teacher's work]. M., Prosveshchenie, 1993. 192 p. (In Russian).
14. Mackajlova O. A. Subjective position as the goal of humanitarian education. *Srednee professional'noe obrazovanie = Secondary vocational education*, 2006, no. 10, pp. 43–48. (In Russian).
15. Muhina V. S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podhod. Innovacionnye aspekty)* [Personality: Myths and Reality (An alternative view. A systematic approach. Innovative aspects)]. M., Nacional'nyj knizhnyj centr, 2017. 1088 p. (In Russian).
16. Nechiporenko A. V. The concept of position and positional thinking. *Sibirskij filosofskij zhurnal = Siberian Philosophical Journal*, 2020, no. 18 (2), pp. 195–207. (In Russian).
17. Nikitina E. L. The moral position of a high school student towards the institute families: essence and structure. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*, 2009, no. 3 (2), pp. 29–33. (In Russian).
18. Obodovskij A. G. *Rukovodstvo k pedagogike, ili nauke vospitaniya, sostavlennoe po Nimejeru* [Manual of Pedagogy, or the Science of Education, compiled by Niemejer]. SPb., Vingeber Printing House, 1835. 234 p. (In Russian).

19. Razdymaha Y. Y. Image of a university teacher: main factors of influence. *Vestnik associacii vuzov turizma i servisa = Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 2012, no. 1, pp. 45–51. (In Russian).
20. Slobodchikov V. I. *Antropologicheskaya perspektiva otechestvennogo obrazovaniya* [Anthropological perspective of national education]. Ekaterinburg, Informacionno-izdatel'skij otdel Ekaterinburgskoj eparhii, 2010. 263 p. (In Russian).
21. Slobodchikov V. I. Genesis of reflective consciousness in primary school age. *Voprosy psichologii = Questions of psychology*, 1990, no. 3, pp. 25–36. (In Russian).
22. Solondaev V. K. Professional position in practical thinking. *Psichologiya – nauka budushchego = Psychology is the science of the future*. M., 2007, pp. 392–395. (In Russian).
23. Falunina E. V. *Psichologo-pedagogicheskaya model' sistemy podgotovki budushchih uchitelej k rabote v prostranstve sovremennogo obrazovaniya* [Psychological and pedagogical model of the system of training future teachers to work in the space of modern education]. M., 2012. 475 p. (In Russian).
24. Fetisov A. S. Historical discourse on the problem of professionally important qualities of a teacher in the context of the pedagogical ideal. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2022, no. 3, pp. 7–14. DOI 10.15293/1813-4718.2203.01. (In Russian)
25. Fetisov A. S. *Pedagogicheskaya kontsepsiya formirovaniya professional'nykh kachestva pedagoga v kontekste zdorovesberezhnoy obrazovatel'noy sredy (sistema povysheniya kvalifikatsii)* [Pedagogical concept of the formation of professional qualities of a teacher in the context of a health-saving educational environment (system of advanced training)]. Voronezh, 2020. 455 p. (In Russian).
26. Chernigovskij V. N. *Formirovanie professional'no-nravstvennoj pozicii kursanta v obrazovatel'nom processe vuza MVD Rossii* [Formation of professional and moral position of a cadet in the educational process of a higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Voronezh, 2019. 179 p. (In Russian).
27. Cupp S., Moore P., Fortenberry N. Linking student learning outcomes to instructional practices. *34th Annual Frontiers in Education*. FIE, 2004.
28. Erikson E. H. Identity, psychosocial. *International Encyclopedia of Social Sciences*. N. Y., The Macmillan Company & The Free press, 1968.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Жукова, А. М. Специфика формирования профессионально-нравственной позиции студентов в среде педвуза / А. М. Жукова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 17–27.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zhukova A. M. Specifics of Formation of Professional and Moral Position of Students in the Pedagogical University Environment / A. M. Zhukova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 17–27. (In Russian).

УДК 378.14

**ПРЕДМЕТНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ**
Н.В. Зеленко, Г.Н. Зеленко, Н.В. Аджей

**THE SUBJECT-BASED EDUCATIONAL ENVIRONMENT
IN THE SYSTEM OF TRAINING
FUTURE TECHNOLOGY TEACHERS**
N.V. Zelenko, G.N. Zelenko, N.V. Adzhey

Аннотация. В статье обоснована актуальность рассмотрения предметной образовательной среды в системе подготовки будущих учителей технологии, выявлены социально-экономические условия обновления понятия «предметная образовательная среда обучения труду (технологии)» и компетентности педагога, работающего в данной среде. Раскрыто содержание профильной (предметной) компетентности учителя технологии предполагающее владение, как ручными инструментами, так и станками с ЧПУ, умение организовать учебно-исследовательскую и проектную деятельность, поддержать ученический стартап. Дан анализ научно-педагогических исследований в аспекте образовательной среды и ее компонентов, рассмотрены современные подходы к развитию предметной образовательной среды, обеспечивающей повышение эффективности подготовки будущих учителей технологии к реализации задач трудового обучения и воспитания школьников в новых социально-экономических условиях. Обобщен опыт подготовки будущих учителей технологии на базе Армавирского государственного педагогического университета, где создана высокотехнологичная образовательная среда (Технопарк универсальных педагогических компетенций «Учитель будущего поколения России», педагогический Кванториум, кабинет «Технологии»), позволяющая готовить высококвалифицированных специалистов. Проведенные исследования и обобщение передового опыта позволяют сделать вывод, что наличие высокотехнологичной предметной образовательной среды способствует профессиональному становлению будущих учителей технологии, приобретению положительного трудового опыта, раскрытию творческих способностей.

Abstract. The article substantiates the relevance of considering the subject educational environment in the system of training future teachers of technology, identifies the socio-economic conditions for updating the concept of "subject educational environment for teaching labor (technology)" and the competence of a teacher working in this environment. The content of the profile (subject) competence of a technology teacher is revealed, which involves the possession of both hand tools and CNC machines, the ability to organize educational, research and project activities and support a student startup. An analysis of scientific and pedagogical research in the aspect of the educational environment and its components is given, modern approaches to the development of the subject educational environment are considered, which provides an increase in the effectiveness of training future teachers of technology for the implementation of the tasks of labor training and education of schoolchildren in new socio-economic conditions. The experience of training future technology teachers on the basis of Armavir State Pedagogical University has been generalized, where a high-tech educational environment has been

created (Technopark of Universal Pedagogical Competencies "Teacher of the Future Generation of Russia", Pedagogical Quantorium, "Technologies" classroom), which allows training highly qualified specialists. The conducted research and the generalization of best practices allow us to conclude that the presence of a high-tech subject educational environment contributes to the professional development of future technology teachers, the acquisition of positive work experience, and the disclosure of creative abilities.

Ключевые слова: подготовка учителя технологии, предметная образовательная среда, учебное оборудование, профессиональное становление.

Keywords: technology teacher training, subject educational environment, educational equipment, professional development.

Актуальность рассмотрения предметной образовательной среды в системе подготовки будущих учителей технологии обусловлена социально-экономической ситуацией в стране, которая характеризуется разрывом между спросом и предложением на рынке труда и рынке образовательных услуг, требованиями работодателей и отношением к трудовой деятельности молодых людей, выросших в условиях противоречивого, разнонаправленного воздействия семьи, школы и социума.

Недостаточное внимание со стороны родителей, образовательных организаций и общественности к проблемам трудового обучения и воспитания, которое имело место в последние двадцать пять лет, привело к тому, что выросло целое поколение молодых людей с завышенным уровнем притязаний, эгоистической направленностью личности, отсутствием трудовой мотивации. При этом основой профессиональной успешности является наличие трудовых умений, опыта трудовой деятельности и трудолюбия, которые формируется с первых лет жизни и поддерживается системой воспитательной работы.

Особую значимость проблема возрождения традиций и создания условий для обновления содержания и методов трудового обучения и воспитания школьников приобрела после внесения поправки в закон «Об образовании», которая предусматривает введение обязательного трудового воспитания школьников и введения в образовательный процесс общеобразовательных учреждений учебного предмета труд (технология) [5].

Рассматривая данную проблему, считаем целесообразным уточнить, что в педагогической науке под трудовым воспитанием учащихся понимается развитие сил и способностей подрастающего поколения средствами труда. Оно предполагает организацию активной творческой деятельности, осуществления профессионального и жизненного самоопределения, с полной самореализацией возможностей, особенностей и дарований [3; 6].

Решение задач трудового обучения и воспитания в школе требует кардинальной модернизации системы воспитания, профессиональной подготовки и переподготовки педагогических кадров.

Признавая ценность накопленного опыта подготовки учителей технологии, мы отмечаем, что в новых социокультурных условиях обострилась востребованность в обеспечении связи фундаментального знания с преобразующей деятельностью человека, в модернизации содержания, методик и технологий

обучения предметной области «Технология», ее материально-техническом и кадровом обеспечении; создании условий для активизации творческого потенциала обучающихся, формировании пространства профессиональной ориентации и самоопределения личности.

Кроме этого, профессиональная компетентность учителя технологии предполагает очень широкий спектр подготовки и обязывает владеть как ручными инструментами, так и станками с ЧПУ, уметь организовать волонтерскую деятельность и поддержать ученический стартап. Например, в соответствии с содержанием раздела «Обработка конструкционных материалов», учитель должен обладать знаниями и умениями работы с фанерой, древесиной, металлом. При этом педагог должен владеть как ручными способами обработки материалов (разметка, пиление, строгание, опиливание), так и механическими: работа на станках токарном, сверлильном, фрезерном. А также должен быть знаком с оборудованием и технологиями современного производства: станками с ЧПУ, лазерными технологиями, робототехникой, 3D-моделированием и прототипированием. Содержание раздела «Культура дома» предполагает владение им технологиями моделирования и изготовления, декорирования швейных изделий, приготовления кулинарных изделий. И если класс по каким-то причинам не делится на подгруппы, то один учитель должен владеть всеми этими компетенциями.

Для реализации задач формирования вышеперечисленных знаний, умений и навыков, составляющих основу профессиональных компетенций учителя технологии, трудового обучения и воспитания требуется соответствующая предметная образовательная среда.

Говоря об образовательной среде, считаем целесообразным уточнить, что в образовательных стандартах общеобразовательной школы акцент сделан на информационно-образовательную среду, в то время как понятие образовательная среда значительно шире. Среди основоположников теории образовательной среды следует выделить Я. Корчака, Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, которые рассматривали благотворное влияние окружения на образовательный процесс. В исследованиях современных ученых, занимающихся исследованием образовательной среды, заметный вклад в решение этой проблемы внесли Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев рассматривают образовательную среду как систему, которая создается и изменяется в процессе взаимодействия субъектов образовательной деятельности. В ней они выделяют два главных параметра: насыщенность (ресурсный потенциал) и структурированность (способ ее организации) [3].

В.А. Ясвин рассматривает образовательную среду как взаимодополнение потребностей человека и условий окружения, создающую возможности для обучения и развития. В структуре образовательной среды он видит четыре компонента: пространственно-предметный, социальный, технологический или психодидактический, субъекты образовательного процесса [7].

Говоря о технологической подготовке учителя технологии, мы делаем акцент на предметно-образовательную среду обучения труду (технологии), включающую учебные мастерские и кабинеты трудового обучения. Развитие

предметно-образовательной среды данной области определяется появлением новых направлений и целевых установок трудового обучения и воспитания. В соответствии с задачами, стоящими перед учителем труда (технологии), имеется потребность в мастерских для ручной, механической и автоматизированной обработки материалов, предполагающих доступ к электрифицированным инструментам, станкам и высокотехнологическому оборудованию. Определенную роль в трудовом обучении и воспитании играют также технопарки, кванториумы, «точки роста», предполагающие помещения для коворкинга, креативные пространства. Все они являются образовательной средой и материальной поддержкой процесса трудового обучения, научно-практической базой деятельности научных лабораторий и технических кружков, реализации научно-исследовательских проектов [8; 10].

В последние годы многие ученые посвятили свои исследования рассмотрению проблем и перспектив развития предметной образовательной среды, обеспечивающей повышение эффективности подготовки будущих учителей технологии к реализации задач трудового обучения и воспитания школьников в новых социально-экономических условиях.

Проектируя методическую систему подготовки будущих учителей технологии к инновационной деятельности, Н.И. Наумкин, Н.Н. Шекшаева, В.Ф. Купряшкин, Е.В. Забродина важное место в ней отводят созданию педагогико-технологической образовательной среды как системы взаимосвязанных инструментальных, методологических и инфраструктурных компонентов формирования у будущих учителей технологии профессиональной компетентности, на основе вовлечения их во все основные этапы этой деятельности [4; 9].

В процессе исследования проблемы совершенствования практико-ориентированной предметной подготовки будущих учителей технологии к профессиональной деятельности исследователи Т.В. Дикова, Е.А. Смирнова, А.А. Шибуков приоритетную роль отводят использованию возможностей высокотехнологичной образовательной среды. По их мнению, предметная образовательная среда подготовки будущих учителей технологии должна включать как ресурсы цифровой образовательной среды, так и цифровые инструменты (аппаратные, программные, информационные). Т.В. Диковой теоретически доказано и экспериментально подтверждено, что данный подход обеспечит методическую и специальную готовность учителя к преподаванию технологии в организациях общего образования, формирование умений применять теоретический материал в процессе решения практико-ориентированных задач [1].

Исследованием проблемы подготовки будущих учителей технологии к решению поставленных задач трудового воспитания с использованием специализированной предметно-технологической образовательной среды занимаются преподаватели и студенты факультета технологии, экономики и дизайна Армавирского государственного педагогического университета (АГПУ).

Созданная на базе АГПУ высокотехнологичная образовательная среда (Технопарк универсальных педагогических компетенций «Учитель будущего поколения России», педагогический Кванториум, кабинет «Технологии»)

направлена на подготовку будущих учителей технологии к реализации программ трудового обучения и воспитания. Данная предметно-технологическая образовательная среда позволяет организовать сотрудничество преподавателей, студентов и школьников, обеспечить решение творческих задач в области образовательной робототехники, 3D-моделирования и прототипирования, управления лазерным оборудованием, станками с ЧПУ.

Овладению умениями анализа закономерностей и поиска новых технологических решений служит студенческий конструкторско-технологический центр. Разработанные студентами модели роботов (автопогрузчик, Слон и Robot folding t-shirts и др.) принимают участие в конкурсах и различных выставках. Командное решение проектных задач формирует коммуникативные навыки, способствует развитию умений общаться, обмениваться знаниями, работать на общий результат, понимать свою роль и вклад в общее дело. Кроме того, студенты получают опыт решения реальных практических задач.

Развитию профессиональных компетенций будущих учителей технологии способствует деятельность в учебно-научной лаборатории «Цифровой трансформации предметной области «Технология»», в состав которой, кроме преподавателей и студентов АГПУ, входят учителя школ, представители дополнительного образования, учащиеся школ.

Будущие учителя развивают и закрепляют учебно-методические умения в постоянно действующих школе 3D-моделирования, робототехническом кружке Lego Education для детей 1–8-х классов и летней школе «Делай робота»; демонстрируют свои достижения в процессе педагогической практики, проведения мастер-классов на «Фестивалях будущих студентов АГПУ», на Всероссийском фестивале Наука 0+ [2].

Хороший педагогический эффект дает сотрудничество студентов и школьников в Центрах образования гуманитарного и цифрового профилей «Точка Роста» и работе с одаренными детьми. Деятельность разновозрастных групп и проведение совместного анализа деятельности способствует развитию рефлексивных умений и повышению эффективности научной деятельности. Один из главных признаков эффективной образовательной среды – деятельность без принуждения. Здесь каждый может найти себе дело по душе и научиться тому, что его интересует.

Интересный опыт интеграции трудового и экономического воспитания накоплен на кафедре экономики, где уже несколько лет функционирует «Школа юного миллионера», где под руководством опытных преподавателей и старших товарищей-студентов школьники не только познают основы финансовой грамотности, но и изучают основы бизнеса, разрабатывают свои бизнес-проекты, участвуют в конкурсе стартапов.

Примером коллективного творчества студентов и школьников является разработанная ими учебная модель «Автоматизированной теплицы». Она позволяет оперативно получать всю необходимую информацию об климатических параметрах теплицы (температура, освещенность влажность воздуха и почвы).

На основе полученных данных автоматика выполняет функции управления теплицей: осуществление полива, обогрева, вентиляции растений, регулирование освещенности. Действующая модель используется как стендовое оборудование на уроках технологии для демонстрации современных подходов к сельскохозяйственной деятельности; для проведения экспериментальных наблюдений в условиях средних и высших учебных заведениях (агротехнология, биология); для апробации технических решений и программных продуктов для управления автоматизированными теплицами.

В 2023 году в АГПУ оборудован кабинет «Технологии», оснащенный современным учебным оборудованием. В нем расположены: учебные токарные станки с ЧПУ, учебные фрезерно-гравировальные станки с ЧПУ, станок лазерной резки, многофункциональная станция для механической обработки и прототипирования, 3D-принтеры.

На базе данного кабинета создана «Студенческая лаборатория инженерного творчества». Здесь будущие учителя технологии учатся создавать управляющие программы для станков, проводят исследовательскую работу по выбору материалов, режимов работы, формируют методические подходы к обучению школьников работе на станках с ЧПУ.

Ежегодно студенты вместе с преподавателями участвуют в организации и проведении конкурсов-фестивалей одаренных детей и студенческой молодежи Кубани «Добрых рук мастерство», дизайн-проектов одаренных детей и студенческой молодежи «Юные дизайнеры Кубани», научно-технического творчества детей и молодежи ЮФО России по мехатронике и робототехнике «Юные робототехники – инновационной России!».

Активное участие принимают студенты в проведении мастер-классов, волонтерском движении, общественно-полезной деятельности.

В декабре 2023 года студенты АГПУ представляли наш вуз на площадке «Просвещение» Международной выставки-форума «Россия». Предложенные ими мастер-классы стали одним из самых ярких событий работы павильона «Просвещение». Деятельность студентов по однозначному мнению посетителей демонстрировала высокое профессиональное мастерство и креативность.

Результаты учебно-исследовательской работы будущих учителей технологии находят отражение в курсовых и выпускных квалификационных работах. В числе последних: «Подготовка школьников и студенческой молодежи к реализации стартапов», «Ознакомление школьников с устройством и принципом работы станков с числовым программным управлением», «Методика ознакомления обучающихся 7–8-х классов с профессиями будущего в процессе обучения технологии», «Развитие научно-технических знаний обучающихся в процессе обучения робототехнике».

Проведенные исследования и обобщение передового опыта позволяют сделать вывод, что наличие высокотехнологичной предметной образовательной среды способствует профессиональному становлению будущих учителей технологии, приобретению положительного трудового опыта, раскрытию творческих способностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дикова, Т. В. Актуальные проблемы технологического образования, изменение содержания деятельности учителя технологии в условиях модернизации технологического образования российских школ / Т. В. Дикова, Е. А. Смирнова, А. А. Шибуков. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 1. – С. 43–46.
2. Зеленко, Н. В. Использование цифровых образовательных ресурсов в процессе активизации самообразовательной деятельности будущих учителей технологии / Н. В. Зеленко, Ю. П. Ветров, М. А. Калинина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5 (102). – С. 14–16.
3. Исаев, Е. И. Психология образования человека / Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. – 432 с. – Текст : непосредственный.
4. Подготовка будущих педагогов к инновационной деятельности в педагогико-технологической образовательной среде / Н. И. Наумкин, Н. Н. Шекшаева, В. Ф. Купряшкин, Е. В. Забродина. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2022. – Том 24. – № 10. – С. 124–164.
5. Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/?ysclid=lt58llpqwz896462130> (дата обращения: 20.01.2024). – Текст : электронный.
6. Бочаров, В. Ю. Трудовое воспитание / В. Ю. Бочаров. – URL: <https://bigenc.ru/c/trudovoe-vospitanie-e463e9?ysclid=lt4f9cinez762124554> (дата обращения: 20.01.2024). – Текст : электронный.
7. Ясвин, В. А. Инструментальная экспертиза в процессе педагогического проектирования школьной среды : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ясвин Витольд Альбертович. – М., 2020. – 45 с. – Текст : непосредственный.
8. Zelenko N., Zelenko G. Digital technologies in the content of education of rural schoolchildren / N. Zelenko, G. Zelenko // Revista inclusiones. – 2020. – Octubre–Diciembre. – Volumen 7. – Número Especial. – Pp. 369–375.
9. Interrelation and interference of the competence components in innovative engineering activity / N. I. Naumkin [et al.] // European Journal of Natural History. – 2014. – No. 2. – Pp. 39–41.
10. Johnson T. Applications of Intuitionistic fuzzy sets in the academic career of the students // Indian Journal of Science & Technology. – 2017. – Vol. 10. – Iss. 34.
11. Lomatkin A. N. Business game "Design office" / A. N. Lomatkin, E. A. Kilmyashkin // Energy-efficient and resource-saving technologies and systems : Collection of works of the international conference will teach / the editorial.: P. V. Senin [et al.]. – Saransk : Publishing House of the muzzle ; University press, 2016. – Pp. 533–536.

REFERENCES

1. Dikova T. V. Actual problems of technological education, changing the content of the technology teacher in the context of the modernization of technological education of Russian schools. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*, 2021, no. 1, pp. 43–46. (In Russian).
2. Zelenko N. V. The use of digital educational resources in the process of activating the self-educational activities of future technology teachers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture, education*, 2023, no. 5 (102), pp. 14–16. (In Russian).

3. Isaev E. I., Slobodchikov V. I. *Psihologiya obrazovaniya cheloveka* [Psychology of human education]. M., Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, 2013. 432 p. (In Russian).
4. Naumkin N. I. Preparing future teachers for innovative activities in the pedagogical and technological educational environment. *Obrazovanie i nauka = Education and science*, 2022, vol. 24, no. 10, pp. 124–164. (In Russian).
5. *Federal'nyj zakon ot 19 dekabrya 2023 g. N 618-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii"* [Federal Law of December 19, 2023 No. 618-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation"]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/?ysclid=lt58llpqwz896462130>. (In Russian).
6. Bocharov V. Yu. *Trudovoe vospitanie* [Labor education]. URL: <https://bigenc.ru/c/trudovoe-vospitanie-e463e9?ysclid=lt4f9c0nez762124554>. (In Russian).
7. Yasvin V. A. *Instrumental'naya ekspertiza v processe pedagogicheskogo proektirovaniya shkol'noj sredy* [Instrumental expertise in the process of pedagogical design of school environment]. M., 2020. 45 p. (In Russian).
8. Zelenko N., Zelenko G. Digital technologies in the content of education of rural schoolchildren. *Revista inclusions*, 2020, vol. 7, Octubre–Diciembre, Número Especial, pp. 369–375.
9. Interrelation and interference of the competence components in innovative engineering activity. *European Journal of Natural History*, 2014, no. 2, pp. 39–41.
10. Johnson T. Applications of Intuitionistic fuzzy sets in the academic career of the students. *Indian Journal of Science & Technology*, 2017, vol. 10, iss. 34.
11. Lomatkin A. N., Kilmyashkin E. A. Business game "Design office". *Energy-efficient and resource-saving technologies and systems*. Saransk, Publishing House of the muzzle, University press, 2016, pp. 533–536.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зеленко, Н. В. Предметная образовательная среда в системе подготовки будущих учителей технологии / Н. В. Зеленко, Г. Н. Зеленко, Н. В. Аджей. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 28–35.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zelenko N. V., Zelenko G. N., Adzhey N. V. The Subject-Based Educational Environment in the System of Training Future Technology Teachers / N. V. Zelenko, G. N. Zelenko, N. V. Adzhey // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 28–35. (In Russian).

УДК 378.115.15

**СТАРОСТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
КАК СУБЪЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА**

О.Г. Комкова, Н.П. Галиахметова, О.А. Жученко

**HEAD OF AN ACADEMIC GROUP
AS A SUBJECT OF INTERACTION
IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF A MEDICAL UNIVERSITY**

O.G. Komkova, N.P. Galiakhmetova, O.A. Zhuchenko

Аннотация. В медицинском вузе старосты академических групп студентов являются промежуточным звеном между обучающимися и руководством, несут ответственность за эффективное освоение группой образовательной программы и выполняют административные функции. В статье рассмотрены вопросы формального и неформального лидерства старост в контексте разносторонней системы взаимоотношений, приведены субъектные характеристики. На основе разработанной авторами анкеты, состоящей из 19 вопросов, был проведен опрос, в котором приняли участие 74 старосты групп с первого по шестой курс лечебного факультета ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Обработка полученных результатов осуществлялась методами математической статистики: критерий Колмогорова-Смирнова, Т-критерий Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистический анализ проводился с использованием программных пакетов SPSS Statistics 23.0. Анализ анкет позволил авторам выявить проблемы, с которыми сталкиваются старосты академических групп, определить условия конструктивного и эффективного взаимодействия с участниками образовательного процесса, а также личные качества, которые необходимы им для успешного выполнения своих обязанностей. Наиболее значимые, с точки зрения старост, взаимоотношения в порядке убывания установлены: с коллективом группы студентов, администрацией медицинского вуза, старостами других групп вуза.

Abstract. At a medical university, the leaders of academic groups of students are an intermediate link between students and management, they are responsible for the effective development of the educational program by the group and perform administrative functions. The article examines the issues of formal and informal leadership of elders in the context of a diverse system of relationships, and provides subject characteristics. A distinctive feature of the study is close attention to the subjective opinion of the prefects about the problems of their relationships in a medical school. Based on a questionnaire developed by the authors, consisting of 19 questions, a survey was conducted in which 74 group leaders from the first to the sixth year of the general medical faculty of the Izhevsk State Medical Academy of the Ministry of Health of Russian Federation. The obtained results were processed using statistics methods: Kolmogorov-Smirnov test, Wilcoxon T-test, Spearman correlation coefficient. Statistical analysis was carried out using SPSS Statistics 23.0 software packages. The most significant relationships from the point of view of the prefects, in descending order, have been established: with the staff of the student group, the administration of the medical university, and the prefects of other groups of the university.

Ключевые слова: образовательный процесс, медицинский вуз, староста академической группы, взаимоотношения, субъектные характеристики.

Keywords: educational process, medical university, head of the academic group, relationships, subjective characteristics.

Время учебы в вузе совпадает, согласно разным возрастным периодизациям, со вторым периодом юности или первым периодом зрелости, который отличается сложностью становления личностных черт [2; 3; 6]. По словам Г.А. Мелекесова, «студенческий возраст – это начало становления подлинного авторства в определении и реализации собственного взгляда на жизнь и индивидуального способа жизни» [8, с. 73]. Студенческая среда, особенности академической группы оказывают социализирующее и воспитательное влияние на личность: происходит усиление сознательных мотивов поведения, укрепляются такие волевые качества, как целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициативность.

Старосты, назначаемые деканатом при формировании учебных групп студентов на первом курсе вуза, являются промежуточным звеном между обучающимися и руководством вуза, несут ответственность за освоение группой образовательной программы и выполняют административные функции. Исполняя свои обязанности, староста может приобрести так называемые soft skills («мягкие» навыки), незаменимые для дальнейшей профессиональной самореализации: установление контакта, ведение переговоров, разрешение конфликтов, способствующие развитию лидерского потенциала [4; 7; 9].

В научной литературе можно найти большое количество подходов к пониманию феноменов руководства и лидерства. Мы опираемся на ситуационную теорию лидерства Р. Hersey, К.Н. Blanchard, строящуюся на основе межличностных отношений и определяющую лидерство как продукт определенных ситуаций, а лидера – как субъекта управления группой. Эта теория одна из первых затронула лидерство не как феномен, а как определенный фактор руководства и разделила лидеров на два типа [12]:

- на формального лидера возложен определенный набор обязанностей и задач;
- неформального лидера выбрала, одобрила сама группа для решения задач.

Эффективные лидеры должны иметь деловые качества, быть объективными, коммуникабельными, ответственными, добросовестными, честными, принципиальными и адаптироваться к ситуации взаимодействия с администрацией вуза и взаимоотношениями с коллективом студентов по решению стоящих перед ними задач разной сложности. Староста в первом случае выступает как руководитель, имеющий права и обязанности, а во втором как лидер, ведущий к выполнению поставленных задач. Как указывают А. Mozghan, J. Parivash, G. Nadergholi, B. Jowkar [14], на развитие лидерских качеств студентов влияет ряд факторов: студенческая среда, эмоциональный интеллект, уверенность в себе, экстраверсия, самооффективность, опыт и вовлеченность

студентов, включая академическую вовлеченность, отношения со студентами, преподавателями. Доказано, что раннее участие студентов в лидерской деятельности открывает возможности для волонтерской деятельности, стажировок в экспериментальной деятельности, совместной деятельности в виде групповых проектов, участия в услугах, связанных с гражданской деятельностью, оказания помощи преподавателям в работе с другими студентами, в том числе в рамках инклюзивного обучения [13].

Эмпирическое изучение современного состояния института старост академических групп в вузах России и проблемы его функционирования недостаточно часто поднимаются в научной литературе. В частности, есть данные об анализе субъективных мнений студентов о личности старосты в академической группе и оценке их деятельности [10]. Имеются попытки формулирования ряда ключевых проблем, предложены обоснованные рекомендации по совершенствованию образовательного процесса в высшей школе с помощью института старост [11]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что практически все исследования направлены на изучение мнения членов академической группы. Настоящую работу отличает субъективное мнение старост о системе взаимоотношений в медицинском вузе.

В Ижевской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения Российской Федерации (ИГМА) подбор кандидатур старост академических групп начинается во время прохождения школьниками подготовительных курсов на факультете дополнительного образования (ФДО), где процент их поступления в ИГМА составляет до 82,4 % [5]. При подборе будущих старост, по мнению коллектива преподавателей-экспертов ФДО с более чем 20-летним стажем и администрации вуза, должны учитываться: успешное освоение преподаваемых дисциплин (химия, биология, русский язык); высокий уровень самодисциплины, отражающийся в минимальных пропусках занятий без уважительных причин и отсутствии опозданий; организационные и коммуникативные способности. В итоге около 40 % старост первого курса ИГМА прошли обучение на ФДО.

Безусловно, все старосты академических групп проходят обучение в «Школе старост», изучают устав вуза, правила внутреннего распорядка с обязательным обсуждением вопросов межличностного взаимодействия субъектов образовательного процесса. Однако практика показывает недостаточную эффективность проводимых мероприятий, так как за анализируемый период 2016–2023 гг. утечка кадров среди старост составила в среднем 21,1 %, а в отдельные годы до 41,7 %. Среди объективных причин переизбрания – выход в академический отпуск по различным обстоятельствам или отчисление за академическую неуспеваемость. Среди субъективных – неэффективное выполнение обязанностей, по мнению студентов группы или администрации вуза, или добровольное снятие полномочий. В свете вышеуказанных фактов актуальной становится задача выявления особенностей функционирования системы взаимоотношений старосты, определение его

субъектных характеристик, учитывая, что субъект рассматривается как источник собственной активности в условиях взаимодействия с окружающей действительностью [1].

Цель данного исследования – анализ характеристик старосты академической группы медицинского вуза как субъекта взаимодействия в образовательном процессе.

В соответствии с поставленной целью решались задачи:

- 1) проанализировать научную литературу по вопросам лидерства и руководства, функционирования института старост в вузе;
- 2) разработать авторскую анкету, направленную на выявление приоритетов во взаимодействии старосты академической группы с одногруппниками, старостами других групп, администрацией и отражающих его субъектные характеристики;
- 3) выявить корреляции субъектных характеристик старосты академической группы.

Для реализации задач исследования была составлена авторская анкета, при анализе которой применялись математические методы (описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова, Т-критерий Вилкоксона, коэффициент корреляции Спирмена). Статистический анализ проводился с использованием программных пакетов IBM SPSS Statistics 23.0.

В исследовании приняли участие 74 старосты академических групп лечебного факультета ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации (из них 20,3 % старост 1-го курса, 20,3 % – 2-го курса, 21,6 % – 3-го курса, 13,5 % – 4-го курса, 9,5 % – 5-го курса, 14,9 % – 6-го курса). Анкетирование проводилось добровольно, анонимно, дистанционно, через docs.google.

Авторская анкета включала в себя следующие вопросы:

1. На каком курсе Вы сейчас учитесь? а) 1; б) 2; в) 3; г) 4; д) 5; е) 6.
2. С какого курса Вы занимаете пост старосты?
3. Как Вы заняли пост старосты? а) По желанию (вызвался сам / сама); б) Назначили по решению администрации; в) Выбрали одногруппники.
4. Одобрели Ваше назначение на пост старосты родители, друзья?
а) Да; б) Нет.
5. Оцените отношения с одногруппниками в начале Вашей работы по шкале от 1 до 10, где 1 – плохо, 10 – хорошо.
6. Оцените отношения с одногруппниками сейчас по шкале от 1 до 10, где 1 – плохо, 10 – хорошо.
7. Оцените отношения с другими старостами по шкале от 1 до 10, где 1 – плохо, 10 – хорошо.
8. Оцените отношения с администрацией по шкале от 1 до 10, где 1 – плохо, 10 – хорошо.
9. Как бы вы оценили ваше отношение к исполнению обязанностей?
а) Отлично; б) Удовлетворительно; в) Ровно; г) Негативно.

10. Было ли желание отказаться от поста старосты? а) Да; б) Нет.

11. Если было, то почему?

12. Что вызывает негативные эмоции в ваших обязанностях? а) Непонимание одногруппников; б) Частое общение с преподавателями; в) Частая работа с администрацией; г) Ваш вариант.

13. Как обязанности старосты отражаются на вашей учебе? а) Мешают; б) Никак не влияют; в) Дают стимул к достижениям.

14. Как, по-вашему, поможет в будущем опыт управления группой? а) Положительно; б) Отрицательно.

15. Какие личностные качества вы приобрели, занимая пост старосты? а) Целеустремленность; б) Решительность; в) Стрессоустойчивость; г) Уверенность в себе; д) Коммуникабельность; е) Инициативность; ж) Способность к сопереживанию; з) Деликатность и тактичность; и) Исполнительность; к) Ответственность; л) Честность; м) Самостоятельность; н) Умение владеть собой.

16. Вы работаете? а) Да (область медицины, развлечений, общепита, преподавания, обслуживания и т. п.); б) Нет.

17. Есть ли у Вас хобби? а) Да; б) Нет.

18. Если да, то какое?

19. Как вы боретесь с эмоциональной усталостью? а) Сон; б) Физические упражнения; в) Медитация; в) Аудио / видеоконтент; г) Другое.

При обработке полученных данных, было установлено, что по критерию Колмогорова-Смирнова нормальное распределение оценочных шкал анкеты отсутствует, вследствие чего для определения разницы значений был применен Т-критерий Вилкоксона. Обнаружена разница на достоверном уровне ($T = -3,60$; $p < 0,01$) между отношениями старосты с одногруппниками в начале своего назначения ($M = 8,09$; $SD = 2,00$) и на данный момент ($M = 8,93$; $SD = 1,47$); между отношениями с одногруппниками (в начале) и с другими руководителями групп ($M = 8,85$; $SD = 1,77$) ($T = -3,07$; $p < 0,01$). Это свидетельствует о значимом улучшении отношений с одногруппниками, развитии коммуникативных навыков, успешной адаптации студентов в роли старост. Статистически значимые результаты корреляционного анализа Спирмена представлены в Таблице 1.

Ответственное отношение старосты к своим обязанностям взаимосвязано с уровнем общения с одногруппниками в начале выполнения обязанностей и в настоящее время, причем на старших курсах корреляция усиливается. Также выявлена прямая корреляция добросовестного выполнения обязанностей старосты и мотивацией достижения успехов, благоприятных отношений со старостами других групп.

Благоприятные отношения с администрацией связаны как с уровнем общения с одногруппниками на протяжении всего времени выполнения обязанностей, так и с мотивацией в учебе.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Спирмена для показателей анкеты

Показатели анкеты	Отношения с одноклассниками сейчас	Отношения с др. лидерами групп	Отношения с администрацией	Отношение к обязанностям	Желание отказаться	Наличие работы	Назначение
Отношения с одноклассниками вначале	0,60 ($p < 0,01$)	0,40 ($p < 0,01$)	0,55 ($p < 0,01$)	0,24 ($p < 0,05$)	–	–	–
Отношения с одноклассниками сейчас	–	0,42 ($p < 0,01$)	0,41 ($p < 0,01$)	0,36 ($p < 0,01$)	-0,31 ($p < 0,01$)	–	–
Отношения с др. лидерами	–	–	0,64 ($p < 0,01$)	0,26 ($p < 0,01$)	–	–	–
Влияние на учебу	–	–	0,23 ($p < 0,05$)	0,28 ($p < 0,05$)	-0,38 ($p < 0,01$)	-0,25 ($p < 0,05$)	–
Отношение к обязанностям	–	–	–	–	-0,38 ($p < 0,01$)	–	–
Срок	–	–	–	–	0,24 ($p < 0,05$)	0,39 ($p < 0,01$)	-0,34 ($p < 0,01$)

Если староста успешно учится, ответственно выполняет свои обязанности, устанавливает доброжелательные отношения с одноклассниками в течение длительного времени, то у него не возникает желания отказаться от своей должности.

Однако негативные эмоции в обязанностях старосты чаще всего вызывают непонимание одноклассников (54,1 % респондентов), слишком частое и тесное общение с преподавателями (14,9 %).

Примерно одна третья часть опрошенных призналась, что «хотя бы однажды» возникало желание отказаться от должности старосты. Среди причин чаще всего озвучены информационная перегруженность, повышенная ответственность за действия одноклассников, постоянное психическое и моральное напряжение. В связи с этим представляется актуальным дополнительное обучение глав групп основам психологии управления, умениям убеждать, эффективно взаимодействовать со студентами в группе.

Наличие работы вне стен вуза закономерно мешает учебе руководителей групп медицинских вузов, что статистически подтверждено в исследовании. В то же время факт наличия работы у студентов старших курсов закономерен. Следует предположить, что длительный срок нахождения в должности старосты академической группы позволяет не только приобрести положительный опыт управления группой (о чем указали 100 % респондентов), но и повысить уровень самоорганизации и успешность в учебной деятельности и других сферах жизни.

При этом наличие (77 % студентов) или отсутствие хобби (23 % студентов) никак не взаимосвязано ни с одним из рассматриваемых параметров. Несомненно, радует, что круг увлечений глав групп велик: начиная от танцев, вокала, спорта и заканчивая диджеингом, таксидермией, таргетом, содержанием муравьев.

Коммуникабельность (74,3 %), стрессоустойчивость (66,2 %), исполнительность, ответственность (62,2 %), решительность (55,4 %), самостоятельность (54,1 %) респонденты больше всего развили, выполняя обязанности старосты.

Интересна обратная корреляция срока выполнения обязанностей старосты и способом назначения на должность: при назначении администрацией студент дольше остается старостой, а если сам добровольно выдвигает свою кандидатуру на должность старосты, то продолжительность его функционирования снижается. Безусловно, следует учитывать в этом отношении и студентов младших курсов, кто еще только вступил на эту должность.

Стоит отметить, что отношение родителей, друзей к рассматриваемой должности своего ребенка никак не связано ни с одним параметром. Возможно, это статистически объясняется тем, что у 94,6 % респондентов близкие люди одобрили назначение старостой.

Эмоциональную усталость старосты снимают чаще всего с помощью сна (82,4 % респондентов), аудио / видеоконтента (77 %), физических упражнений (52,7 %).

В ходе исследования были установлено, что в системе взаимоотношений старосты в медицинском вузе приоритетное значение имеет правильно построенное общение с одноклассниками, что объясняется общностью задач, интересов и максимальным временем, проводимым вместе. В меньшей степени на становление старосты как формального и неформального лидера группы оказывает общение с администрацией вуза: деканатом, ректоратом, экономическим и другими подразделениями. И в наименьшей мере, с небольшой разницей от предыдущего фактора, влияет взаимодействие отношений с лидерами других академических групп.

По субъективному мнению старост, чем добросовестнее и эффективнее выполняются ими непосредственные обязанности, тем конструктивнее, позитивнее становятся взаимоотношения с одноклассниками, администрацией, коллегами по институту, тем меньше появляется желание отказаться от своих обязанностей и больше желание стать не руководителем, а неформальным лидером коллектива.

В подавляющем большинстве старосты, несмотря на несомненно повышенную психологическую, моральную информационную, временную нагрузку по сравнению с обычными студентами в академической группе, положительно отзываются о приобретенном социальном опыте руководителя группы и многие из них становятся «истинными», неформальными лидерами. Они не только ответственно выполняют свои административные обязанности, с интересом овладевают профессиональными компетенциями, совершенствуют коммуникативные

навыки, но и реализуют себя в трудовой деятельности, уделяют время хобби и общению со сверстниками вне рамок учебной деятельности.

Перспективами проведенного исследования является изучение взаимоотношений старост групп с профессорско-преподавательским составом вуза как одним из важнейших участников учебной деятельности; увеличение выборки с целью мониторинга особенностей работы старост и выявления их субъектных характеристик на других факультетах; определение корреляции между когнитивной успешностью старост и критериями неформального лидерства; внесение корректив в положение медицинского вуза о деятельности старост академических групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с. – Текст : непосредственный.
2. Ананьев, Б. Г. Психобиология студенческого возраста и усвоения знаний / Б. Г. Ананьев. – Текст : непосредственный // Вестник высшей школы. – 1972. – № 7. – С. 17–26.
3. Бодалев, А. А. Психология личности / А. А. Бодалев. – М. : Издательство Московского университета, 1988. – 191 с. – Текст : непосредственный.
4. Жученко, О. А. Особенности коммуникативной компетентности современных молодых людей в образовательном процессе / О. А. Жученко, Л. В. Шадрина, Е. С. Антуганова. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 9-2 (72). – С. 93–96. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-9-2-93-96.
5. Комкова, О. Г. Педагогическая технология подготовки обучающихся по органической химии на подготовительных курсах / О. Г. Комкова, Т. Г. Глушкова, Т. Ю. Помыткина. – Текст : непосредственный // Kant. – 2023. – № 1 (46). – С. 267–276. – DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.48.
6. Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1984. – 175 с. – Текст : непосредственный.
7. Малахова, О. Н. Особенности коммуникативного опыта в современной студенческой среде: психолого-педагогический аспект / О. Н. Малахова, В. И. Иманаев. – Текст : непосредственный // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 94. – С. 66–69. – DOI 10.22250/20730284_2021_94_66.
8. Мелекесов, Г. А. Аксиологизация педагогического образования студентов / Г. А. Мелекесов. – Челябинск : ИПК ОГУ, 2000. – 170 с. – Текст : непосредственный.
9. Помыткина, Т. Ю. Оценка готовности молодых врачей к самостоятельной профессиональной деятельности / Т. Ю. Помыткина, Н. П. Галиахметова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современного медицинского образования : материалы II Международной научно-практической конференции (г. Ижевск, 16–17 декабря 2021 года). – Ижевск : Ижевская государственная медицинская академия, 2021. – С. 25–29.
10. Филясова, Ю. А. О проблеме развития лидерских и личностных качеств старосты академической группы университета / Ю. А. Филясова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2019. – № 4. – С. 140–153.

11. Эзрох, Ю. С. О роли института старост академических групп в российской высшей школе / Ю. С. Эзрох. – Текст : электронный // Высшее образование в России. – 2020. – Том 29. – № 1. – С. 51–65. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-51-65> (дата обращения: 27.01.2024).
12. Hersey P., Blanchard K. H. So you want to know your leadership style // *Training and Development*. – 1974. – No. 2. – Pp. 1–15.
13. Hilliard A. T. Student Leadership At The University // *Journal of College Teaching & Learning*. – 2010. – Vol. 7. – No. 2. – URL: <https://www.clutejournals.com/index.php/TLC/article/view/93> (дата обращения: 30.01.2024).
14. Mozghan A., Parivash J., Nadergholi G., Jowkar B. Student leadership competencies development // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2011. – Vol. 15. – Pp. 1616–1620. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.340> (дата обращения: 30.01.2024).

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznanija* [Man as an object of knowledge]. SPb., Piter publ., 2001. 288 p. (In Russian).
2. Anan'ev B. G. Psychophysiology of student age and the formation of knowledge. *Vestnik vysshej shkoly = Bulletin of Higher School*, 1972, no. 7, pp. 17–26. (In Russian).
3. Bodalev A. A. *Psihologija o lichnosti* [Psychology about personality]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. 191 p. (In Russian).
4. Zhuchenko O. A., Shadrina L. V., Antuganova E. S. Features of the communicative competence of modern young people in the educational process. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Humanities*, 2022, no. 9-2 (72), pp. 93-96. DOI 10.24412/2500-1000-2022-9-2-93-96. (In Russian).
5. Komkova O. G., Glushkova T. G., Pomytkina T. U. Pedagogical technology for preparing students in organic chemistry at training courses. *Kant = Kant*, 2023, no. 1 (46), pp. 267–276. DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.48. (In Russian).
6. Kon I. S. *Psihologija junosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence]. M., Prosveshhenie publ., 1984. 175 p. (In Russian).
7. Malakhova O. N., Imanaev V. I. Features of communicative experience in the modern student environment: psychological and pedagogical aspect. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*, 2021, no. 94, pp. 66–69. DOI 10.22250/20730284_2021_94_66. (In Russian).
8. Melekesov G. A. *Aksiologizacija pedagogicheskogo obrazovanija studentov* [Axiologization of student pedagogical education]. Cheljabinsk, IPK OGU, 2000. 170 p. (In Russian).
9. Pomytkina T. U., Galiahetova N. P. Assessment of the preparation of young doctors for independent professional activity. *Aktual'nye voprosy sovremennogo medicinskogo obrazovanija = Current issues of modern medical education*. Izhevsk, Izhevskaja gosudarstvennaja medicinskaja akademija, 2021, pp. 25–29. (In Russian).
10. Filjasova U. A. On the problem of developing leadership and personal qualities of the head students of the academic group of the university. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Pedagogika = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2019, no. 4, pp. 140–153. DOI: 10.18384/2310-7219-2019-4-140-153. (In Russian).

11. Ezroch U. S. On the role of the Institute of Heads of Academic Groups in Russian Higher School. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 51–65. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-51-65>. (In Russian).

12. Hersey P., Blanchard K. H. So you want to know your leadership style. *Training and Development*, 1974, no. 2, pp. 1–15.

13. Mozhgan A., Parivash J., Nadergholi G., Jowkar B. Student leadership competencies development. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 15, pp. 1616–1620. URL: <https://www.clutejournals.com/index.php/TLC/article/view/93>.

14. Hilliard A. T. Student Leadership At The University. *Journal of College Teaching and Learning*, 2010, vol. 7, no. 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.340>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Комкова, О. Г. Староста академической группы как субъект взаимодействия в образовательном процессе медицинского вуза / О. Г. Комкова, Н. П. Галиахметова, О. А. Жученко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 36–45.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Komkova O. G., Galiakhmetova N. P., Zhuchenko O. A. Head of an Academic Group as a Subject of Interaction in the Educational Process of a Medical University / O. G. Komkova, N. P. Galiakhmetova, O. A. Zhuchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 36–45. (In Russian).

УДК 378.14

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Я.В. Кудина

FORMATION OF A SUBJECT OF INNOVATION CULTURE IN THE SYSTEM OF TEACHER EDUCATION

Y.V. Kudina

Аннотация. Модернизационные трансформации, происходящие в современной общественной системе, затрагивают и сферу подготовки педагогических кадров. В сложившихся условиях как никогда актуально формирование востребованных профессиональных качеств у будущих специалистов. Проблема формирования инновационной культуры у будущих педагогов рассматривается в научном дискурсе как проблема формирования нового рынка труда и рабочей силы, способной мобильно отвечать на экономические и профессиональные вызовы. В данной статье автор акцентирует внимание на особенностях становления современного субъекта инновационной культуры, востребованного в практике подготовки педагогических кадров, выделяя при этом обязательность его коллективной организации, а также расстановку функций и ролей.

Abstract. The modernization transformations taking place in the modern social system also affect the field of teacher training. Under the current conditions, the formation of demanded professional qualities among future specialists is more important than ever. The problem of forming an innovative culture among future teachers is considered in scientific discourse as the problem of forming a new labor market and a workforce capable of responding to economic and professional challenges in a mobile way. In this article, the author focuses on the peculiarities of the formation of a modern subject of innovative culture, which is in demand in the practice of teaching staff training, while highlighting the obligation of its collective organization, as well as the arrangement of functions and roles.

Ключевые слова: инновации, инновационная культура, субъект инновационной культуры, коллективный субъект.

Keywords: innovation, innovative culture, the subject of innovative culture, a collective subject.

Современный этап социального развития характеризуется переходом к новым производственным и общественным отношениям. Трансформация требований со стороны государства к изменению форм и методов экономического и производственного роста приводят к возникновению и активному развитию более прогрессивных, что и характеризует смену индустриального этапа развития общественной системы к инновационному.

Данный этап характеризуется созданием новаторских технологий, бурным развитием цифровой среды, формированием новых, не имеющих аналогов в истории развития общественных систем социальных и личностно-психологических вызовов.

Стабильность больше не является показателем качества жизни, а сложившиеся устойчивые профессиональные знания, умения и навыки не являются залогом успешной карьеры [6]. Мобильность социума и постоянно меняющиеся профессиональные императивы обуславливают новые запросы рынка труда к креативным кадрам, способным решать нестандартные производственные задачи и ситуации.

Отдельного внимания, по нашему мнению, требует подготовка специалистов в педагогической сфере и сфере образования, так как именно от них зависит и объем знаний, с которым обучающиеся выйдут в самостоятельную жизнь, и уровень развития их возможностей, и степень формирования востребованных личностных и практико-ориентированных качеств личности.

Размышляя над проблемой возможностей разработки и реализации инноваций в образовательной сфере, обратимся к позиции Ю.Н. Семенова [9], который считает объективным и универсальным критерием развития любой цивилизации уровень инновационной культуры («подразумеваемая под ним осознанное стремление к материальному и духовному обновлению» [5]).

Возможности формирования инновационной культуры в условиях образовательной педагогической среды с позиции теоретического анализа составляют цель данной статьи.

Проблема существования и развития инновационной культуры в условиях образовательной педагогической среды не является абсолютно новой. Анализ философских и психолого-педагогических исторических трудов показывает, что инновации в педагогической сфере появлялись и реализовывались на всех исторических этапах существования общественно-экономической системы, начиная от военизированных школ древней Спарты и заканчивая фундаментальными педагогическими инновациями советской школы в области образования и воспитания нового человека. Однако современность диктует новые условия, в которых инновационная культура должна приобрести иные рамки и наполниться обновленным содержанием.

Все педагогические инновации, существовавшие до настоящего времени, имели общую особенность: они базировались на научных идеях и воззрениях отдельных личностей – философов (Э. Роттердамский, М. Монтеньи, Л.Н. Толстой и др.), педагогов (Фома Аквинский, Иоанн Салсберийский, Н.К. Крупская, П.П. Блонский и др.), психологов (Л.С. Выготский, В.С. Мерлин, М. Монтессори и др.) и пр. [3; 5; 12; 13].

Особым временем педагогических новшеств стал конец прошлого века, модернизационные вызовы которого позволили вывести педагогическое образование за рамки традиционного. Именно в это время исследователи начинают изучать не только новаторский опыт отдельных педагогов, но и их личностные качества, такие как: готовность к восприятию новых идей, способность к разработке и реализации новшеств, позволяющие им создавать новые методы и технологии обучения. Кроме того, активно изучаются факторы,

влияющие на мотивационную сферу педагогов, подвигающие их к созданию нового.

Как логическое продолжение таких исследований, утверждающее их актуальность и фундаментальность на научном горизонте, обозначается проблема формирования инновационной культуры у субъекта образования (раскрывалась в трудах Н.М. Анисимовой, Т.Х. Оганесовой, С.Д. Полякова, З.И. Рябикиной, Н.Р. Юсуфбековой и др.), которая в основном рассматривалась как механизм, который обеспечивающий введение в образовательный процесс информационных и цифровых технологий.

Вместе с тем инновационная культура по сути рассматривается как форма общей культуры человечества, обусловленная стремлением личности к созданию новой реальности и качественным изменениям в жизни. Инновационность как качество личности в условиях распространения манифестов инновационной культуры, анализируется как склонность к обновлениям и/или инициация модернизации различных социальных систем, к которым относится и система образования.

Тем не менее, соблюдая традиционный контекст педагогического дискурса, инновационная культура изучается относительно педагога, в плане его творческого самораскрытия и самореализации, при этом обучающийся остается в качестве пассивного участника творческой, саморазвивающей деятельности учителя.

Однако с началом двадцать первого века традиционная позиция начинает наполняться новыми смыслами. Инновационная культура становится объектом междисциплинарных исследований. Она рассматривается с позиции философского, социального, психолого-педагогического и культурологического знания, о чем свидетельствует достаточно большое количество научных публикаций (О.А. Ковалева [4], О.Н. Любина [5], Ю.В. Попков [7] и др.) и защищенных диссертационных работ (А.Ф. Валеева [5], Г.А. Сафарова [8], Май Данг Хоа [11] и др.).

Для педагогического научного дискурса характерно рассмотрение структуры и сущности инновационной культуры, определение условий ее формирования и развития, представление инициатора формирования инновационной культуры в системе образования – обучающего или обучающегося. Наряду с этим, в исследованиях отсутствует целостное понимание субъекта инновационной культуры в образовательной системе, а также не в полном объеме установлены педагогические и организационные условия ее формирования.

В отличие от прошлых десятилетий, субъект инновационной культуры уже не может рассматриваться как отдельно взятая личность, он должен рассматриваться как субъект коллективный, организационно представленный как педагогами, так и обучающимися. С позиции управления, субъект инновационной культуры действует согласовано с целями и задачами той образовательной организации, структурным компонентом которой он и является. Не конкретизируя принадлежности субъекта к какой-либо конкретной организации, наметим основные его теоретически контуры.

Коллективный субъект инновационной культуры в системе образования представляет собой институционализированную группу, состоящую из обучаемых и обучающихся, при этом необходимо учитывать, что заданные культурные цели могут быть достигнуты только в том случае, если функции и роли каждого члена группы будут четко распределены [1].

Эффективная группа функционально делится на три группы: содействия, социального регулирования и аналитики. Внутри групп происходит распределение ролей, всего по трем позициям в каждой группе.

1. Аналитики – мыслительный центр команды, источник новых идей:

а) администратор – является формальным лидером команды, восприимчив к новым идеям, креативен;

б) стратег – способен к анализу и объективному оцениванию действий членов команды и их идей, организует рефлекссию, определяет задачи, направленные на достижение цели;

в) мастер – является обладателем специальных знаний и навыков, необходимых для достижения командной цели.

2. Содействие:

а) наставник – стимулирует на действие других членов команды, применяет методы поощрения, осуждения, провокации;

б) фрилансер – осуществляет переход команды от производства идей к реальным действиям, направленным на решение выявленных проблем;

в) перфекционист – выверяет ошибки и «белые пятна» в проделанной работе, следит за четким выполнением сроков исполнения поставленных задач.

3. Социального регулирования:

а) координатор – является неформальным лидером команды, определяет вектор движения команды к заданной цели посредством определения ряда проблем, требующих разрешения;

б) вдохновитель – поощряет позитивную коммуникацию и взаимодействие как между членами команды, так и между командой и необходимыми специалистами;

в) специалист по ресурсам – изучает наличие информационных ресурсов и ресурсов членов команды, налаживает необходимые коммуникационные связи.

Ключевой установкой данной группы должно стать создание или производство инновационного продукта (интеллектуального или материального), что и будет основанием для поддержки и продолжения работы аналогичных групп в системе образования на всех ее уровнях.

Смысл создания коллективного субъекта инновационной культуры в системе образования заключается в том, что его практическая деятельность будет способствовать ликвидации устаревших образовательных методик и инструментов управления образовательными системами, снижению централизации, освоению новых адаптивных методик работы с обучающимися, а также методик управления учебными группами.

Резюмируя вышеизложенное, заключим, что инновационная культура представляет собой форму общей культуры человечества, обусловленную стремлением личности к созданию новой реальности и качественным изменениям в жизни. Трансформационные изменения общественной структуры обуславливают необходимость создания в системе образования коллективного субъекта инновационной культуры, обладающего специфической функциональной и ролевой нагрузкой.

Безусловно, что в процессе дальнейшего исследования будут кристаллизированы дефициты и трудности, которые потребуют внесения ряда изменений в первоначальный замысел. Однако формат статьи не позволяет здесь на них остановиться. Данные аспекты будут уточняться в процессе дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Nine Belbin Team Roles. – URL: <https://www.belbin.com/about/belbin-team-roles> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.
2. Валеева, А. Ф. Инновационная культура как фактор развития предпринимательской активности работников производства в условиях формирования рыночных отношений : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Валеева Алсу Фоатовна. – Казань, 1993. – 146 с. – Текст : непосредственный.
3. Климина, Л. В. Инновационная культура педагогов дошкольного образования / Л. В. Климина. – Текст : непосредственный // Детский сад от А до Я. – 2015. – № 1 (73). – С. 86–96.
4. Ковалева, О. А. Комплексность в развитии профессиональной компетентности юриста: инновационный подход / О. А. Ковалева, Е. Д. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2018. – С. 3083–3090.
5. Любина, О. Н. Инновационная культура как необходимое условие инновационного развития России / О. Н. Любина. – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2014. – № 7. – С. 64–67.
6. Мосина, О. А. К вопросу социального благополучия педагога высшей школы / О. А. Мосина, Р. Г. Редун. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы педагогической науки и образования : сборник статей по материалам авторских исследований II Всероссийской научно-практической конференции и Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Краснодар, 19–20 мая 2022 года) / ответственный редактор О. А. Мосина. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. – С. 134–137.
7. Попков, Ю. В. Национальная политика и социокультурный подход / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 99–105.
8. Сафарова, Г. А. Формирование инновационной культуры педагогов в системе повышения квалификации : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Сафарова Галина Анатольевна. – Карачаевск, 2013. – 219 с. – Текст : непосредственный.
9. Усольцев, А. П. Формирование инновационного мышления школьников в учебном процессе / А. П. Усольцев, Т. Н. Шамало. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2014. – № 4 (113). – С. 17–30.

10. Усольцев, А. П. Учебный процесс: развитие инновационного мышления школьников / А. П. Усольцев, Т. Н. Шамало. – Текст : непосредственный // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2015. – № 1. – С. 33–37.

11. Эркенова, А. В. Инновационная культура будущего педагога как компонент профессиональной компетентности / А. В. Эркенова. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2014. – № 2 (34). – С. 141–150.

REFERENCES

1. *The Nine Belbin Team Roles*. URL: <https://www.belbin.com/about/belbin-team-roles>.
2. Valeeva A. F. *Innovacionnaya kul'tura kak faktor razvitiya predprinimatel'skoj aktivnosti rabotnikov proizvodstva v usloviyah formirovaniya rynochnyh otnoshenij* [Innovative culture as a factor in the development of entrepreneurial activity of production workers in the context of the formation of market relations]. Kazan, 1993. 146 p. (In Russian).
3. Klimina L. V. Innovative culture of preschool education teachers. *Detskij sad ot A do Ya = Kindergarten from A to Z*, 2015, no. 1 (73), pp. 86–96. (In Russian).
4. Kovaleva O. A., Afanasyeva E. D. Complexity in the development of professional competence of a lawyer: an innovative approach. *Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovaniya, nauki i kul'tury = The University complex as a regional center of education, science and culture*. Orenburg, Orenburg State University, 2018, pp. 3083–3090. (In Russian).
5. Lyubina O. N. Innovative culture as a necessary condition for the innovative development of Russia. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2014, no. 7, pp. 64–67. (In Russian).
6. Mosina O. A., Redun R. G. On the issue of social well-being of a higher school teacher. *Aktual'nye voprosy pedagogicheskoy nauki i obrazovaniya = Topical issues of pedagogical science and education*. Krasnodar, Kuban State University, 2022, pp. 134–137. (In Russian).
7. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. National policy and socio-cultural approach. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*, 2012, no. 3, pp. 99–105. (In Russian).
8. Safarova G. A. *Formirovanie innovacionnoj kul'tury pedagogov v sisteme povysheniya kvalifikacii* [Formation of innovative culture of teachers in the system of advanced training]. Karachaevsk, 2013. 219 p. (In Russian).
9. Usoltsev A. P., Shamalo T. N. Formation of innovative thinking of schoolchildren in the educational process. *Obrazovanie i nauka = Education and science*, 2014, no. 4 (113), pp. 17–30. (In Russian).
10. Usoltsev A. P., Shamalo T. N. Educational process: the development of innovative thinking of schoolchildren. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii = Innovative projects and programs in education*, 2015, no. 1, pp. 33–37. (In Russian).
11. Erkenova A. V. Innovative culture of the future teacher as a component of professional competence. *Obrazovanie. Nauka. Innovacii: Yuzhnoe izmerenie = Education. Science. Innovation: The Southern Dimension*, 2014, no. 2 (34), pp. 141–150. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кудина, Я. В. Становление субъекта инновационной культуры в системе педагогического образования / Я. В. Кудина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 46–51.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kudina Y. V. Formation of a Subject of Innovation Culture in the System of Teacher Education / Y. V. Kudina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 46–51. (In Russian).

УДК 37.043

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ
К ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

О.А. Мосина, М.И. Матайс

**PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR PREPARING
FUTURE OFFICERS
FOR MILITARY PEDAGOGICAL ACTIVITIES:
THEORETICAL ASPECT**

O.A. Mosina, M.I. Matays

Аннотация. Реформы системы высшего образования затронули и высшее военное образование. Гуманистическая педагогическая парадигма транслирует необходимость развития лично ориентированной стратегии образования в военных вузах, что подразумевает подготовку будущих офицеров к педагогической деятельности в период дальнейшего прохождения службы. Исходя из заданного посыла в статье обосновывается необходимость создания педагогических условий формирования готовности будущих офицеров к педагогической деятельности. Авторы сегментируют педагогические условия на организационные, отражающие административную сторону педагогической деятельности и процессуальную, обуславливающую личностное развитие субъектов педагогической деятельности, а также, опираясь на выявленные педагогические условия, разрабатывают схему реализации педагогических условий формирования готовности курсантов к военно-педагогической деятельности.

Abstract. The reforms of the higher education system have also affected higher military education. The humanistic pedagogical paradigm translates the need for the development of a personality-oriented education strategy in military universities, which implies the preparation of cadets for teaching activities during further service. Based on the given message, the article substantiates the need to create pedagogical conditions for the formation of cadets' readiness for pedagogical activity. The authors segment the pedagogical conditions into organizational ones, reflecting the administrative side of pedagogical activity and the procedural one, which determines the personal development of subjects of pedagogical activity, and also, based on the identified pedagogical conditions, develop a scheme for the implementation of pedagogical conditions for the formation of cadets' readiness for military pedagogical activity.

Ключевые слова: парадигма военного образования, гуманизация военного образования, военно-педагогическая деятельность, педагогические условия.

Keywords: the paradigm of military education, the humanization of military education, military pedagogical activity, pedagogical conditions.

Российская армия переживает период глубоких системных преобразований, которые затрагивают не только модернизацию различных родов войск, но и систему взаимодействия внутри военного сообщества. Трансформационные

изменения затрагивают и систему подготовки военных специалистов, в частности систему высшего военного образования.

Смена образовательной парадигмы, и фактически объявленная нашей стране информационная война [1] продиктованная кризисом идеологического и понятийного поля, определяет новый вектор высшего военного образования и предъявляет жесткие требования к формированию у будущих офицеров определенных военно-профессиональных качеств, в том числе таких, как навыки педагогического управления и руководства служащими подчиненных подразделений как в мирное, так и в военное время (В.И. Вдовюк, Ю.В. Богатырев, Е.А. Климов, В.А. Ткачев, И.А. Подворный и др.). Представленные требования обуславливают необходимость детального изучения и конкретизации педагогических аспектов обучения будущих офицеров в военном вузе.

Целью данной статьи является определение и детализация педагогических условий подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности в контексте их теоретического анализа.

Методологически значимыми для реализации поставленных исследовательских задач стали социально-целесообразные концепции военного образования (В.Р. Володина, Т.Л. Лопуха, В.Л. Разгонова и др.), теории гуманизации военного образования (А.В. Барабанщиков, В.И. Вдовюк, В.А. Ткачев и др.), идеи педагогической подготовки военных специалистов (О.А. Мосина, Р.Г. Редун [2; 3], А.В. Рубан [4], Н.Н. Трунов, С.А. Хазова [5; 6]).

Ведущими методами исследования стали теоретический анализ и синтез научной психолого-педагогической литературы, а также методы сопоставления и аналогии.

Важным для представленной работы считаем тот факт, что порядок подготовки военных специалистов в системе высшего образования сложился много лет назад в мирное время, и, следовательно, требует пересмотра и модернизации. Для того чтобы процесс перестройки носил эффективный характер необходима четкая и последовательная система подготовки военных специалистов, соответствующая современным политическим и социальным вызовам, среди которых значимое место занимают требования к педагогическим знаниям умениям и навыкам будущих офицеров. «Ключевое место педагогической подготовки обучаемых обусловлено тем, что повседневная деятельность офицерских кадров по обучению, воспитанию (перевоспитанию), психологической подготовке личного состава, педагогическому руководству другими воспитателями и педагогическому самосовершенствованию является основным звеном их военно-профессионального труда» [7].

Теоретико-методологические основы подготовки студентов педагогических специальностей и вузов к педагогической деятельности широко освещена в трудах классиков педагогической науки (В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, Д.С. Лихачева и др.) и в современных педагогических исследованиях (Н.В. Кузьмина, А.И. Щербаковой, В.А. Сластенина и др.).

Различные аспекты подготовки военных кадров к педагогической деятельности нашли отражение в исследовательских работах А.В. Барабанщикова, В.П. Давыдова, В.А. Ткачева, И.А. Подворного и др. Кардинальных различий в научных взглядах отечественных специалистов не наблюдается, их скорее можно обозначить как взаимодополняющие. Военно-педагогическая деятельность рассматривается как процесс, направленный на обучение, образование и воспитание личного состава офицерами и командирами, направленный на подготовку подразделений к успешным действиям в военное и мирное время [8]. При этом исследования последнего десятилетия (Р.Г. Редун, А.В. Рубан, Н.Н. Трунов и др.) акцентируют внимание на необходимости субъект-субъектного взаимодействия между обучающимися и обучающими в военном вузе в период подготовки к военно-педагогической деятельности.

Проведенный анализ позволил авторам данной работы сформулировать определение сущности военно-педагогической подготовки будущих офицеров: с одной стороны, ее возможно представить как специфическую форму бытия военнослужащих и тех условий, которые созданы для обучения курсантов, а с другой – как способ их существования и развития, обусловленный созданием условий для их личностного развития и подготовки к выполнению военно-педагогических задач. В классическом понимании это будут условия подготовки курсантов к военно-педагогической деятельности.

В педагогической литературе термин «условие» представлен как «внешние и внутренние обстоятельства, благоприятно влияющие или сдерживающие действие таких факторов развития, как готовность к осуществлению деятельности, стимулирующая окружающая среда и ресурсная обеспеченность, а также технологии, методики, средства обучения и др.» [9].

Изучая термин «педагогические условия», авторы пришли к выводу о том, что сфера его применения довольно широкая. Так, в работах Н.В. Ипполитовой и Н.А. Стерховой педагогические условия рассматриваются как ведущий компонент педагогической системы, отражающий «...возможности образовательной, информационной, воспитательной и ресурсной сред, целенаправленно воздействующих на педагогический процесс и воспитываемую личность» [10].

Как комплекс мер, способствующих росту эффективности педагогического процесса, в том числе процесса развития образовательной среды, представляют педагогические условия современные педагоги-исследователи: О.А. Мосина, С.А. Хазова, Н.М. Яковлева и др.

Исходя из результатов проведенной аналитической работы стало возможным сегментировать педагогические условия подготовки курсантов к военно-педагогической деятельности на организационные, отражающие административную сторону педагогической деятельности и процессуальную, обуславливающую личностное развитие субъектов педагогической деятельности (Табл. 1).

Таблица 1

**Педагогические условия подготовки будущих офицеров
к военно-педагогической деятельности**

Педагогические условия	
Организационный компонент	Процессуальный компонент
Реализация уставных и нормативно-правовых отношений между офицерами, командирами и курсантами	Реализация отбора офицеров и командиров для участия в программе педагогической подготовки
Наличие разработанных диагностических карт и методик, позволяющих определить уровень подготовки курсантов к военно-педагогической деятельности	Соответствие содержания военно-педагогической подготовки курсантов относительно выявленных диагностических критериев и показателей уровня их соответствующей подготовки
Информационно-методическое обеспечение педагогической подготовки и стажировки для военных педагогов	Учебно-методическое обеспечение и разработанные средства педагогической подготовки и стажировки военных педагогов
Наличие у офицеров и командиров желания и мотивации к педагогической деятельности	Определение и принятие курсантами целей и задач военно-педагогического самосовершенствования
Организация совместной деятельности; выработка тактики и стратегии педагогического взаимодействия	Структурирование режима диалога между субъектами образования; реализация форм и методов активного обучения
Обеспечение активного включения офицеров и командиров в военно-педагогическую подготовку и педагогическую деятельность	Обеспечение активного включения курсантов в военно-педагогическую подготовку

Разработанная таблица показывает, что представленные условия обладают с одной стороны относительно независимыми, а с другой – взаимодополняющими признаками, что обеспечивает их единую совокупность и комплексность.

Организационный компонент

1. Реализация уставных и нормативно-правовых отношений между офицерами, командирами и курсантами. При подготовке курсантов к военно-педагогической деятельности необходимо учитывать то, что процесс воспитания и подготовки к различным видам деятельности «определяются военной присягой, в которой в концентрированном виде сформулированы требования к вооруженному защитнику Родины, и воинскими уставами, регламентирующими повседневную жизнь, функционирование армии и флота в ходе войны» [11].

2. Наличие разработанных программ военно-педагогической подготовки. Предполагает интеграцию обучающегося (курсанта) как субъекта в педагогическое пространство в учебное и внеучебное время с целью его подготовки к педагогической деятельности.

3. Информационно-методическое обеспечение военно-педагогической подготовки. Обусловлено необходимостью устранения противоречий между уставными отношениями, построенными сугубо на подчинении младших по чину и званию старшим и современной востребованностью выстраивания новых отношений в армии на основе взаимопонимания.

4. Наличие у офицеров и командиров мотивации к педагогической деятельности. В целом эффективность педагогического процесса во многом определяется личностно-мотивационной сферой военного педагога и педагогический процесс военного вуза в этом случае не может стать исключением.

5. Обеспечение активного включения офицеров и командиров в педагогическую подготовку возможно только в том случае, если у них есть желание и потенциальные возможности.

Процессуальный компонент

1. Реализация отбора офицеров и командиров для участия в программе военно-педагогической подготовки должна проводиться с учетом наличия специальной психолого-педагогической подготовки, а также с диагностическими результатами востребованных психолого-педагогических характеристик.

2. Соответствие содержания военно-педагогической подготовки курсантов относительно требований, предъявляемых нормативно-правовыми документами и образовательной средой военного вуза.

3. Учебно-методическое обеспечение и отбор средств военно-педагогической подготовки, разработка и реализация индивидуально-групповых маршрутов подготовки.

4. Определение и принятие курсантами целей и задач военно-педагогического самосовершенствования. Направленность на личностный рост и повышение качества педагогических знаний.

5. Обеспечение активного включения курсантов в военно-педагогическую подготовку возможно только в том случае, если у них есть желание и потенциальные возможности.

Теоретическое осмысление выявленных педагогических условий позволило разработать технологическую сторону их реализации посредством сегментации компонентов и выстраивания последовательности процесса подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности (Рис. 1).

Представленный схематично процесс реализации педагогических условий подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности консолидирует выявленные аспекты: организационные (организация и управление процессом диагностики готовности курсантов к военно-педагогической деятельности; уточнение состава офицерского и преподавательского коллектива – участников эксперимента; определение места и времени для совместной деятельности преподавателей, командиров и курсантов; подготовка учебных и методических материалов и пр.), и процессуальные (подбор диагностического инструментария; корректировка содержания подготовки в соответствии с выдвигаемыми требованиями к современному офицеру и требованиями к подготовке курсантов; индивидуально-групповые маршруты подготовки; объяснение и уточнение целей и задач военно-педагогической подготовки курсантам.

Рис. 1 – Реализация педагогических условий подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности

Проведенный теоретический анализ позволил определить совокупность педагогических условий подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности, а также последовательность их реализации в военном вузе, что делает возможным проведение в дальнейшем широкого опытно-экспериментального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sanger D. Confront and Conceal. Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power / D. Sanger. – N. Y. : Broadway Paperbacks, 2012. – 485 p.
2. Мосина, О. А. Педагогическая медиация адаптационных конфликтов курсантов в профессиональном образовании военного вуза : монография / О. А. Мосина, Р. Г. Редун. – Краснодар ; Армавир : РИО АГПУ, 2022. – 164 с. – Текст : непосредственный.
3. Редун, Р. Г. Педагогическая медиация адаптационных конфликтов в профессиональном образовании военного вуза : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Редун Руслан Геннадьевич. – Армавир, 2022. – 196 с. – Текст : непосредственный.
4. Рубан, А. В. Формирование ценностных ориентаций у курсантов военных вузов / А. В. Рубан. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5. – С. 89–90.
5. Трунов, Н. Н. Модель управления качеством профессионально-педагогической деятельности преподавателей военных вузов / Н. Н. Трунов, С. А. Хазова. – Текст : непосредственный // Педагогические исследования. – 2022. – № 2. – С. 97–115.
6. Теория и практика профессионального образования офицеров в военных вузах Российской Федерации / А. А. Авуза, И. А. Алехин, В. Н. Воронов [и др.]. – М. : Военный университет, 2018. – 194 с. – Текст : непосредственный.

7. Мартынов, М. И. К вопросу о повышении качества военно-педагогической подготовки курсантов / М. И. Мартынов, О. А. Терещенко. – Текст : электронный // Студенческий научный форум : материалы X Международной студенческой научной конференции. – URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005828> (дата обращения: 23.12.2023).

8. Perception of Teachers' Professional Development Needs, Impacts, and Barriers : The Abu Dhabi Case / M. Badri, A. Alnuaimi, J. Mohaidat, G. Yang, A. Al Rashedi. – URL: https://www.researchgate.net/publication/305999677_Perception_of_Teachers'_Professional_Development_Needs_Impacts_and_Barriers_The_Abu_Dhabi_Case (дата обращения: 23.12.2023).

9. Симонова, О. С. Педагогическое сопровождение профессиональной адаптации сотрудников федерального государственного пожарного надзора : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Симонова Ольга Сергеевна. – Челябинск, 2016. – 196 с. – Текст : непосредственный.

10. Ипполитова, Н. В. Виды и формы организации исследовательской деятельности студентов педвуза / Н. В. Ипполитова, Н. С. Стерхова. – Текст : непосредственный // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2015. – № 1 (25). – С. 41–49.

11. Организация воспитательной работы в части (подразделении). Основные формы и методы воспитательной работы офицера. – URL: http://files.mai.ru/site/unit/institute-of-military-science/ogp/1/4st_4.html (дата обращения: 23.12.2023). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Sanger D. *Confront and Conceal. Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power*. N. Y., Broadway Paperbacks, 2012. 485 p.

2. Mosina O. A., Redun R. G. *Pedagogicheskaya mediatsiya adaptatsionnykh konfliktov kursantov v professional'nom obrazovanii voennogo vuza* [Pedagogical mediation of adaptation conflicts of cadets in professional education of a military university]. Krasnodar ; Armavir, RIO AGPU, 2022. 164 p. (In Russian).

3. Redun R. G. *Pedagogicheskaya mediatsiya adaptatsionnykh konfliktov v professional'nom obrazovanii voennogo vuza* [Pedagogical mediation of adaptation conflicts in professional education of a military university]. Armavir, AGPU, 2022. 196 p. (In Russian).

4. Ruban A. V. Formation of value orientations among cadets of military universities. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and social-educational thought*, 2012, no. 5, pp. 89–90. (In Russian).

5. Trunov N. N., Khazova S. A. Model of quality management of professional and pedagogical activities of teachers of military universities. *Pedagogicheskie issledovaniya = Pedagogical research*, 2022, no. 2, pp. 97–115. (In Russian).

6. Avuza A. A., Alekhin I. A., Voronov V. N. *Teoriya i praktika professional'nogo obrazovaniya oficerov v voennykh vuzakh Rossijskoj Federacii* [Theory and practice of professional education of officers in military universities of the Russian Federation]. M., Military University, 2018. 194 p. (In Russian).

7. Martynov M. I., Tereshchenko O. A. On the issue of improving the quality of military pedagogical training of cadets. *Studencheskij nauchnyj forum = Student Scientific Forum*. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005828>. (In Russian).

8. Perception of Teachers' Professional Development Needs, Impacts, and Barriers : The Abu Dhabi Case / M. Badri, A. Alnuaimi, J. Mohaidat, G. Yang, A. Al Rashedi. URL: https://www.researchgate.net/publication/305999677_Perception_of_Teachers'_Professional_Development_Needs_Impacts_and_Barriers_The_Abu_Dhabi_Case.

9. Simonova O. S. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'noj adaptacii sotrudnikov federal'nogo gosudarstvennogo pozharnogo nadzora* [Pedagogical support of professional adaptation of employees of the federal state fire supervision]. Chelyabinsk, 2016. 196 p. (In Russian).

10. Ippolitova N. V. Types and forms of organization of research activities of students of a pedagogical university. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical Institute*, 2015, no. 1 (25), pp. 41–49. (In Russian).

11. *Organizaciya vospitatel'noj raboty v chasti (podrazdelenii). Osnovnye formy i metody vospitatel'noj raboty oficera* [Organization of educational work in the unit (division). Basic forms and methods of educational work of an officer]. URL: http://files.mai.ru/site/unit/institute-of-military-science/ogp/1/4st_4.html. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мосина, О. А. Педагогические условия подготовки будущих офицеров к военно-педагогической деятельности: теоретический аспект / О. А. Мосина, М. И. Матайс. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 52–59.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Mosina O. A., Matays M. I. Pedagogical Conditions for Preparing Future Officers for Military Pedagogical Activities: Theoretical Aspect / O. A. Mosina, M. I. Matays // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 52–59. (In Russian).

УДК 37.004

**ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ**

Ю.А. Сашина

**DIDACTIC PRINCIPLES
AND FEATURES OF THE USE
OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES**

Yu.A. Sashina

Аннотация. В статье рассматриваются дидактические принципы и особенности применения электронных образовательных ресурсов, знание которых обеспечивает учебный процесс методологической базой, в результате чего создаются благоприятные условия для построения обучающимся индивидуальной образовательной траектории при освоении образовательной программы. Статья будет полезна всем, кто занимается моделированием и внедрением в учебный процесс электронных образовательных ресурсов.

Abstract. The article considers the didactic principles and features of the use of electronic educational resources, the knowledge of which provides the educational process with a methodological basis, as a result of which favorable conditions are created for the student to build an individual educational trajectory when mastering the educational program. The article will be useful to everyone who is engaged in modeling and introducing electronic educational resources into the educational process.

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, дидактические функции, информационные и коммуникационные технологии, индивидуальная образовательная траектория.

Keywords: electronic educational resources, didactic functions, information and communication technologies, individual educational trajectory.

Глобальная информатизация процессов всех сфер деятельности общества создала предпосылки для обновления российского образования. Внедрение в образовательный процесс информационных и коммуникационных технологий стало обязательным условием интеграции в мировую систему образования.

Приоритетными направлениями, с учетом сложившихся обстоятельств, в развитии и повышении качества образования в долгосрочной перспективе являются:

- формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры образовательного учреждения;
- обеспечение высокого уровня ее доступности, предоставление на ее основе качественных услуг.

Согласно прогнозам развития образования, к 2030 году за счет формирования современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры удастся добиться модернизации, которая приведет к изменению образовательной

парадигмы [11]. Процесс обучения становится более индивидуализированным, содержание его подстраивается под особенности обучающегося. Образование становится все более доступным, а также за счет новых технологий, все более индивидуальным. Обучающийся может осваивать новый материал в том темпе и таким образом, как это наиболее комфортно и эффективно для него. Информационные и коммуникационные технологии открывают реальные перспективы для совершенствования системы образования, а именно:

- широкое внедрение средств ИКТ для наглядного, динамичного представления учебной информации с использованием видеоизображений, звука и удаленного доступа к информационным ресурсам;

- непрерывность и преемственность компьютерного обучения на всех уровнях образования за счет компьютерной поддержки всех предметов и дисциплин учебного процесса;

- обеспечение свободы выбора методики, стиля и средств обучения для раскрытия и выявления творческих индивидуальных способностей обучающегося;

- создание научной и методически обоснованной системы образования на основе новых информационных технологий [7].

Методологической основой государственной политики в сфере образования является системно-деятельностный подход, согласно которому «развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира составляет цель и основной результат образования». Мощным инструментом организации системно-деятельного подхода в обучении является применение электронных образовательных ресурсов (ЭОР), которые служат универсальным инструментом для познания новой информации, а также способствуют реализации исследовательского потенциала обучающихся, выполнению творческих проектов, повышению самооценки [8].

Во время использования электронных образовательных ресурсов в учебной образовательной среде, с одной стороны, они образуют с ней единое целое, а с другой, изменяют ее, придают новые свойства и выступают инструментом для повышения качества учебного процесса. В работах ученых, занимающихся созданием, внедрением и анализом опыта применения ЭОР, описаны широкие возможности электронных ресурсов в системе образования, но в то же время выделяются и такие проблемы как: необходимость подготовки участников учебного процесса к использованию ЭОР (Л.П. Мартиросян, А.В. Осин, Ю.А. Прозорова, И.В. Роберт) [2]; необходимость разработки ЭОР профессиональными коллективами в сотрудничестве с педагогами-предметниками (Д.Д. Аветисян, В.Н. Васильев, А.Д. Иванников, В.П. Кулагин, А.В. Осин, А.Н. Тихонов и др.) [4]; отсутствие широкой практики использования ЭОР для работы с обучающимися, которые не имеют возможности посещать учебные заведения или обучаться по основным образовательным программам; бессистемное использование ЭОР в классно-урочной форме (С.Н. Ивакин, Ю.М. Кузнецов, В.П. Кулагин, А.Н. Тихонов и др.) [5], что, в свою очередь, побуждает к дальнейшему изучению эффективного использования ЭОР в образовательном процессе.

Согласно психолого-педагогическим исследованиям, именно использование электронных образовательных ресурсов в образовательном процессе позволяет участникам учебного процесса реализовать на практике инновационные идеи и направления индивидуализации и информатизации образования [2; 4; 5; 9]. Именно активное взаимодействие участников учебного процесса с электронным учебным продуктом является главным преимуществом, стратегической задачей современного образования. Эффективность данного процесса измеряется уровнем интерактивности, другими словами, уровнем активности пользователя при работе с ЭОР.

С технической точки зрения ЭОР – это совокупность программ и данных, с точки зрения потребителя – это информация о предмете изучения, которая специально отобрана и подготовлена для усвоения с целью достижения требуемых результатов обучения, имеет разъяснительную функцию и используется для передачи научно обоснованного опыта и накопленных знаний, с учетом интеллектуальных способностей и возрастных особенностей получателей [10].

Анализ становления ЭОР свидетельствует о том, что с появлением и развитием новых технических устройств и компьютерных технологий изменялись и способы применения ЭОР. Основной причиной появления и распространения ЭОР является значительное увеличение потребности в образовании, в том числе и в самообразовании; рост числа обучающихся, которые хотят получить образование без отрыва от основной формы деятельности (например, спортсмены вынуждены пропускать занятия из-за тренировок и соревнований и пр.); увеличение количества образовательных организаций, которые проводят подготовку учащихся, используя современные технологии; изменение парадигмы обучения, учитывающего индивидуальные потребности учащихся, персонификация образования (ориентация на потребности личности учиться по индивидуальному плану и расписанию); организация образования как непрерывного обучения на протяжении всей жизни [8]. Все эти обстоятельства значительно повлияли на организацию образовательного процесса, видоизменяя дидактические положения, которые отражают протекание объективных законов и закономерностей процесса обучения и определяют его направленность на развитие личности [6].

На основе анализа научной литературы и образовательной практики были рассмотрены общие дидактические принципы использования ЭОР в учебном процессе, знание которых позволяет обоснованно определить содержание, организационные формы и методы в соответствии с поставленными целями обучения [1]. К ним относятся:

- доступность обучения, обеспечиваемая за счет возможностей предоставления учащимся справочной информации и индивидуальной информационной поддержки, и обеспечения вариативности содержания и различных форм представления учебного материала. Реализация данного принципа означает доступность использования информационно-коммуникационных технологий (компьютеры, программное обеспечение) и ресурсов (учебного контента).

ЭОР и информационные технологии позволяют предоставить обучаемому информацию в любом виде (текст, мультимедиа, анимация и т. п.) и в любых объемах, значительно превышающих возможности бумажных носителей. Кроме того, обучение строится в соответствии с содержанием возрастных особенностей обучающихся и уровня их развития, имеющихся знаний, что способствует более эффективному и комфортному освоению полученного материала [3]:

- прогрессивность и активность обучения, заключающаяся в предоставлении обучающемуся возможности осмысленного выбора собственной (индивидуальной) траектории обучения и активной субъектной позиции обучающегося, способного ориентироваться в окружающем многообразии информации. В процессе использования ЭОР данный принцип реализуется посредством организации самостоятельной работы учащихся и вовлечения их в учебный процесс с учетом предоставления каждому обучаемому возможности выбора содержания, средств поддержки обучения и темпа работы;

- прочность усвоения знаний, данный принцип подразумевает эффективность овладения компетенциями при оптимальной учебной нагрузке и уровне подготовленности обучающегося. В электронной образовательной среде принцип достигается за счет компьютерной визуализации и структурирования учебного материала, осознанной тренировочной деятельности в интерактивном режиме, организации контроля и корректировочных действий на основе обратной связи. Обучающийся способен к самостоятельному контролю учебной нагрузки, с возможностью возвращаться к пройденному материалу при решении различных учебных задач для закрепления результатов или самоконтроля;

- наглядность обучения: при использовании ЭОР обучение реализуется на базе мультимедиа и интернет-технологий и позволяет сделать его более доступным для понимания посредством различных наглядных средств и способов визуализации информации (например, анимация, видео, инфографика, ментальные и интерактивные карты). Благодаря этому информация может быть представлена в различных формах, которые обучающийся способен воспринимать с помощью нескольких органов чувств, что позволяет повысить интерес к процессу обучения;

- массовость обучения: данный принцип использования ЭОР подразумевает возможность обучения большого количества людей одновременно. Данный принцип реализуется на основе использования в учебном процессе дистанционных образовательных технологий (видеоконференции, вебинары, онлайн-курсы и т. п.). Таким образом, обучение направлено на широкий круг обучающихся вне зависимости от их местонахождения;

- принцип лояльности обучению с использованием ЭОР предполагает создание максимально благоприятных условий для овладения обучающимися знаниями, одними из которых являются комфортная среда (местоположение) и время обучения, которые осуществимы за счет мобильности технологии электронного обучения. Главным условием реализации данного принципа является наличие компьютера (ноутбука, планшета или смартфона) с доступом в Интернет;

- фундаментальность обучения основана на базе официальных и достоверных научных фактов, концепций и использования научных методов познания, так как именно научные знания, проверенные практикой, дают верное представление об объективной действительности. Данный принцип в ЭОР проявляется в достоверности и корректности предоставляемой обучающимся учебной информации, содержащей подтвержденные научные факты и знания. Для реализации этого принципа необходимо формирование у обучаемых системы научных знаний, оказывающих непосредственное влияние на развитие личности учащегося в целом и на характер его мыслительной деятельности в частности. В глобальном смысле это возможность представить обучающимся системные взаимосвязи внутри конкретной дисциплины посредством ЭОР, что обеспечит прочную основу для овладения учебными дисциплинами [4].

Что касается специфических дидактических принципов использования ЭОР в учебном процессе, к ним можно отнести следующие:

- персонализация обучения предполагает, что использование ЭОР направлено на развитие личности обучаемого и предусматривает персонализацию и индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося. Персонализация при использовании ЭОР проявляется в возможности обучающимся самостоятельно определять, какой объем учебного материала и в какой последовательности следует освоить, скорость и продолжительность изучения учебного материала, время и место обучения. Возможности электронных средств доступа к ЭОР позволяют создать оптимальные условия для реализации потенциала каждого обучаемого, мотивируя его познавательную деятельность;

- непрерывность обучения с использованием ЭОР заключается в реализации возможности обучающемуся иметь доступ к образовательному контенту вне зависимости от погодных условий или иных обстоятельств, не позволяющих очно принять участие в учебном процессе. Важным фактором в реализации данного принципа является создание образовательными организациями необходимых условий для реализации данного принципа. Это достигается с помощью активного использования разнообразных ЭОР в учебном процессе;

- модульность обучения предполагает построение электронного учебного курса различных ЭОР в виде отдельных модулей (разделов), каждый из которых делится на более мелкие учебные единицы (темы), предназначенные для достижения конкретных дидактических целей. Структурирование материала ЭОР по модулям направлено на пошаговое изучение с целью формирования четкого представления о результате после прохождения каждого раздела модуля;

- интерактивность обучения с использованием ЭОР отражает закономерности взаимодействия обучающегося с материалом, обучающегося с преподавателем и обучающихся друг с другом посредством технических средств и интернет-технологий. Данный принцип создает условия для повышения мотивации, расширяет функционал самостоятельной работы и контроля обучающегося с помощью информационных технологий [7; 8; 10].

Резюмируя вышеописанные принципы, были сформулированы следующие характерные особенности, присущие ЭОР:

- гибкость ЭОР, заключающаяся в возможности построения индивидуального графика обучения. При использовании ЭОР происходит целенаправленная и контролируемая интенсивная самостоятельная работа обучаемого, который имеет возможность учиться по индивидуальному плану согласно своим потребностям и возможностям, то есть самостоятельно определять последовательность освоения предметной области, учиться в удобном месте и в удобное для себя время, с индивидуальной скоростью изучения;

- экономия учебного времени для обучающихся проявляется в быстром поиске необходимой информации в ЭОР в отличие от использования обычных печатных учебных материалов, а для преподавателя – при контроле знаний обучающихся;

- минимизация затрат на обучение при использовании ЭОР предполагает исключение расходов на приобретение бумажных носителей информации. Доступ к образовательному контенту осуществляется посредством ЭОР, предоставляемых образовательной организацией;

- доступность контента (учебного материала). ЭОР позволяет повысить качество образования за счет возможности доступа к большим объемам знаний, широкого использования мировых образовательных ресурсов и увеличения доли самостоятельного освоения материала;

- в результате использования ЭОР происходит овладение обучающимися навыком обработки большого массива информации, так как в ходе образовательной деятельности, в которой техническое средство выступает в качестве основного средства обучения, происходит повышение уровня владения информационными компетентностями, под которыми подразумевается ориентация в потоках разнообразной информации, отбор, анализ и систематизация полученной информации и знаний, выделение необходимой информации для решения конкретной задачи;

- при использовании ЭОР происходит повышение уровня самостоятельности, саморегулирования, ответственности, организованности у обучающихся, а также формирование умения реально оценивать свои силы и принимать взвешенные решения. Это достигается благодаря привычной для обучающихся электронной среде, реализующей организационную и познавательную деятельность, возможности свободно выбирать время и объем работ, а также информативному способу предъявления изучаемого материала. Это влияет как на сам процесс обучения, так и на качество приобретаемых знаний и самих способов их приобретения;

- нелинейность обучения с использованием ЭОР проявляется в использовании специальных методов обучения, которые формируют у обучающегося способность воспринимать нужную информацию в нужном месте и в нужное время. Знания человек получает как «информационный пакет», которым может воспользоваться при необходимости;

- совместная работа: ЭОР позволяет создать комфортную среду для обучающихся за счет свободного доступа к образовательным электронным ресурсам и сервисам сети Интернет, которые предоставляют возможность совместной работы с другими участниками учебного процесса для удаленного обмена знаниями и опытом [7–10].

Итак, на основе анализа научной литературы и образовательной практики, были выделены принципы и особенности, присущие процессу обучения с использованием электронных образовательных ресурсов, знание которых позволит обоснованно определить содержание, организационные формы и методы в условиях использования электронных образовательных ресурсов, а их соблюдение позволит обеспечить образовательный процесс методологической базой, что создаст условия для построения обучающимся индивидуальной образовательной траектории при освоении образовательной программы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология и педагогика : учебное пособие для вузов / Л. К. Аверченко, Т. В. Андрушина, А. А. Булыгина [и др.]. – М. : Инфра-М ; Новосибирск : НГАЭиУ, 1998. – 173 с. – Текст : непосредственный.
2. Акользина, Е. А. Использование электронных образовательных ресурсов в процессе обучения: достоинства, недостатки / Е. А. Акользина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-elektronnyh-obrazovatelnyh-resursov-v-protsesse-obucheniya-dostoinstva-nedostatki> (дата обращения: 12.01.2024). – Текст : электронный.
3. Андреев, А. А. E-learning: некоторые направления и особенности применения / А. А. Андреев, В. А. Леднев, Т. А. Семкина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-learning-nekotorye-napravleniya-i-osobennosti-primeneniya> (дата обращения: 12.01.2024). – Текст : электронный.
4. Белова, Е. А. Оценка эффективности использования электронных образовательных ресурсов с элементами автодидактики в процессе саморазвития личности / Е. А. Белова. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23681896> (дата обращения: 14.12.2023). – Текст : электронный.
5. Лапенюк, М. В. Информационная среда дистанционного обучения как средство реализации индивидуализированного обучения в общей школе / М. В. Лапенюк. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sreda-distantsionnogo-obucheniya-kak-sredstvo-realizatsii-individualizirovannogo-obucheniya-v-obschey-shkole> (дата обращения: 14.12.2023). – Текст : электронный.
6. Сластенин, В. А. Педагогика : учебное пособие / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под редакцией В. А. Сластенина. – 11-е изд., стер. – М. : Академия, 2012. – 608 с. – Текст : непосредственный.
7. Суворова, Т. Н. Дидактические функции, возможности и свойства электронных образовательных ресурсов / Т. Н. Суворова. – Текст : непосредственный // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2014. – № 2. – С. 27–35.
8. Суворова, Т. Н. Использование дидактических возможностей электронных ресурсов для повышения качества образования / Т. Н. Суворова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-obrazovatelnye-resursy-v-sostave-metodicheskoy-sistemy-obucheniya> (дата обращения: 14.12.2023). – Текст : электронный.

9. Шевко, Н. Р. Электронные образовательные ресурсы как инструмент формирования образовательного пространства / Н. Р. Шевко, Е. Э. Турутина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-obrazovatelnye-resursy-kak-instrument-formirovaniya-obrazovatel'nogo-prostranstva> (дата обращения: 14.12.2023). – Текст : электронный.

10. Использование электронных образовательных ресурсов нового поколения в учебном процессе : научно-методические материалы / Г. А. Бордовский, И. Б. Готская, С. П. Ильина, В. И. Снегурова. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – 31 с. – Текст : непосредственный.

11. Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р. – Текст : непосредственный // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 41 (11 октября). – С. 25319–25320 (ст. 7051).

REFERENCES

1. Averchenko L. K. *Psihologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. M., Infra-M Publ. ; Novosibirsk, NGAEiU Publ., 1998. 173 p. (In Russian).

2. Akol'zina E. A. *Ispol'zovanie elektronnyh obrazovatel'nyh resursov v processe obucheniya: dostoinstva, nedostatki* [The use of electronic educational resources in the learning process: advantages, disadvantages]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-elektronnyh-obrazovatelnyh-resursov-v-protsesse-obucheniya-dostoinstva-nedostatki>. (In Russian).

3. Andreev A. A. *E-learning: nekotorye napravleniya i osobennosti primeneniya* [E-Learning: Some Areas and Applications]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-learning-nekotorye-napravleniya-i-osobennosti-primeneniya>. (In Russian).

4. Belova E. A. *Ocenka effektivnosti ispol'zovaniya elektronnyh obrazovatel'nyh resursov s elementami avtodidaktiki v processe samorazvitiya lichnosti* [Assessment of the effectiveness of the use of electronic educational resources with elements of autodidactics in the process of personal self-development]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23681896>. (In Russian).

5. Lapenok M. V. *Informacionnaya sreda distancionnogo obucheniya kak sredstvo realizacii individualizirovannogo obucheniya v obshchej shkole* [Distance Learning Information Environment as a Means of Realizing Individualized Learning in a Common School]. URL: cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sreda-distantsionnogo-obucheniya-kak-sredstvo-realizatsii-individualizirovannogo-obucheniya-v-obshchey-shkole. (In Russian).

6. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyarov E. N. *Pedagogika* [Pedagogy]. M., Academy, 2012. 608 p. (In Russian).

7. Suvorova T. N. Didactic functions, capabilities and properties of electronic educational resources. *Standarty i monitoring v obrazovanii = Standards and monitoring in education*, 2014, no. 2, pp. 27–35. (In Russian).

8. Suvorova T. N. *Ispol'zovanie didakticheskikh vozmozhnostej elektronnyh resursov dlya povysheniya kachestva obrazovaniya* [Using the didactic capabilities of electronic resources to improve the quality of education]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-obrazovatelnye-resursy-v-sostave-metodicheskoy-sistemy-obucheniya>. (In Russian).

9. Shevko N. R. *Elektronnye obrazovatel'nye resursy kak instrument formirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva* [Electronic educational resources as a tool for the formation of an educational space]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-obrazovatelnye-resursy-kak-instrument-formirovaniya-obrazovatel'nogo-prostranstva>. (In Russian).

10. Bordovskij G. A., Gotskaya I. B., Il'ina S. P., Snegurova V. I. *Ispol'zovanie elektronnyh obrazovatel'nyh resursov novogo pokoleniya v uchebnom processe* [The use of electronic educational resources of the new generation in the educational process]. SPb., Russian State Pedagogical University Named After A.I. Herzen, 2014. 31 p. (In Russian).

11. List of initiatives of socio-economic development of the Russian Federation until 2030. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2021 no. 2816-r. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021. no. 41 (October 11), pp. 25319–25320. (item 7051). (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сашина, Ю. А. Дидактические принципы и особенности применения электронных образовательных ресурсов / Ю. А. Сашина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 60–68.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sashina Yu. A. Didactic Principles and Features of the Use of Electronic Educational Resources / Yu. A. Sashina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 60–68. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (470.6) "18"

**«ЯК ХОЧЕШЬ МЕНЕ УЗИВАЙ, АБИ НЕ КРАМАРЕМ...»:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

М.С. Ануфриенко

**"CALL ME WHATEVER YOU WANT, BUT NOT A PETTY TRADER...":
PROFESSIONAL TRADE
IN THE CIRCUMSTANCES OF THE NORTH CAUCASIAN FRONTIER
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

M.S. Anufrienko

Аннотация. В статье раскрываются особенности торговой деятельности на Северном Кавказе в условиях военно-политической нестабильности первой половины XIX в. Показан психологический портрет представителей купеческого сословия, их роль в выстраивании коммуникативных связей между горцами и русскими поселенцами. Анализируются этнопрофессиональные черты местного предпринимательства. Дается оценка восприятия личности торговых людей в общественном мнении. На основании архивных материалов выясняется роль торговцев в освобождении пленных. Делается вывод о том, что в существовавших обстоятельствах коммерсанты не могли действовать исключительно в рамках правового поля империи. Однако и представители официальной власти предпочитали неформально подходить к трактовке законов, что стало особенностью региональной коммерческой деятельности. По мере активизации хозяйственной жизни на Северном Кавказе возрастали объемы торговли, и отношение к этой деятельности постепенно менялось в сторону благожелательности.

Abstract. The article reveals the features of trading activity in the North Caucasus in the conditions of military-political instability in the first half of the 19th century. A psychological portrait of representatives of the merchant class is shown, their role in building communication ties between the highlanders and Russian settlers. The ethno-professional features of local entrepreneurship are analyzed. An assessment is made of the perception of the personality of trading people in public opinion. Based on archival materials, the role of traders in the release of prisoners is revealed. It is concluded that in the existing circumstances, businessmen could not act exclusively within the legal framework of the empire. However, representatives of the official authorities also preferred to take an informal approach to the interpretation of laws, which became a feature of regional commercial activity. As economic life intensified in the North Caucasus, trade volumes increased, and the attitude towards this activity gradually changed towards benevolence.

Ключевые слова: торговля, купец, горцы, закон, покупатель, профессия, психологический портрет.

Keywords: trade, merchant, highlanders, law, buyer, profession, psychological portrait.

Человек, который выбрал себе стезю коммерсанта, должен обладать рядом качеств, необходимых для успешной деятельности. Коммуникабельность, умение разобраться в интересах потенциального покупателя, его потребностях и возможности их удовлетворить – все это является значимыми чертами профессионально-психологического портрета предпринимателя.

Но в условиях кавказских реалий купцам приходилось «отыгрывать» еще множество ролей, решая не только социально-экономические задачи, но оказывая воздействие на политическую ситуацию, формируя культурное пространство региона. Купцы становились посредниками, связывавшими разнородное общество незримыми нитями взаимовыгодного интереса. Не задумываясь о столь «высокой цели», пускаясь в поисках наживы в опасные путешествия и доставляя товар в «закрытые» локальные общества, торговец расшатывал преграды изоляционизма. Зачастую общаясь с антагонистами, торговец должен был проявлять невероятную гибкость и адаптивность, становясь «своим» для каждой из сторон. Он буквально вживался в тот социум, с которым имел дело, и, даже не разделяя ценностных ориентиров, понимал его мировоззренческую сущность.

Как отмечается в современных исследованиях, посвященных проблемам торговой кооперации, «предметы потребления могут разделять, но они могут также и объединять людей в тесные экономические системы пограничья. Экономические стимулы в форме дешевых потребительских товаров или возможностей участвовать в международной торговле создают основу для понимания и взаимного уважения...» [12, с. 109]. А ключевым звеном всего этого становится фигура профессионального коммерсанта, в большинстве своем даже не задумывающегося о социокультурных аспектах собственных усилий.

Далеко не каждому было по силам найти себя в этой нише. Требовалась готовность идти на риск, в том числе и риск лишиться не только материальных богатств, но и самой жизни. В регионе право силы было выше права собственности. Ограбить купца в общественном сознании являлось не преступлением, а доблестью. Труд торговца считался позорным, хотя обойтись без него не могли. Все это влияло на облик кавказского торгового сообщества, сумевшего адаптироваться к обстоятельствам и вызовам фронта.

Следует отметить, что в менталитете не только горских народов, но и части русского населения предпринимательство наделялось негативными чертами, а ассоциируемые с ним смыслы нередко имели отрицательную коннотацию [10, с. 250].

Парадоксально, но многие современные тенденции в сфере торговли причудливо переключаются с теми наработками, которые были порождены российской имперской политикой на Кавказе. Здесь рынки «быстро переросли

простой формат торговых площадок и превратились в сложные и саморазвивающиеся социальные организмы, сгустки социальных связей, сетей, конфликтов, механизмов власти и контроля» [13, с. 17]. И в основе этого причудливого явления находилась фигура купца, обеспечивавшего его функционирование в условиях непрекращающегося военного конфликта.

Как уже отмечалось в тексте исследования, для региона была характерна этноспециализация в торговой сфере. Подавляющее большинство профессиональных купцов было представлено армянами, сумевшими создать весьма разветвленную сеть непосредственно в крае, а также организовать ввоз и вывоз товаров за его пределы. К моменту активизации России в крае здесь уже имелась вполне эффективная система обмена, которую империя постаралась учесть и использовать в собственной военно-политической, экономической и культурной практике.

О том, какие качества позволили армянам стать лидерами в северокавказской торговле, сказано немало. Они не чувствовали себя чужаками даже в суровых условиях высокогорья, более того, есть мнение что подобный вызов порождал в среде армянского купечества «соревновательную энергию и задор по преодолению всех препятствий. Их умение проникать и быть повсюду было сродни удалству и храбрости кавказских горцев, проявлявшихся в их среде во время набегов» [7, с. 413]. Речь в данном случае идет о некоей культурной парадигме, ментальной модели, связанной с выживанием этого народа.

К сожалению, в исследованиях игнорируется причинно-следственная связь, объясняющая такое поведение армянских предпринимателей. Рискнем предположить, что скудость собственного кормящего ландшафта, жизнь в условиях отсутствия равных политических прав в исламских государствах с деспотическим режимом (Персия, Османская империя) заставляли армян искать такую нишу в экономике, на которую не претендовало этническое и конфессиональное большинство. Торговля и ремесло стали тем источником благосостояния, который позволил этому народу не только выживать, но еще и добиваться богатства, влиять на социально-политические процессы в стране проживания. Умение понять чужую культуру, пусть и в утилитарных целях, делало армянских купцов порой единственным посредником, связывавшим архаичные и локально обособленные общества с остальным миром.

Формировать необходимые негоцианту качества было непросто. Для этого следовало обеспечить «погружение» в социальную среду, которая делала нужное коммуникабельное поведение естественным, не требующим усилий над собственным мировоззрением. Для людей с иным подходом к оценке «свой – чужой» такое отношение казалось не просто непонятным, а вызывало неприятие, враждебность. Армян наделяли уничижительными характеристиками, обвиняя чуть ли не в паразитарности. Это тоже относилось к одной из издержек их профессионального выбора. Далеко не каждый готов был выдержать столь пренебрежительное и предвзятое отношение к себе.

Сложилась ситуация, при которой армянские купцы порицались и нередко третировались, но обойтись без их услуг не могли даже самые неприимимые гонители и критики. Попытки изгнать их заканчивались такими экономическими проблемами, которые рано или поздно заставляли врагов и ненавистников идти на попятную.

Армянские купцы мастерски поставили себе на службу обычаи и традиции северокавказских горцев. Торговый партнер превращался в кунака-покровителя, и такие связи со временем перерастали дружбу только двух человек. Прочные отношения начинали связывать целые семьи, передавались по наследству. Часть армян постоянно проживали среди горцев, здесь росли их дети, а они переставали восприниматься как нечто чужеродное, становясь «своими гяурами». Достаточно сказать, что армяне могли стать аталыками и воспитывать детей горской знати, что было нередким явлением в среде наиболее адаптированных в местную среду черкесо-гаев. Дозволялись браки между ними и дочерьми князей и уорков.

Даже утратив родной язык, армяне, как правило, сохраняли приверженность христианству, которое помимо религиозной составляющей, являлось еще и маркером, демонстрирующим принадлежность к определенному сообществу. Это позволило им не раствориться в других этносах, не утратить в том числе и те ментальные особенности, которые давали возможность успешно заниматься торговлей [6, с. 37–38, 40–41].

То, что горцы долгое время терпимо относились к такому положению, говорит об устойчивости позиций армянского населения в иноэтничной и иноконфессиональной среде. И лишь усилившееся противостояние христианской России и части горцев-мусульман привело к росту враждебности к армянам, вынудив последних решиться на исход под защиту «дружеских штыков» империи. Впрочем, даже такое обстоятельство не привело к прекращению торговых операций, которые с немалой выгодой для себя использовали как царские власти, так и «немирные» общества. Вырастить собственные кадры, способные в должной мере заменить предприимчивых армян, не удавалось ни той, ни другой стороне.

В качестве примера можно рассмотреть случай с неким купцом Бароном (Пароном, Паротом) Солнцевым (Сонцевым), занимавшимся с одобрения российского командования выменном пленных у горцев. Его имя и фамилия русифицированы, но в документах он упоминается как армянин, «нахичеванский 3-й гильдии купец» [3, л. 1 об.]. Возможно, речь шла о фамилии Аревян (от армянского слова арэв – солнце), но нигде в документах это отражения не находит. Впрочем, зачастую имея дело с чиновниками, армянские предприниматели старались подчеркнуть свою близость к носителям официального языка, повторяя ту же модель поведения, которая успешно подтвердила свою эффективность в горской среде. Там тоже армяне стремились натурализоваться в окружающем их социуме, чтобы легче наладить с ним контакт необходимый для торговли.

По согласованию с бароном Г.Х. Зассом в конце 1841 г. он покупал сам или получал от командования пленных горских женщин, а затем выменивал на них русских невольников. Сам купец проживал в Прочном Окопе, среди черкесо-гаев и, видимо, имел обширные связи среди «немирных» племен. Отметим, что такая практика запрещалась на самом высочайшем уровне, но на Кавказе запрет императора всерьез не воспринимался. Его игнорировали не только простые обыватели, но и люди облаченные властью, прекрасно понимая, что иных способов помочь в освобождении близким людям просто не существует. Примечательно, что для обмена могли «позаимствовать» пленных у соседей. Так, для Солнцева прислали «с левого фланга 60 человек пленных» и суть высказанных к нему претензий заключалась в том, что он не использовал их по назначению [3, л. 8]. Вместо обмена он продал этих людей в ногайских аулах. Это не означало, что коммерсант проигнорировал прямое указание Г.Х. Засса. Просто он предпочел расчитаться с горцами наличностью и товарами, т. к. счел такой вариант для себя более выгодным.

Из биографии нахичеванского торговца известно, что он перебрался на жительство в Прочный Окоп еще в 1830 г. и вскоре сумел завести среди черкесов необходимые связи. Уже через три года Парот Солнцев становится посредником в деле обмена пленными, причем позиционирует это исключительно как проявление сострадания, желание быть полезным русскому правительству. Власти не верили ему, но мирились с «гешефтами» предпринимателя. Не желая терять выгоду, купец охотно брал захваченных русскими горцев, но предпочитал продавать их соплеменникам, а не обменивать человека на человека. В этом случае он покупал русских подешевле, а «азиатских пленных» подороже, и полученную разницу забирал себе. Вполне естественная для предпринимателя практика вызывала возмущение у царских генералов, недовольных самим фактом того, что он «завел с закубанцами торг людьми, строго воспрещенный законами» [4, л. 11].

Кроме того, стали известны случаи, когда купец собирал у родственников похищенных людей деньги и обещал помочь в вызволении близких, но данного слова не сдержал. Он оправдывался тем, что истратил полученную сумму на безрезультатные поиски, но ему не верили ни сами потерпевшие, ни дознаватели, настаивавшие на возврате средств [4, л. 11 об.].

Солнцев соглашался компенсировать требуемое, но в свою очередь просил возвратить ему деньги, потерянные в результате побега к «немирным» горцам сотника Семена Атарщикова [11, с. 179]. Он занял у купца значительную сумму в 2 500 рублей, и теперь армянин хотел получить их от Кубанского казачьего полка, в котором числился беглец. В полку находились лошади, принадлежавшие перебежчику, и от их продажи купец рассчитывал обрести искомую сумму.

Данный эпизод наглядно демонстрирует те риски, с которыми постоянно приходилось сталкиваться профессиональному купцу. Не только он мог поживиться за счет нуждающихся в его товарах и услугах покупателей,

но и его самого рассматривали как источник получения выручки. Попавший под следствие, Солнцев вынужден был оправдываться, не соглашаясь с несправедливыми, по его мнению, требованиями внезапно активизировавшихся многочисленных кредиторов. Так, жители Барсуковской станицы стали утверждать, что он взял у них денег и скота на сумму в 1 315 рублей, но привести соответствующих доказательств не могли. Примечательно, что казаков поддержал «армянин Карпаров», но и он не мог предоставить убедительных доводов [4, л. 11 об.].

То, что далеко не всегда обвинения в адрес Солнцева справедливы, свидетельствовали и некоторые потерпевшие, отказавшиеся в итоге от претензий к нему. Так, некий «комиссионер Штейн», получивший свободу благодаря посредничеству нахичеванского купца, утверждал, что его обменял на знатного горского пленника генерал Засс, а сверх того потребовал за посредничество еще 2 000 рублей. Армянин был лишь «слепым орудием» в руках генерала, «торговавшего русскими пленными» [4, л. 12].

К сожалению, подробностей о судьбе Штейна в материалах дела обнаружить не удалось. Но даже те немногочисленные факты, которые упоминаются в документах, позволяют показать сложности и опасности, существующие и препятствующие занятию предпринимательством в крае. Штейн явно был чужаком и стал жертвой горских «хищников», увидевших в нем не полезного купца, а добычу. «Свой» армянин в итоге должен был спасти конкурента из неволи.

После затянувшегося на несколько лет разбирательства Ставропольская судебная палата признала, что купец действовал не самостоятельно, а по прямому указанию генерал-лейтенанта Г.Х. Засса, хотя и действовал в корыстных целях. Однако «и этот неблаговидный и постыдный поступок заслуживает снисхождения тем, что» предприниматель спасал людей, которых специально мучили и истязали, чтобы «всякий пленный готов отдать все свое достояние» [4, л. 13]. Какие бы мотивы не побуждали Солнцева, он выполнил главное поручение своего покровителя и выкупил несчастных, а потому достоин снисхождения.

Обвинения с купца были сняты, но ничего предъявить и Г.Х. Зассу в итоге не смогли. Российский имперский закон и взращенный им менталитет пасовали перед теми реалиями, которые укоренились на Северном Кавказе. Помощь пленным была необходима, а для этого нужны были средства, формально запрещенные в иных частях страны. С этим соглашался и главный гарант порядка – император, который позволял делать это как частную инициативу отдельных начальников. Г.Х. Зассу объявили выговор, и на этом затянувшееся разбирательство закончилось.

Энергичные, порой навязчивые усилия купцов, стремящихся убедить покупателя в необходимости воспользоваться его услугами, вызывали отторжение у людей, зачастую не понимавших всех сложностей, с которыми приходилось сталкиваться предпринимателю. Его считали бессовестным обманщиком, который, не производя материальных ценностей, живет за счет

наивности «правильно воспитанных» членов общества. По обе стороны Линии фигура купца наделялась отрицательными качествами. Даже в среде образованных людей предубеждение к торговцам выливалось в откровенную армянофобию. В свое время подобные настроения были проанализированы В.Б. Виноградовым, который, изучая творческое наследие приятеля и убийцы М.Ю. Лермонтова – Николая Соломоновича Мартынова, в частности, его поэму «Герзель-аул», обратил внимание на следующие строки: «Духанщик в белом сюртуке: / То армянин нахичеванский. / Полухитрец, пол-идиот. / С своей любезностью армянской / Он вас как липку, обдерет» [1, с. 81].

Исследователь связал это с личностью самого автора, отметив его негативные черты характера. Н.С. Мартынов был падок на удовольствия и не всегда мог сдерживать желаний предаться кутежу. Так, он сам признавался в том, что когда приехал в Екатеринодар в октябре 1837 г., умудрился потратить на увеселения значительную по тем временам сумму в 300 рублей. В.Б. Виноградов ставил вполне обоснованный вопрос: причем здесь армянские хитрости, если, по словам офицера, он вел себя «как дикой» [1, с. 91]? Отметим еще один момент. Н.С. Мартынов считает вполне естественным наличие духанщика в действующем отряде, не задумываясь о рисках, связанных с войной. И если он сам предается созерцательности, армянский торговец в это время работает, находя возможность скрасить досуг военнослужащих.

Делился стереотипами восприятия нахичеванского купца и И.Д. Попко. Он воспроизводил те оценки, которые существовали в казачьей среде, крайне негативно относящейся к самому факту получения наживы «нечестным» способом. Приводилась в качестве примера бытовавшая у черноморцев поговорка «Як хочешь мене узивай, аби не крамарем (торгашом), за те полаю (побранню)» [9, с. 75]. Неудивительно, что с таким подходом местные жители старались переложить непрестижную деятельность на иногородних, как правило, армян. Их презирали, но вынуждены были мириться с ними, понимая, что обойтись без торговца все равно не сумеют.

Автор сетовал на то, что в Черномории отсутствуют люди, которые ранее занимались сельским производством, не понаслышке знали об особенностях отрасли, плоды которой они могли реализовывать уже как профессиональные торговцы. И в итоге вместо цивилизованного «торгового движения» в крае это процесс выглядит «эфемерным, налетным торгашеством», связанным с нахичеванцами и закубанскими армянами [9, с. 75]. Больше всего возмущался И.Д. Попко тому, что, не имея первоначального капитала, эти купцы получали его у легковых, но «денежных пан-хуторян», умело, пускали его в оборот, богатели, а их кредитор оставался нищим.

Торговля в основном ограничивалась розницей, номенклатура товаров была крайне ограниченной. Подмечалось, что нахичеванские купцы не столько старались держать у себя в лавке полезные в хозяйстве вещи, сколько вели «торг товарами мишурными, бросающимися в глаза и по своей легкости сходящими с рук» [9, с. 76]. Будучи знатоками человеческих слабостей и умело подогревая чувство тщеславия, они умудрялись заинтересовывать «взрослых детей».

В качестве примера приводится следующий маркетинговый ход, который, видимо, был личным наблюдением автора. Купец умудрился продать шубу невысокого качества покупателю-чиновнику лишь потому, что она была изготовлена из волчьих хвостов, и продавец сказал, что эта вещь будет работать на имидж владельца («волком ходить»). А если покупатель будет пытаться сбить цену или вообще не решится купить ее, то он достоин лишь «овцом ходить» [9, с. 76].

Из произведений русских классиков мы знакомы с психотипом представителей этой группы населения. Чиновник был падок на некие внешние проявления своей, зачастую надуманной значимости и хотел подчеркнуть это, покупая шинель, как это было у персонажа Н.В. Гоголя – А.А. Башмачкина, или, как сделал, приобретя волчью шубу, не названный И.Д. Попко современник. В данном случае мы видим прекрасное умение купца разбираться в людях, и даже если принять претензии к «красноречивому торговцу», то не меньшее следует осуждение адресовать чванливому покупателю.

Осевшие в Черномории нахичеванские купцы имели лавки во всех куренях и старались не пропустить ни одной проводимой в крае ярмарки. Особенную активность они проявляли во время стрижки овец, массово скупая шерсть, мясо, шкуры. Аналогичным образом действовали и их соплеменники, торговавшие в Закубанье. Приобретенные товары в дальнейшем оказывались на Дону, где перепродавалась по выгодным для коммерсанта ценам. Отмечается закрытость купеческого сообщества, нежелание допустить в свои ряды посторонних [9, с. 76–77].

Появлялись на местном рынке и выходцы из центральных губерний страны. Это были коробейники, предлагавшие бакалейный и сельско-галантерейный товар. У них имелись свои «хитрости» по привлечению внимания потенциальных покупателей. Они старались рассказать об особенностях изготовления предлагаемых товаров, нередко занимаясь откровенным сочинительством. Судя по всему, помимо товара, такие люди удовлетворяли «информационный голод», развлекали покупателей и подспудно готовили «воронку продаж», благодаря которой не оставались без выручки.

Пытались заниматься рекламой и местные ремесленники. Но она была, как правило, незамысловатой и прямолинейной, заключааясь лишь в громких призывах купить привезенные вещи у продавца. Назвать таких людей профессиональными купцами нельзя. Они не желали тратиться на перекупщика и занимались торговлей от случая к случаю, ограничиваясь реализацией лишь тех вещей, которые делали сами [9, с. 77].

Отдавая должное энергичным армянским купцам, отметим, что назвать их монополистами все же нельзя. Часть рынка торговых услуг постепенно закреплялась за русскими коммерсантами, находившими собственную нишу в кавказском рынке. Так, немало было их среди маркитантов, заслуживших слова искреннего одобрения и восхищения теми товарами, которые предлагали своим покупателям – солдатам и офицерам Отдельного Кавказского корпуса. Рачительный предприниматель ценился не меньше толкового интенданта, хотя представители этих профессий не раз становились целью колких замечаний со стороны военных.

Вот что писал в своих воспоминаниях А.Л. Зиссерман о лавке в крепости Грозной «общего отрядного маркитанта Лебедева», на которую он обратил внимание. Привлекло старого кавказца то, что «в ней можно было найти все, от грошовой сальной свечки, махорки, веревки и гвоздей до бутылки рейнвейна или лафита в 8 рублей, жестянки с французским черносливом, страсбургских пирогов и коробок с дамскими бархатными шляпками; рядом с говядиной и свиным салом можно было получить деликатесы, вестфальскую ветчину и т. п.» [5, с. 442].

Лавка удовлетворяла как изысканные запросы аристократа, так и пожелания рядовых воинов, была рассчитана заинтересовать своим ассортиментом жен и дочерей – не избалованных «куртуазными» изысками женщин, деливших со своими мужьями и отцами все трудности фронтального быта. В данном случае мы видим классический тип комбинированной торговли, вполне привычный для нашего времени, но достаточно диковинный в рассматриваемый период. Суть его сводилась к тому, что зайдя в такую лавку за строго определенной вещью, покупатель поневоле начинал интересоваться и сопутствующими товарами (изысканное вино и рядом закуска к нему и т. п.).

У военных нередко водились деньги, а постоянный риск заставлял ценить радости жизни и не скупиться при организации для себя веселого досуга. Вспомним забавы М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, когда он со своими товарищами украсил грот Дианы не пожалев на это существенной суммы. Один из участников этого мероприятия, однополчанин поэта по Гродненскому гусарскому полку А.И. Арнольди поведал, что они изготовили из бумаги до 2 000 цветных фонарей, вычурную люстру, обвитую цветами, «армянские лавки доставили... персидские ковры и разноцветные шали для украшения свода грота... а содержатель гостиницы Найтаки позаботился о десерте, ужине и вине...» [8, с. 228]. Только на украшение ушло не менее полутора тысяч рублей.

Упомянутый грек-негоциант А.И. Найтаки оказывал офицерам и другие услуги, законность которых была сомнительна. Через него М.Ю. Лермонтов выправил разрешение не торопиться на службу, а «для излечения» задержаться в Пятигорске. Таким образом «на все руки ловкий» предприниматель заработал как на продаже подложного документа, так и на перспективном, увлекающемся и не склонном считать деньги молодом человеке [2, с. 388].

Со временем становясь тыловой, и крепость Грозная «превратилась в обширный военный город, кишущий войсками всех родов оружия с большими магазинами, складами, госпиталями и довольно значительным числом торговых заведений» [5, с. 460]. Спрос породил предложение, и предоставили его профессиональные купцы.

Занятие торговлей в полиэтничном регионе требовало от местного купечества владения различными компетенциями, прежде всего связанными с созданием нейтрального имиджа, без которого невозможно было не только продавать товары, но даже выживать в весьма конфликтной среде. Отсюда проистекает невероятная коммуникабельность кавказских негоциантов, которая для современников, носителей менталитета архаичного, аграрного, сословного общества, выглядела зачастую как хитрость, лживость, склонность к обману. Без торгового

посредничества не могли нормально выстраивать свой хозяйственный уклад ни горские народы, ни казачье-крестьянское население, проживавшее на Северном Кавказе. Имела место противоречивая ситуация, когда купцов порицали и нередко презирали, но продолжали пользоваться их услугами. Купец стал символом межкультурной коммуникации, важным инструментом по налаживанию интеграционного процесса, запущенного империей, осваивающей новое пограничье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы : сборник статей / В. Б. Виноградов ; под редакцией С. Л. Дударева. – Армавир : [б. и.], 2003. – 120 с. – Текст : непосредственный.
2. Висковатый, П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество / П. А. Висковатый. – М., 1891. – 454 с. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 79. – Оп. 2. – Д. 620. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 2928. – Текст : непосредственный.
5. Зиссерман, А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867) / А. Л. Зиссерман. – М. : Кучково поле, 2014. – 576 с. – Текст : непосредственный.
6. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918) / С. Н. Ктиторов. – Армавир : СКОРИНА, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.
7. Лазарян, С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова (1844–1854 гг.) / С. С. Лазарян. – М. : Проспект, 2022. – 768 с. – Текст : непосредственный.
8. Недумов, С. И. Лермонтовский Пятигорск / С. И. Недумов. – Ставрополь : Книжное издательство, 1974. – 310 с. – Текст : непосредственный.
9. Попко, И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы : в двух частях / И. Д. Попко. – Краснодар : Советская Кубань, 1998. – 192 с. – Текст : непосредственный.
10. Тимченко, А. С. Образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках / А. С. Тимченко. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 249–251.
11. Ходарковский, М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / М. Ходарковский ; перевод с английского А. Терещенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – Текст : непосредственный.
12. Холцленер, Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке / Т. Холцленер. – Текст : непосредственный // Ойкумена. – 2009. – № 3. – С. 102–111.
13. Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / научные редакторы: В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2015. – 343 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Vinogradov V. B. *Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoriya v zerkale hudozhestvennoj literatury* [Russia and the North Caucasus: history in the mirror of fiction]. Armavir, 2003. 120 p. (In Russian).
2. Viskovatyj P. A. *Mihail Yur'evich Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo* [Mikhail Yurjevich Lermontov. Life and art]. M., 1891. 454 p. (In Russian).

3. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory]. Fund. 79, inventory 2, case 620. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory]. Fund 101, inventory 1, case 2928. (In Russian).
5. Zisserman A. L. *Dvadcat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867)* [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)]. M., Kuchkovo pole, 2014. 576 p. (In Russian).
6. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839–1918)* [History of Armavir (pre-Soviet period: 1839–1918)]. Armavir, SKORINA, 2002. 384 p. (In Russian).
7. Lazaryan S. S. *Kavkaz pod upravleniem knyazya M.S. Voroncova (1844–1854 gg.)* [Caucasus under the control of Prince M.S. Vorontsova (1844–1854)]. M., Prospekt, 2022. 768 p. (In Russian).
8. Nedumov S. I. *Lermontovskij Pyatigorsk* [Lermontovsky Pyatigorsk]. Stavropol, Knizhnoe izdatelstvo, 1974. 310 p. (In Russian).
9. Popko I. D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraja, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on the region, society, armed forces and service]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban, 1998. 192 p. (In Russian).
10. Timchenko A. S. The image of a merchant-entrepreneur in Chinese and Russian proverbs and sayings. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Altai state university*, 2013, no 2, pp. 249–251. (In Russian).
11. Hodarskovskij M. *Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v epohu rossijskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza* [Bitter choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (In Russian).
12. Holclener T. Eastern Porosity: An Anthropology of Cross-Border Trade and Contact in the Russian Far East. *Ojkumena = Ojkumena*, 2009, no 3. pp. 102–111. (In Russian).
13. *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk, Izdatelstvo IGU, 2015. 343 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ануфриенко, М. С. «Як хочеш мене уживай, аби не крамарем...»: професійна торгівля в обставинах северокавказського фронтира в першій половині XIX століття / М. С. Ануфриенко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 69–79.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anufrienko M. S. "Call Me Whatever You Want, but Not a Petty Trader...": Professional Trade in the Circumstances of the North Caucasian Frontier in the First Half of the XIX Century / M. S. Anufrienko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 69–79. (In Russian).

УДК 94 (470.6) "18"

РЕАКЦИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ОКРУЖАЮЩИЙ МИР В 60–70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

И.С. Денильханов

REACTION OF POST-TRAUMATIC CHECHEN SOCIETY TO THE AROUND WORLD IN THE 60–70s OF THE XIX CENTURY

I.S. Denilkhanov

Аннотация. После завершения активных военных действий в северо-восточной части Кавказских гор и укрепления позиций России в данном регионе, предложившей новое контекстное содержание политического и социокультурного развития, чеченские общества переживали фазу переходного посттравматического состояния, бывшего следствием исторических событий, трагических по своей сущности, которые угрожали разрушить их традиционный жизненный уклад. Реакцией на изменившиеся условия существования стало первоначальное несогласие, выразившееся в разных по форме действиях, часто негативных в отношении новых властей. Только осознав невозможность отмены привносимых извне нововведений, чеченцы (хотя бы часть из них) встали на путь совладания с действительностью и сумели преодолеть апатию или озлобленность, что производило на людей исцеляющее действие и настраивало на поиски новой мотивации, ведущей к благоденствию.

Abstract. After the completion of active military operations in the northeastern part of the Caucasus Mountains and the strengthening of Russia's position in this region, which offered a new contextual content for political and sociocultural development, Chechen societies experienced a phase of a transitional post-traumatic state, which was a consequence of historical events, tragic in their essence, which threatened to destroy their traditional way of life. The reaction to the changed conditions of existence was initial disagreement, expressed in various forms of actions, often negative in relation to the new authorities. Only after realizing the impossibility of canceling innovations introduced from outside, the Chechens (at least some of them) embarked on the path of coping with reality and managed to overcome apathy or embitterment, which had a healing effect on people and set them up to search for new motivation leading to prosperity.

Ключевые слова: Северный Кавказ, посттравматические общества, чеченцы, восстания, повстанцы, традиционный уклад, новации.

Keywords: North Caucasus, post-traumatic societies, Chechens, uprisings, rebels, traditional way of life, innovations.

После пленения в 1859 г. имама Шамиля и окончания активных военных действий в восточной части Северного Кавказа, как и многие другие горские народы, чеченские общества находились в ситуации культурной травмы, под которой следовало понимать социально-психологическое напряжение, переживаемое социальной общностью вследствие какого-либо исторического события,

трагического по своей сущности, которое идет вразрез с жизненными представлениями людей и разрушает их устоявшуюся картину мира, подталкивает к переосмыслению прежнего течения жизни, к трансформации накопленного опыта.

Следует также отметить, что на фоне общей социокультурной травмы, людям приходилось одновременно переживать многочисленные другие травмы индивидуального, семейного или группового масштабов: разделение семьи, гибель или ранение в ходе военных действий членов семьи, необходимость смены места жительства и другое. Получалось, что социокультурная травма представляла собой сумму многочисленных травмирующих факторов [8, с. 130].

В силу определенных обстоятельств посттравматическое состояние чеченского общества длилось весьма продолжительный период, поскольку травматические события, в которых оно было задействовано, имели циклический характер, при котором всякий последующий цикл возобновлял в той или иной степени состояние напряжения и неопределенности. Помимо драматического вхождения и выхода в структуры имамата, а потом такого же выхода из вооруженного противостояния с Россией в рамках Кавказской войны, Чечня вынуждена была наискорейшим образом приспособливаться к новациям, следовавшим после развертывания на Северном Кавказе буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX века.

Диапазон проявления и продолжительности культурного шока среди чеченцев был достаточно широким. Часть людей, чтобы сохранить традиционное существование и привычное общинно-родовое устройство, уходили в высокогорные и труднодоступные районы Ичкерии. Держась за этнокультурный ритуализм, пытались сохранить уверенность через традиционные образцы поведения, даже если в новых условиях они себя не оправдывали. Другая часть общин (тайпов), оставаясь на почве непримиримости к происходящим переменам, была захвачена настроениями мухаджирства – переселения в единую Османскую империю, где и благодаря чему надеялись укрыться от негативных перемен и сохранить привычный уклад жизни. Третьи – замкнулись в рамках своих селений в тревожном ожидании грядущих неприятностей, занимали выжидательную позицию. Они были подавлены способностью неблагоприятных обстоятельств «пронизывать все практики и замещать своей болезнетворной природой любые механизмы коммуникации» [4, с. 16].

Некоторые избирали судьбу абреков или их негласных пособников, не видя иных способов существования и выражения несогласия с привносимыми извне общественными переменами. Эти люди не соглашались на «трансмиссию травматического опыта» [4, с. 1] в свою жизнь. Их уделом становился бунт, острое несогласие с направленностью и развитием социальной реальности, в которой происходило смещение разных цивилизационных и стадийных векторов. Они активно ей сопротивлялись и атаковали фундамент новой «водворявшейся» системы при помощи восстаний или точечных ударов по дислокации российских войск уже в 1860–1861 гг. Например, отряды Байсангура Беноевского

и Султан-Мурада действовали против генерала П.И. Кемпфера, а отряды Умма Дуева и Атабая подняли против русских селения, располагавшиеся в Аргунском ущелье [3, с. 169–170]. Такого рода реакция на социально-культурные перемены продолжалась и нарастала в Чечне в течение всех 60–70-х гг. XIX столетия и даже претендовала обзавестись масштабностью.

Наиболее показательным в этом направлении был всплеск северокавказского бунтарства с вены 1877 г., переросшего в массовое восстание на территориях Чечни и Дагестана. Большое количество действий, которые квалифицировались имперскими властями как преступления, для горцев были «...применением мер самозащиты, восстановления и отмщения своих законных прав...» [9, с. 645].

Побудительные причины восстания «крылись в сложной совокупности мотивов, доминирующим из которых было недовольство населения Чечни и Дагестана действиями российских властей» [3, с. 247]. Первостепенную роль в негативном прочтении разворачивавшихся событий играли факторы социально-экономического характера, связанные с насильственным выселением общин с гор на плоскость под казачий контроль, секвестирование в пользу казны общественных пастбищных угодий, массовая потеря земли горскими семьями и непривычные налоговые повинности, а также слухи о принудительной христианизации мусульман и повсеместном разоружении [3, с. 247–248].

Слухи об изъятии у горцев их оружия или попытки реализации такого рода установлений российскими официальными властями были абсолютно неприемлемы для местных горских жителей, поскольку, как отмечал современник происходивших событий, «в племенах, где весь народ вооружен, где слуга точно также владеет кинжалом и винтовкой, как и его господин, ни женщина, ни крепостной никогда не могли доходить до той безответственной покорности перед всякими неправдами своих притеснителей... Кинжалы и патроны, висающие на груди самого простого человека Кавказских гор, всегда служили и теперь еще служат ему красноречивым *habeas corpus* своего рода, который обеспечивал ему перед всеми известную долю свободы и личной неприкосновенности» [9, с. 643].

Другой наблюдатель, не умея совладать со своими эмоциями, считал, что пожар злобы и вражды у чеченцев и лезгин к русским, с одной стороны, «сильно раздувался турецкими эмиссарами, которых всегда было в избытке, а также магометанскими муллами, которые теперь все турецкие подданные...», а также «...иногда и грубым и наглым отношением русской администрации... не дав чеченцам ничего доброго, довели их до последней степени озлобления против России и русских» [6, с. 56].

По мнению Л.С. Гатаговой, восстание 1877 г. следует отнести к типу так называемых возрожденческих движений. Она считает, что «людям, участвующим в подобных движениях, свойственно идеализировать свое прошлое, почитать некую сложившуюся у них идеальную картину этого прошлого. На каком-то этапе возникает импульс подогнать современную жизнь под эту идеальную картину» [3, с. 249]. В данном случае посттравматический выход за пределы

травмировавшей реальности искался в прошлой действительности, наиболее удаленной от параметрических условий новых, навязанных извне, контекстов общежития. Воспроизводство культуры прошлой социальности не только изолировало горские общества от «мук переходного периода», но и помогало блокировать потенциальные и реальные травматические факторы, вернуть радость свободного и независимого бытия. В горской среде был сформирован «фобический синдром», который необходим был для того, чтобы «борьба против объекта фобии приняла более осмысленный и целенаправленный характер» [3, с. 249].

Восстание 1877 г. было попыткой защититься от навязанных извне правил, преодолеть социокультурную фрустрацию и вернуть в повестку дня прежний уклад жизни. Возглавлял это направление посттравматической трансформации среди чеченцев Али-Бек-Хаджи Алданов, уроженец ичкерийского селения Симсир. Людей, искавших приемлемый для себя выход в возрождение через обращение к прошлому, было достаточно много, так как в течение нескольких дней к повстанцам присоединились жители селений Чеберлой, Беной, Джумсой, Буни, Кулой, Макажой, Нижалой и других, составлявших Аргунский округ. По мнению исследователя С.К. Бушуева, Али-Бек-Хаджи Алданов, а также все другие его сподвижники, такие как Дада Залмаев из Чеберлоя, Султан Мурад из Беноя, Умма-Хаджи Дуев из Джумсоя относились к религиозному движению зикристов и использовали авторитет Кунта Хаджи Кишиева для мобилизации населения [1, с. 107]. Это не случайно, так как прошлое лучше всего ассоциируется с абсолютностью религиозной аксиоматики, а в данном случае, еще усиливалось этнокультурным наполнением.

В движении 1877 г. поразительным было то, что «самыми главными заповедями последнего восстания в Чечне и Дагестане были люди, всячески обласканные нашим правительством, щедро получавшие от него чины, ордена, пенсии» [3, с. 252–253]. Молва приписывала участие в подстрекательских действиях в Чечне также полковнику Мусе Кундухову, бывшего на русской службе начальником Владикавказского и Кумыкского округов [3, с. 253]. Из данного факта можно было понять, что посттравматический синдром порождал в горском обществе также немалое число людей, колеблющихся в своих пристрастиях и самоопределении. Даже видимое внешнее преуспеяние в имперских структурах, устанавливавшихся на Северном Кавказе, не избавляло от беспокойства в правильности сделанного выбора. Опасность потери идентичности в привносимой универсалистской надэтничности не избавляла от рецидивов отступничества.

Развитие неблагоприятных событий на Северном Кавказе на фоне разворачивавшейся войны с османами (1877–1878 гг.), предопределили жесткие меры со стороны имперских властей в отношении горских жителей, участвовавших или поддерживавших повстанцев. Войска уничтожали Аргунские селения, а жителей выселяли в равнинные районы. Однако это не только не сломало волю

восставших, но к ним в июле 1877 г. примкнула основная часть ичкерийских селений – Агишты, Мехкеты, Таузени, Хаттуни, Элистанжи и другие [3, с. 255], но уже к сентябрю основные силы повстанцев были разгромлены имперскими войсками. Жесткие действия генералов Свистунова и Смекалова остановили распространение восстания среди чеченцев. «Карательные экспедиции, направленные Свистуновым в Чечню, прошли по всем аулам, выжигая дотла дома, покосы и кукурузные поля» [3, с. 256]. В октябре 1877 г. волнения в Чечне прекратились. Аналогичные события в Дагестане не исследовались, так как в центре внимания автора данной статьи была Чечня.

Лидеры чеченских повстанцев и многие комбатанты были уничтожены войсками либо казнены по приговорам военно-полевых судов, но при этом нельзя было утверждать, что горцы лишились источников их непримиримости. По мнению исследователей, «российские власти... не сумели разрушить само основание, из которого питались силы восставших» [3, с. 261], сохранялось непреодоленным посттравматическое состояние чеченских обществ, воспринимающих вносимые в горы социокультурные новации как «трагический нарратив». Сохранялась горская идентичность, связанная с традицией и искавшая в ней реализацию, а также суфийская идеология, ставшая конкурентом идеологии модернизаторства.

Кроме того, повсеместно «фобии составляли привычный элемент культурного ландшафта Северного Кавказа...» и «массовое сознание местных народов, традиционно тяготеющее к мифологизации действительности, насквозь пропитанное духом иррационализма» [3, с. 265] было повседневным явлением в традиционной горской среде. Объяснение исторических событий при помощи легенд, было попыткой исправить травматическую реальность, попыткой «обретения уверенности через традиционные образы поведения, даже если в новых условиях они вели в тупик» [10, с. 9].

У горцев не было опыта жизни большой исторической длительности в рамках константного мирного общества. В связи с этим у них не было возможностей для быстрого встраивания и вставания в «евразийское» культурное поле имперского пространства. Потому их реакция на культурный травматизм была более острой, так как перед ними вставал вопрос о выживании или, по крайней мере, сохранении этнокультурной идентичности. По этой причине и посттравматический период для них сделался целой эпохой, в продолжение которой вызревали адекватные устанавливавшимся реалиям способы жизнедеятельности.

Чеченцы вместе со всем Северным Кавказом, опираясь на прежний фундамент традиционализма, долго не могли отрефлексировать краткосрочных и долговременных перспектив тех новых обстоятельств, в которых они оказались после окончания Кавказской войны, до конца не умели прояснить и объяснить последствий и возможностей тех или иных их решений и занимаемых позиций.

Вообще, рассматривая и пытаясь понять реакцию посттравматического чеченского общества на предложенные (навязанные) способы и модели модернизационного существования, надо исходить из того, что доминировавшим актором оставалась Российская империя. От нее исходили и направлялись те или иные вызовы, на которые приходилось реагировать чеченцам. Внешний нажим постоянно усиливался и ускорялся, вовлекая в круг общеимперских процессов традиционные общества помимо их воли.

Опять же, пытаясь придерживаться объективного подхода к освещению исследуемой проблемы, следует отметить и то обстоятельство, что, несмотря на случившиеся потрясения и связанную с ними трагичность положения, горские (чеченские) общества не желали расходовать остававшиеся у них социально-демографические и материальные ресурсы, долгое время сохраняли местный колорит традиционной структуры. Они не могли позволить себе безоглядно отправляться в плавание по малоизвестному им цивилизационному пространству. Чеченцы, как и весь Северный Кавказ, осторожничали и выжидали из-за беспрецедентности до тех пор встававших перед ними вызовов, превратившихся в постоянный источник новой опасности, чью суть и возможный ракурс развития трудно было предвидеть.

С другой стороны, в посттравматический период Северный Кавказ перестал быть закрытым цивилизационным пространством, «избавляясь и от ущербности, и от преимуществ такого существования» [5, с. 13], когда сложные жизненные ситуации могли подвигать людей к переживанию и рефлексированию позитивных изменений, которые открывались тем, кто был способен воспринимать наступившие перемены как новые возможности. Они постепенно перекombинировали свое восприятие и отношение к внешнему миру, переживали духовное преображение, утверждались в осознанной установке на благоприятное будущее.

Постепенно культурная травма переживалась, а травмирующие ситуации переставали восприниматься как непосредственные факторы травмы, видоизменялись и теряли свою остроту и значимость. Позитивным средством преодоления множественности сторон травматического кризиса служили «культурный, социальный и человеческий капитал, опора на личностные ресурсы» [4, с. 17]. Кроме того, важным способом изживания травматического опыта было «творчество образов достойного будущего... самоконструирование жизни в качестве способа совладания с транзитивностью реальности» [4, с. 18].

Такие группы горцев вовлекались в посттравматический рост, который мог «быть вызван ситуацией, угрожающей или даже разрушающей привычный мир человека, бросающей серьезный вызов его ценностям самого высокого порядка, верованиям, целям, собственному мнению, мировоззрению и способности справиться с дистрессом» [2, с. 214–226].

Под воздействием растущего внешнего вмешательства «горские общества не могли оставаться в неподвижном состоянии, как бы они не сопротивлялись переменам» [5, с. 10]. Другими словами, чеченские общества

представляли собой общества переходного состояния, в которых (хотя бы части из них) становились возможными позитивные посттравматические изменения: во-первых, осознавалось повышение ценности жизни и изменение приоритетов; во-вторых, формировались близкие отношения с другими людьми; в-третьих, рождалось новое ощущение внутренней силы; в-четвертых, происходило расширение возможностей, которые человек для себя видел; в-пятых, совершалось оздоровление мировоззренческих установок [7, с. 144–158]. Люди находили в своей жизни и окружавшей их действительности факторы, помогавшие им либо избегать, либо существенно уменьшать остроту травматических переживаний. Это могло проявляться в изменении привычного уклада жизни и «находить новые контексты для поддержания психологического равновесия» [8, с. 129].

Одним из следствий посттравматической реакции чеченского общества сделалась толерантность – ослабление иммунного сопротивления на вторжение извне чужих социокультурных и политических агентов и институтов; произошло снижение чувствительности к воздействию извне и определенное согласие на сосуществование с ним. Прежняя социополитическая система имамата пережила энтропию – неопределенность и неупорядоченность в прежних параметрах, на фундаменте которых начинала устраиваться имперская система.

Это, однако, не снимало разноречий и настороженности между долго противостоявшими друг другу мирами. Трудности связывались с необходимостью для бывших врагов привыкать к мирному сосуществованию, выбираться за рамки, установленные этноцентричностью, а горским жителям искать способы «врастания» в Россию.

Кроме того, горцам предстояло приспособливаться к ситуации, когда вековой опыт патриархально-родовых отношений, исключавших господство одних над другими, заменялся в имперском пространстве иерархией статусов вертикальной подчиненности, а новые социально-политические требования нарушали социально-регулятивную роль кровного родства всех уровней – внутрифамильного, межфамильного, патронимического.

В качестве компенсаторов Российская империя предлагала мощный инструмент обеспечения жизнеспособности, редистрибуции благ и единства социума – имперскую государственно-политическую систему, в которой институты политической власти претендовали выступать в качестве регуляторов почти всех типов социальных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуев, С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX века) / С. К. Бушуев. – М. : МГУ, 1955. – 116 с. – Текст : непосредственный.
2. Быховец, Ю. В. Феномен посттравматического роста / Ю. В. Быховец. – Текст : непосредственный // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / ответственные редакторы: М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. – М. : Институт психологии РАН, 2016. – С. 214–226.

3. Гатагова, Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917 / Л. С. Гатагова. – М. : Новый хронограф, 2016. – 448 с. – Текст : непосредственный.
4. Гусельцева, М. С. Культурно-психологическая травма как фактор риска и становление гражданской идентичности / М. С. Гусельцева. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2017. – № 4 (10). – С. 8–23.
5. Дегоев, В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год) / В. В. Дегоев. – М. : Навона, 2009. – 128 с. – Текст : непосредственный.
6. Ковалевский, П. И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография М.И. Акинфеева, 1912. – 95 с. – Текст : непосредственный.
7. Леонтьев, Д. А. Удары судьбы как стимул личностного развития: феномен посттравматического роста / Д. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. – М. : Институт психологии РАН, 2016. – С. 144–158.
8. Маккуббин, Л. Д. Историческая травма и жизнеспособность: адаптация, благополучие, здоровье / Л. Д. Маккуббин. – Текст : непосредственный // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. – М. : Институт психологии РАН, 2016. – С. 129–143.
9. Марков, Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории / Е. Марков. – СПб.–М. : Товарищество М.О. Вольф, 1887. – 706 с. – Текст : непосредственный.
10. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

REFERENCES

1. Bushuev S. K. *Iz istorii vneshnepoliticheskikh otnoshenii v period prisoedineniya Kavkaza k Rossii (20–70 gody XIX veka* [From the history of foreign policy relations during the annexation of the Caucasus to Russia (20–70s of the 19th century)]. M., MGU, 1955. 116 p. (In Russian).
2. Bykhovets Yu. V. *Fenomen posttravmaticheskogo rosta* [The phenomenon of post-traumatic growth]. M., Institut psikhologii RAN, 2016, pp. 214–226. (In Russian).
3. Gatagova L. S. *Severnyi Kavkaz v ehpokhu pozdnei imperii: priroda nasiliya. 1860–1917* [North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860–1917]. M., Novyi khronograf, 2016. 448 p. (In Russian).
4. Gusel'tseva M. S. Cultural and psychological trauma as a risk factor and the formation of civic identity. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, 2017, no. 4 (10), pp. 8–23. (In Russian).
5. Degoev V. V. *Vvedenie v politicheskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god)* [Introduction to the political history of the North Caucasus (XVI century – 1917)]. M., Navona, 2009. 128 p. (In Russian).
6. Kovalevskii P. I. *Vosstanie Chechni i Dagestana v 1877–1878 gg.* [The uprising of Chechnya and Dagestan in 1877–1878]. SPb., Akinfeev Printing house, 1912. 95 p. (In Russian).

7. Leont'ev D. A. Blows of fate as a stimulus for personal development: the phenomenon of post-traumatic growth. *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty = Human vitality: individual, professional and social aspects*. M., Institut psikhologii RAS, 2016, pp. 144–158. (In Russian).

8. Makkubbin L. D. Historical trauma and resilience: adaptation, well-being, health. *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty = Human vitality: individual, professional and social aspects*. M., Institut psikhologii RAS, 2016, pp. 129–143. (In Russian).

9. Markov E. *Ocherki Kavkaza. Kartiny kavkazskoi zhizni, prirody i istorii* [Essays on the Caucasus. Pictures of Caucasian life, nature and history]. SPb., M., Tovarishchestvo M.O. Wolf, 1887. 706 p. (In Russian).

10. Shtompka P. Cultural trauma in post-communist society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2001, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Денильханов, И. С. Реакция посттравматического чеченского общества на окружающий мир в 60–70-е годы XIX века / И. С. Денильханов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 80–88.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Denilkhanov I. S. Reaction of Post-Traumatic Chechen Society to the Around World in the 60–70s of the XIX Century / I. S. Denilkhanov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 80–88. (In Russian).

УДК 93/94

**ВЕХИ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕЙ КРЕПОСТНОЙ СЛОБОДКИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

С.Н. Ктиторов, А.Л. Пелих, И.В. Грицких, О.Г. Каранкова

**MILESTONES IN THE HISTORY OF THE LAST SERF SETTLEMENT
OF THE NORTH CAUCASUS**

S.N. Ktitorov, A.L. Pelikh, I.V. Gritskikh, O.G. Karapkova

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда
в рамках научно-инновационного проекта № НИП-20.1/22.7*

Аннотация. В работе рассматривается история хутора Фортштадт и прилегающего к нему кладбища. Хутор был образован возле административного центра Кубанской кордонной линии – крепости Прочный Окоп. В масштабах всего Северного Кавказа Фортштадт является последней крепостной слободкой, которая сохранилась в качестве обособленного поселения. Историческое прошлое Форштадта было тесно связано с событиями Кавказской войны. Ярким сюжетом форштадтской летописи являются личности живших здесь декабристов. В 1858 г. в Форштадте родился В.Ф. Машков, прославившийся в качестве одного из пионеров в исследовании Эфиопии, этнографа и дипломата. Вплоть до начала XX в. население слободки состояло из отставных солдат и их детей, основным занятием которых являлось хлебопашество. Одним из результатов Первой мировой войны и гражданского противостояния 1918–1920 гг. стало сокращение мужского населения Форштадта. По итогам переписи 1926 г. в слободе было зафиксировано 164 домохозяйства, где проживало 715 человек. В настоящее время в хуторе Форштадт проживает 462 человека. Прилегающее к хутору старинное кладбище изначально служило местом погребений военнослужащих гарнизона укрепления, а также жителей возникшей рядом солдатской слободки. Первые захоронения здесь появились практически одновременно с основанием в 1784 г. крепости Прочный Окоп. На Кубанской кордонной линии подобные объекты располагались возле каждой крепости, однако именно рассматриваемое кладбище остается непрерывно действующим уже почти 240 лет. Таким образом, с большой вероятностью оно является старейшим русским православным некрополем в восточной зоне Краснодарского края.

Abstract. The paper examines the history of Fortstadt farm and the cemetery adjacent to it. The farm was formed near the administrative center of the Kuban cordon line – the fortress of a Prochnyj Okop. On the scale of the entire North Caucasus, Fortstadt is the last fortress settlement that has been preserved as a separate settlement. The historical past of Forstadt was closely connected with the events of the Caucasian War. The personalities of the Decembrists who lived here are a vivid plot of the Forstadt chronicle. In 1858, V.F. Mashkov was born in Forstadt, who became famous as one of the pioneers in the study of Ethiopia, an ethnographer and diplomat. Until the beginning of the twentieth century, the population of the farm consisted of retired soldiers and their children, whose main occupation was agriculture. One of the results of the First World War and the Civil War of 1918–1920 was the reduction of the male population of Forstadt. According

to the results of the 1926 census, 164 households were registered in the village, in which 715 people lived. Currently, 462 people live on the Forstadt. The ancient cemetery adjacent to the farm originally served as a burial place for soldiers of the garrison of the fortification, as well as residents of the nearby Soldatskaya Sloboda. The first burials appeared here almost simultaneously with the foundation of the Strong Moat fortress in 1784. On the Kuban cordon line, similar facilities were located near each fortress, but it was the cemetery in question that remained continuously operating for almost 240 years. It is the oldest Russian Orthodox necropolis in the eastern zone of the Krasnodar Territory.

Ключевые слова: Фортштадт, крепостная слободка, Прочный Окоп, Кавказская война, декабристы, крепостное кладбище.

Keywords: Fortstadt, fortress settlement, Prochnyj Okop, Caucasian war, Decembrists, fortress cemetery.

Недалеко от г. Армавира, на Ставропольской возвышенности, к северу от валов бывшей российской крепости Прочный Окоп, располагается небольшой хутор Фортштадт. Внешне он практически не отличается от десятков других рядовых сельских пунктов Новокубанского района, однако имеет давнюю и интересную историю. Прежде всего, следует отметить, что в масштабах всего Северного Кавказа этот хутор является последней крепостной слободкой, которая сохранилась в качестве обособленного поселения. Другие же некогда многочисленные в регионе подобные форштадты уже давно прекратили свое существование, либо вошли в состав городов, которые выросли на основе пограничных крепостей, или же образовались под их защитой. Следует также отметить, что с историей сравнительно небольшого кубанского хутора оказались связаны многие знаменательные события и судьбы целой плеяды известных россиян.

Название рассматриваемого пункта происходит от двух немецких слов *vor* – «прежде», «вперед» и *Stadt* – «город» [1, с. 920]. Этим изначально нарицательным понятием обозначались поселения, находящиеся возле города или крепости, предместья, посады и пригороды. Здесь проживали отставные и семейные солдаты и офицеры, а также тесно связанные с военным гарнизоном торговцы, ремесленники и прочий гражданский люд. На Северном Кавказе свои форштадты вырастали при Екатеринодарской, Усть-Лабинской, Майкопской, Ставропольской, Владикавказской, Грозной, Моздокской и других крепостях. С наступлением мирных условий жизни они теряли свою обособленность и обычно включались в черту выраставших на основе укреплений городов, нередко оставляя о себе память в топонимии улиц и районов.

Рассматриваемый в настоящей статье пункт образовался возле административного центра Кубанской кордонной линии – крепости Прочный Окоп – и первоначально именовался Форштат, Форштад, Форштадт, или же Прочноокопская слободка. Свое современное название Фортштадт хутор получил уже после установления советской власти.

Точное время появления крепостного предместья неизвестно. Естественно, что это произошло после основания в 1784 г. самого Прочного Окопа [2, с. 166–167; 3]. В доступных документальных источниках Форштадт

упоминается лишь со второго десятилетия XIX в., например на выкопировке из Генерального плана, составленного в 1821 г. землемером Смирновым [4, л. 9].

Из клировых ведомостей церковей Ставропольской епархии известно, что в Прочноокопском военном Форштадте в 1828 г. «тщанием жителей» был сооружен деревянный с железным куполом Николаевский молитвенный дом, внутри которого имелся полотняный живописный иконостас [5, с. 279].

Можно предположить, что первоначально функцию слободки при крепости выполняла станица Прочноокопская, основанная в 1794 г. донскими казаками на правом берегу Кубани на месте современного поселка Старая Станица [6, с. 5]. В 1820 г. из-за частых разливов реки она была перенесена на 4 версты ниже по течению реки, где находится и поныне [7, л. 282 об. – 283; 8, с. 6].

Первое известное нам описание Форштадта было оставлено участником Кавказской войны, дипломатом, разведчиком и исследователем Ф.Ф. Торнау в конце 1830-х гг. Признавшись, что Прочный Окоп занимал слишком памятное место в его жизни, он вспоминал, что «в ста саженьях на север от укрепления лежал форштадт, в котором жили семейства женатых солдат, помещаясь в двух рядах низких мазанок, крытых камышом и, для безопасности от неприятеля, кругом обгороженных колючим плетнем со рвом» [9, паг. 2, с. 5–6].

Историческое прошлое Форштадта, Прочного Окопа и одноименной станицы было тесно связано с событиями Кавказской войны. Практически все взрослые мужчины солдатской слободки принимали участие в боевых действиях. Местное население часто страдало от набегов «немирных» горцев. Известный краевед Б.Л. Выродов, который еще в дореволюционный период неоднократно посещал Форштадт и общался с его жителями, зафиксировал целый ряд интересных исторических свидетельств. В частности, он упоминал о топониме «телячий брод», как называлось старое обмелевшее русло Кубани (канал Неволька) на восточной окраине современного поселка Прикубанский у склонов Ставропольской возвышенности. Ссылаясь на старожилку слободки Петра Ивановича Савелкина, Выродов писал, что однажды днем в этом месте черкесам удалось незаметно пробраться к форштадтскому выгону, где паслись телята. Улучив момент, когда молодые пастушки улеглись в тени деревьев и уснули, горцы легко перегнали стадо через мелководье и скрылись в густом лесу поймы Кубани. С тех пор это место стало называться «телячьим бродом», а прочноокопские казаки еще долго посмеивались над форштадтцами [10, л. 31–32].

Б.Л. Выродов также записал рассказ жительницы Форштадта М.С. Рудаковой о том, как во время Кавказской войны черкесы захватили в плен ее прабабушку с сыном-грудничком и 12-летней дочкой, когда те возвращались в слободку с полевых работ. Матери с младенцем с помощью беглого русского солдата удалось вернуться к своим. Ее же дочь оставалась в горном ауле еще 4 года и была освобождена только тогда, когда жители Форштадта и Прочноокопской собрали выкуп – 300 рублей серебром [10, л. 39–41].

Ярким сюжетом форштадтской летописи являются личности живших или бывавших здесь декабристов. С конца 1830-х гг. в располагавшейся

рядом крепости Прочный Окоп, а также в одноименной станице под командованием знаменитого начальника Кубанской линии генерала Г.Х. Засса проходили службу и отправлялись в походы в горные районы Закубанья М.А. Назимов, В.Н. Лихарев, Н.И. Лорер, М.М. Нарышкин, К.Г. Игельстром, А.И. Вегелин, Н.А. Загорецкий, братья А.П. и П.П. Беляевы и др. Здесь подолгу бывал и причастный к декабристскому движению родной брат великого поэта Лев Сергеевич Пушкин [11, с. 6–7].

Большинство ссыльных членов антиправительственных обществ проживали в станице Прочноокопской или же непосредственно в крепости. Несомненно, что были и те, кто остановился в солдатской слободке. Достоверно известно, что здесь проживал А.И. Вегелин (1801–1860), прибывший на Кубанскую линию в 1837 г. Естественно, что ссыльные старались использовать любую возможность для общения, ходили друг к другу в гости. Об этом, в частности, свидетельствовал декабрист Александр Петрович Беляев, оказавшийся на Кавказе вместе со своим также опальным братом Петром Петровичем в 1840 г. В его воспоминаниях говорится о том, что, наняв квартиру в станице Прочноокопской, они познакомились с Г.Х. Зассом, в отряде которого должны были отправиться на строительство Махошевского укрепления на реке Лабе. Как писал А.П. Беляев, после визита к генералу «мы пошли к нашему товарищу Вегелину, который на форштадте нанимал небольшую комнату, безукоризненно опрятную, с белейшими полами и сетками в окнах от мух, комаров и мошек. Александр Иванович Вегелин, личность очень занятая собой, любил покой и возможный комфорт; он был всегда серьезен и важен, смотрел на все критическим взглядом, выражался докторально, хотя и нельзя сказать, чтобы толково; любопытно, что все наши товарищи прозвали его диктатором. Он, с другим его товарищем по Литовскому корпусу – Игельстромом, где они оба командовали саперными ротами, кажется, за отказ присягнуть Николаю, были осуждены в работы и присланы к нам, в Читку, и оттуда выпущены раньше нас. Мы застали их на Кавказе: Вегелина – портупей-прапорщиком, а Игельштрама – офицером, командовавшим полуротой сапер» [12, с. 417].

Еще одно интересное свидетельство о связи декабристов с Форштадтом содержится в исследованиях Б.Л. Выродова. При посещении Форштадта им был записан рассказ старожилы слободки П.И. Савелкина, приводимый здесь с небольшими сокращениями: «Дед мой был штрафным солдатом. Претерпел он большую обиду за правду. Строго наказали его. Били даже палками. Когда он вспоминал об этом, голос его дрожал и на глазах показывались слезы. Рассказывал он, что в столице был бунт против царя. Были бунты и в других местах. Бунтовали против царя справедливые командиры: офицеры, полковники, генералы. Среди них были даже важные особы: князья, графы. За своими командирами шли и солдаты. С царем ничего поделать не могли. На его стороне оказалась сила. И крепко наказал он всех... Многие командиры на каторгу в Сибирь были сосланы. А из Сибири потом к нам на Кавказ их гнали воевать

с горцами. Попали эти опальные, разжалованные в солдаты командиры и на Кубань. Вот в нашей станице Прочноокопской и на Форштадте были такие опальные. Не помню только их фамилий. А были они родовитые и хорошие люди. И удивительно то, что жили они не в казармах, а на вольных квартирах. Должно был такой приказ. А еще удивительнее было, что к ним на квартиры приходило в гости само начальство. Сами-то опальные были в солдатских шинелях, а обращение к ним было особое, вежливое со стороны начальства. Даже сам генерал Засс был приветлив с ними. Приглашал их на охоту, когда поздней осенью военные отряды приходили на отдых. У генерала была большая охотничья псарня за Стрижибкиным яром... В Прочноокопской станице было много опальных. У нас на Форштадте поменьше. Да и менялись они часто. А некоторые погибали в боях. В Прочноокопской жил один опальный с женой. Жил в хорошем большом доме. Его очень любили за доброту и отзывчивость. К нему ходили больные. Им он давал лекарства. А то попросту заходил к больным сам и помогал им. Приходил он и к нам на Форштадт. Тут у него были товарищи. Наши форштадтцы знали его, особенно ребятишки. Им он раздавал пятаки и пряники. Гурьбой ходили за ним ребятишки.

Помнится мне еще один опальный, который жил у нас на Форштадте. Помещался он в самой лучшей квартире. Был он строгий на вид и большой аккуратист до чистоты. Сопливых ребят заставлял мыться. Наводил порядок, когда мальчишки затевали драки. Но все его любили, и стар и мал. Приезжал к нему товарищ его, должно однополчанами были раньше. Веселый был такой. На длинной дудке разные песни высвистывал. Девчатам забавно было, танцевали под эту музыку. А музыкант-то опальный все посмеивался и потешал всех...

Помнится, как к нашим опальным приезжали на свидание родичи: их матери и жены. Приезжали они и в Прочноокопскую и на Форштадт. Некоторые приезжали в богатых каретах со слугами, с большими сундуками. Встреча была трогательная: обнимались, целовались, плакали. Приезжие господа душевно относились к населению. Наши бабы и ребятишки крепко любили их. Приходило положенное время, и добрые господа собирались в отъезд, в далекую Россию. Проводы были всегда тяжелые. На них выходило все наше население. Провожали как родных. Бабы ревмя-ревели. Тихо ехали экипажи до самой околицы. Рядом с ними шли опальные. И наши слобожане тоже следовали за ними. Потом еще раз прощались, и лошади тогда вихрем уносили наших дорогих гостей по Ставропольской дороге» [10, л. 58–60].

В этих воспоминаниях Б.Л. Выродов не без оснований видел конкретных исторических персонажей. В человеке, который жил с женой в Прочноокопской и давал больным лекарства, легко угадывается фигура М.М. Нарышкина. Снимавший в слободке квартиру «аккуратист до чистоты» – это, вероятно, А.И. Вегелин. Приходил же к нему в гости и развлекал местных девушек игрой на «длинной дудке» К.Г. Игельстром. Будучи двоюродными братьями, до восстания на Сенатской площади они оба служили ротными командирами в Литовском пионерном батальоне. На Кавказе они поддерживали тесные отношения. Хорошо

известно, что К.Г. Игельстром слыл большим шутником и в компании своих товарищей декабристов играл на флейте [12, с. 225, 425].

Помимо декабристов с этими местами связано еще одно замечательное имя. 17 ноября 1858 г. в Форштадте семье капитана крепостного гарнизона родился Виктор Федорович Машков, прославившийся в качестве одного из пионеров в исследовании Эфиопии, этнографа и дипломата [13, с. 3]. О его ранней биографии почти ничего не известно. Свое детство будущий ученый и путешественник провел в солдатской слободке. Любимыми местами его игр с друзьями служили Стрижибкина гора, скалы и яры Ставропольской возвышенности, валы крепости и, конечно же, берег Кубани. По данным Б.Л. Выродова, мать В.Ф. Машкова смогла определить его на казенный счет в Ставропольскую мужскую гимназию [10, л. 139]. Впоследствии он окончил Павловское военное училище, служил подпоручиком в 155 Кубинском пехотном полку, который дислоцировался в Карской области.

В 1889 г. при поддержке военного министерства В.Ф. Машков совершил первую экспедицию в восточную Африку. После долгого, трудного и полного приключений путешествия в столице Эфиопии Энтото он удостоился аудиенции негуса-негести («царь царей», император) Менелика II. Как отмечал в своем исследовании А.В. Хренков: «Машков появился в Энтото с самым скромным конвоем и без богатых даров. Не получив безнадежно запаздывавшей помощи из России, он истратил в дороге почти все средства... На первый взгляд, он смахивал на авантюриста или заурядного охотника за слоновой костью. Однако при дворе русского офицера приняли милостиво и даже с известными почестями. Так, ему разрешили сидеть на стуле в присутствии негуса, что ранее дозволялось лишь послу Италии графу Антонелли. В течение месяца, который Машков провел в Энтото, он несколько раз встречался с негусом. Менелик II с интересом расспрашивал его о России, царской семье, русской армии и многом другим, с каждым разом все более проникаясь симпатией к офицеру, который держался перед ним просто и скромно, не заискивал и ничего не просил. В середине сентября Машков отправился в обратный путь, увозя с собой дружеское письмо Менелика II Александру III, а также посланное в дар царю парадное эфиопское оружие и убранство» [14, с. 126–127]. По возвращении в Россию В.Ф. Машков был награжден орденом Владимира IV степени и избран в члены Русского географического общества. Газета «Новое время» напечатала цикл его очерков о путешествии. Экспедиция 1889 г. стала первой по-настоящему успешной дипломатической русской миссией в Абиссинии, как тогда часто называли Эфиопию.

Второе путешествие В.Ф. Машкова, проходившее по тому же самому маршруту, состоялось в 1891–1892 гг. Во дворце правителя Эфиопии российскому посланнику были оказаны большие почести. Принимая письмо русского царя, Менелик II встал с трона. Были поднесены подарки императору и его вельможам, особый восторг вызвали искусно изукрашенные ружья. В состоявшихся затем переговорах российский посланник старался донести до негуса

и влиятельных чиновников достоверные сведения о России. От Менелика II и раса (князя) Маконнена В.Ф. Машков доставил в Петербург подарки и письма Александру III и наследнику русского престола, будущему царю Николаю II. Путешественник также привез в Россию собранную им коллекцию этнографических предметов народов Северо-Восточной Африки. В докладной записке Министерства иностранных дел его миссия получила такую оценку: «Машков исполнил возложенное на него поручение с совершенным успехом, не причинив притом никаких политических затруднений Императорскому Правительству. Он, таким образом, завязал впервые сношения России с Абиссинией, где был принят, по-видимому, с большим почетом» [14, с. 133, 136].

Впоследствии В.Ф. Машков занимал целый ряд дипломатических должностей: 1894–1898 гг. секретарь российского консульства в Багдаде; в 1899–1903 гг. российский консул в Скопье; 1903–1908 гг. – генеральный консул в Багдаде. К 1914 г. он проживал в Турции, где работал журналистом [15]. Несмотря на обширную географию своей служебной деятельности, В.Ф. Машков не забывал о малой родине. В 1900-е гг. он дважды приезжал на Кубань, навестить мать и брата с сестрой. Заслуженного земляка тепло встречала вся форштадтская слободка [10, л. 145].

После Октябрьской революции В.Ф. Машков оказался в эмиграции. Проживал в Сербии. Скончался он 3 ноября 1932 года в Белграде, где и до сих пор находится его могила [16].

Завершение в 1864 г. Кавказской войны и наступление мирных условий жизни не сильно изменили состав и характер хозяйственной деятельности обитателей Форштадта. Вплоть до начала XX в. население слободки состояло из отставных солдат и их семей [17]. Основным занятием жителей являлось хлебопашество. Практически при каждой усадьбе имелся свой сад из плодовых деревьев. Многие разводили домашнюю птицу. Огородничество, по причине недостатка воды, было развито слабо. Серьезным препятствием для развития скотоводства являлось отсутствие у слободки собственного выгона достаточного размера.

Вместе с тем общий прогресс в развитии региона в пореформенный период затронул и жизнь форштадтцев. Тут появляются первые торговые и даже небольшие промышленные предприятия. По данным за 1882 г. в Прочноокопской слободке располагались казенный продовольственный магазин, бакалейная лавка, питейное заведение, кузница и кирпичный завод. Также имелся молитвенный дом. В Форштадте насчитывалось 96 дворов и 97 домов, в которых проживали 488 мужчин и 263 женщины, а всего – 751 человек [18, № 5946]. Столь ярко выраженная диспропорция в соотношении полов связана, как минимум, с двумя факторами. С одной стороны, она свидетельствует о сохранявшемся значительном количестве отставных солдат, которые не смогли обзавестись семьей, а с другой – о присутствии в слободке иногородних крестьян, приехавших на Кубань на заработки, чтобы материально поддержать оставшихся в российских селах жен и детей.

Форштадт был расположен на юрте станицы Прочноокопской и находился у нее в административном подчинении. Однако в отношении землепользования слободка, включая территорию бывшей крепости, была обособлена. На основании межевания, произведенного 10 июня 1886 г., форштадтский надел официально входил в число войсковых запасных земель Кубанского казачьего войска. Общая площадь земельного участка слободки равнялась 635 дес. 485 кв. саж., из которого на годную к хлебопашеству и к сенокосению степь приходилось 500 дес. Неудобья составляли 135 дес. 485 кв. саж., в том числе: под поселением находилось 22 дес. 1 200 кв. саж.; под лесом – 7 дес. 1 330 кв. саж. и под каменистым грунтом – 114 дес. 1 270 кв. саж. [19].

Помимо недостатка воды жители слободки очень страдали от малоземелья. Так, в 1882 г., на один форштадтский двор (домохозяйство) в среднем приходилось 5,2 дес., а на одного человека – всего 0,66 дес. При этом надел соседней Прочноокопской станицы, где проживало 4 564 чел. и насчитывалось 547 дворов, в том же году составлял 44 566 дес. Таким образом, на домохозяйство там в среднем приходилось 81,47 дес., а на каждого жителя – 9,76 дес. [18, № 5946, 5947].

Несмотря на общие страницы прошлого, связанные с тревожной пограничной жизнью и участием в событиях Кавказской войны, отношения между станичниками и обитателями слободки в дореволюционный период оставались сложными. Помимо очевидного социального конфликта казаков и лиц невоинского сословия, немалую роль здесь играл и религиозный фактор. Отставные солдаты и их дети придерживались официального православия, прочноокопцы же в своем подавляющем большинстве являлись адептами Белокриницкого согласия и других течений старообрядчества [20, с. 106–107; 21].

Нетерпимость станичников, особенно авторитетных и влиятельных стариков, в вопросах веры проявлялась в самых неожиданных плоскостях. Как уже отмечалось, жители расположенного на Ставропольской возвышенности Форштадта очень страдали от недостатка воды. Кубань протекала далеко внизу, в ближайшей степной округе не имелось ни ручьев, ни родников. Колодезная вода находилась на большой глубине и была плохого качества. По словам Б.Л. Выродова, в конце 1880-х гг. один из инженеров предложил устроить в слободке водокачку, чтобы поднять воду из реки, а затем пустить ее самотеком в Прочноокопскую, чему способствовал уклон рельефа. Однако у немногочисленных жителей Форштадта не было средств для реализации этого проекта. Казаки же участвовать в строительстве водопровода категорически отказались, говоря: «Не нужна нам форштадтская вода. Наша горка будет ниже форштадтской. Наши бабы ходили и будут ходить на Кубань. А вот пусть походят форштадтцы». Даже уговоры станичного атамана не могли сломить упрямства прочноокопских стариков [10, л. 149–150].

Б.Л. Выродов, неоднократно бывавший в начале XX в. в станице и слободке и непосредственно общавшийся с местными жителями, вспоминал: «В Прочноокопе была очень большая старообрядческая община, характерная

своей косностью и предрассудками. Старообрядцы, например, не давали напиться из своей посуды инаковерующим. Считали это грехом. И сами никогда не просили воды от тех, кто не разделял с ними одной веры. После грустной истории с водопроводом форштадтцы говорили иногда в шутку: – Побоялись, видно, прочноокопские старообрядцы, что нашу воду будут пить» [10, л. 151]. Любопытно, что в хуторе водопровода нет до сих пор. Жители пользуются привозной водой и стараются собирать дождевую влагу.

В начале XX в. в слободке уже действовала своя церковно-приходская школа. В 1903 г. для нее было возведено капитальное кирпичное здание, которое и сегодня используется по своему назначению (ныне МОБУНОШ № 42 по ул. Свободы № 19). С конца 1904 г. в слободке образовался подпольный революционный кружок, куда входило около 12 человек, собиравшихся у школьного учителя М.В. Кононихина. Антиправительственные листовки и брошюры привозились из Армавира. Ктитор молитвенного дома В.В. Чернышов прятал их в окладах икон. Нелегальными изданиями снабжались жители ближайших станиц и хуторов, а также нижние чины Кавказского запасного кавалерийского дивизиона [10, л. 156–158], один из эскадронов которого был расквартирован в бывшей крепости. В ночь на 16 декабря 1905 г. вооруженные драгуны спустились из Форштадта в Армавир, где присоединились к выступлению своих товарищей из дивизиона, предъявивших своему начальству ряд экономических и политических требований. Добившись некоторых уступок об улучшении условий службы, 18 декабря кавалеристы прекратили забастовку и вернулись в казармы [22, л. 57 об.; 23, с. 32–33].

Важным событием в жизни форштадтцев стало строительство вместо обветшавшего молитвенного дома новой православной кирпичной церкви во имя святого Николая Чудотворца, завершившееся незадолго до начала революционных потрясений. 22 мая 1917 г. на куполах храма были установлены кресты [24]. Однако на обзаведение необходимой религиозной утварью и покупку колоколов средств у прихожан уже не осталось. Как сообщалось в армавирской газете «Отклики Кавказа», к этому моменту в слободке насчитывалось 120 дворов и проживало около 500 чел. Также указывалось, что все они «без исключения» занимаются хлебопашеством, причем многие мужчины оказались мобилизованы, поскольку шла Первая мировая война, а их жены и дети не могут заменить их на работах в поле [24; 25].

Когда была освящена и как выглядела уничтоженная в советский период форштадтская Николаевская церковь, остается неизвестным.

После революции 1917 г. Прочноокопская станица, Форштадтская слободка и город Армавир оказались в самом центре драматических событий гражданской войны. Здесь многократно менялась власть, что обычно сопровождалось кровопролитными боями. Новая советская власть в населенных пунктах Средней Кубани была окончательно установлена в марте 1920 г.

Одним из последствий Первой мировой войны и гражданского противостояния 1918–1920 гг. стало сокращение мужского населения Форштадта.

По итогам переписи 1926 г. в слободе было зафиксировано 164 домохозяйства, где проживало 715 чел., в том числе 342 мужчины и 372 женщины. Любопытно, что в опубликованных результатах этого учета в общем контингенте населения слободки отдельно были указаны 546 великороссов, 151 украинец и 73 казака. По данным переписи в составе Форштадтского сельского совета также находился поселок Старая Станица, где проживало 628 чел. Кстати, именно в сборнике итогов переписи населения 1926 г. впервые официально используется такая его форма наименования, как собственно Фортштадт [26, паг. 1, с. 6].

В настоящее время (2023 г.) в хуторе Фортштадт проживает 462 чел.

На юго-восточной окраине хутора, у валов бывшей крепости Прочный Окоп, до наших дней сохранилось старинное кладбище. Изначально оно служило местом погребений военнослужащих гарнизона укрепления, а также жителей солдатской слободки.

Несомненно, что первые захоронения здесь появились практически одновременно с основанием в 1784 г. крепости Прочный Окоп. Солдаты и офицеры этого российского укрепления гибли в стычках с закубанскими горцами, умирали от свирепствовавших тогда чумы, холеры и других болезней, травм и несчастных случаев. Естественно, что могилы не могли располагаться возле казарм, и поэтому место для погребений было отведено в степи, в двухстах метрах к северу от крепостных валов. Впоследствии новым существенным фактором роста кладбища становится высокая младенческая смертность населения форштадтской слободки. На Кубанской кордонной линии подобные объекты располагались возле каждой крепости, однако именно это кладбище остается непрерывно действующим уже 240 лет. Таким образом, с большой вероятностью можно сделать вывод, что оно является старейшим русским православным некрополем в восточной зоне Краснодарского края.

Первоначально покойников перед погребением отпевали полковые священники. Как уже упоминалось, в 1828 г. в солдатской слободке был построен молитвенный дом Святого Николая Чудотворца, и религиозные обряды над умершими стали совершаться в его стенах. Подавляющее большинство тех, кто обрел последний приют на форштадтском кладбище, составляли русские православные люди. Вместе с тем здесь, несомненно, хоронили и приверженцев других конфессий. В гарнизоне Прочного Окопа было немало поляков-католиков, а среди местного офицерства важное место занимали немцы-лютеране. Поэтому неудивительно, что на каменных надмогильных плитах, помимо православных, встречаются и изображения четырехконечных латинских крестов. Линейные казаки, которые наравне с солдатами несли в крепости кордонную службу, чаще всего держались «старой веры», но их обычно хоронили в родных станицах.

На форштадтском некрополе над могилами преимущественно устанавливались деревянные кресты. Многие погребения обозначались просто земляными холмиками. К настоящему времени от них не осталось следов.

Возможно, прежде тут имелось и некоторое количество железных крестов, но, ввиду ценности металла, впоследствии они были похищены. К сохранившимся артефактам дореволюционного периода относятся вырезанные из местного ракушечника надгробные плиты и кресты. На кладбище также можно увидеть врытый в землю ребристый молотильный камень, который служит опорой лавочки.

По словам сотрудника Армавирского краеведческого музея А.П. Лопатина, который с 2013 г. вместе с казаками Армавирского городского и Старостаничного хуторского казачьего общества занялся изучением форштадтского кладбища, здесь были обнаружены 45 каменных надмогильных плит и 8 крестов. На некоторых плитах по сторонам от креста изображены орудия страстей Господних: копье Лонгина и палка (трость) с губкой, пропитанной уксусом [27, с. 162–163].

В единичных случаях на камнях можно прочесть имена погребенных, или же плохо различимые фрагменты отдельных слов: «Иван Щевелев скончался 23 июля 1847 г.» (это самый старый памятник с точной датировкой); «покойтесь прах раба Божьего Горгония»; «здесь покоится [...] сына Горбаноса Александра рожден 17 августа 1879 г. умер 28 февраля 1889 г.»; «покойтесь прах Лавра Збукарев [...]» [28, с. 166–171; 29].

Несомненно, что кроме рядовых, а также отставных солдат и членов их семей, на форштадтском кладбище хоронили и более высокопоставленных офицеров. Пока достоверно известно только об одном таком случае. 20 ноября 1845 г. в крепости Прочный Окоп от апоплексического удара в возрасте 39 лет скончался начальник Правого фланга Кавказской линии полковник Константин Борисович Рихтер. Через три дня покойный со всеми подобающими почестями был предан земле на слободском кладбище [30]. Его могила представляла обложенный кирпичом склеп внутри небольшого холма, который располагался на отшибе, в сотне метров к востоку от форштадтского некрополя. В 1912 г. захоронение этого видного деятеля периода Кавказской войны было разорено. Как сообщалось в «Кубанских областных ведомостях», «в ночь под 7 марта... в слободке Прочноокопской, разрыта неизвестно кем могила полковника Рихтера, находящаяся от слободского кладбища в пятидесяти сажнях. Могила-склеп, обложенная кирпичом, разрыта, на верху могилы имеется много поломанного кирпича, выброшенного из могилы и тесаного камня, которым, по-видимому, могила была покрыта сверху. Костей в могиле не оказалось, а найдено на верху могилы обломки дерева и два гвоздя, как можно полагать от гроба, потому что на одном кусочке дерева имеется маленький кусочек материи» [31].

По словам сотрудника Армавирского краеведческого музея А.П. Лопатина, в 1970-е гг. местный археолог Н.И. Навротский исследовал еще сохранявшееся помещение отдельно стоявшего от кладбища старого склепа. В нем он обнаружил два эполета из зеленого сукна с вышитым числом «19», и предположил, что они принадлежали подпоручику 19-й роты [32]. Нам представляется, что речь здесь идет все-таки об усыпальнице полковника Рихтера.

В августе 2023 г. один из авторов настоящей работы осмотрел место, где располагался упомянутый склеп. Это покрытый зарослями терновника и акации небольшой курган, на котором лежит вытесанная из ракушечника массивная прямоугольная плита без эпитафии, но с заглубленной по всему периметру каймой. По центру, ближе к торцу надгробия, имеется круглое отверстие, вероятно, служившее для закрепления вертикального креста. Рядом на земле разбросаны десятки плоских большемерных кирпичей. Поверхность холма изрыта ямами, заполненными мусором, однако, где изначально располагался вход в склеп, визуально определить уже невозможно.

К сожалению, современные захоронения на кладбище хутора Фортштадт часто совершаются на месте старых могил. При этом сдвигаются, вывозятся или вовсе уничтожаются уцелевшие каменные плиты XIX века. На множестве новых надгробных стел можно видеть армянские имена, что является зримым отражением современных процессов трансформации этнического состава местного населения.

Перипетии судьбы Форштадта и его обитателей в XX веке и в новейший период еще ждут своего исследователя. Однако и то, что уже известно о прошлом последней на Северном Кавказе крепостной слободки, свидетельствует о ее значительном месте в историко-культурном пространстве восточной Кубани.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / составлено под редакцией А. Н. Чудинова. – СПб. : В.И. Губинский, 1894. – 989 с. – Текст : непосредственный.
2. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год : в 3 частях. Часть 2 / П. Г. Бутков. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1869. – 602 с. – Текст : непосредственный.
3. Фелицын, Е. Д. Военно-историческая карта Северо-западного Кавказа с обозначением местонахождения не существующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны / Е. Д. Фелицын. – Тифлис : [б. и.], 1899. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 774. – Оп. 1. – Д. 538. – Текст : непосредственный.
5. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.) : справочник / составитель В. В. Белоконь. – Ставрополь : Бюро новостей, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. Фелицын, Е. Д. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка / Е. Д. Фелицын. – Текст : непосредственный // Кубанский сборник. – Том 4. – Екатеринодар : Типография Кубанского областного правления, 1898. – Паг. 2. – С. 1–62.
7. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 252. – Оп. 2. – Д. 1760. – Текст : непосредственный.
8. Виноградов, В. Б. Из истории Старой Станицы – Прочноокопской : краеведческие очерки / В. Б. Виноградов. – Армавир : [б. и.], 1994. – 20 с. – Текст : непосредственный.

9. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835, 36, 37 и 38 года : в 2 частях / Ф. Ф. Торнау. – М. : В университетской типографии (Катков и К_о), 1864. – Текст : непосредственный.
10. Выродов, Б. Л. Исторические места города Армавира и его окрестностей. 1960 г. : рукопись / Б. Л. Выродов. – Текст : непосредственный // Архивный отдел администрации г. Армавира. – Ф. Р-1271. – Оп. 1. – Д. 148.
11. Серова, М. И. Декабристы на Средней Кубани и в Армавире / М. И. Серова. – Текст : непосредственный // Практические опыты исторического регионоведения. – Выпуск 26. – Армавир, 2000. – 20 с.
12. Беляев, А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном: 1805–1850 / А. П. Беляев. – СПб. : А.С. Суворин, 1882. – 507 с. – Текст : непосредственный.
13. Виноградов, В. Б. Кубанец В.Ф. Машков – исследователь Эфиопии / В. Б. Виноградов, С. А. Колосова. – Армавир : Армавирское полиграфпредприятие, 1998. – 12 с. – Текст : непосредственный.
14. Хренков, А. В. Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) / А. В. Хренков. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1999. – № 2. – С. 123–137.
15. Машков Виктор Федорович. – URL: https://russianserbia.com/show_person?id=154 (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.
16. Антанасиевич, И. Русский консул в Македонии Виктор Машков: человек, открывший России абиссинские врата / И. Антанасиевич. – URL: <https://balkanist.ru/russkij-konsul-v-makedonii-viktor-mashkov-chelovek-otkryvshij-rossii-abissinskije-vrata/> (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.
17. Кубанские областные ведомости. – 1897. – № 23. – Текст : непосредственный.
18. Фелицын, Е. Д. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года / Е. Д. Фелицын. – Текст : непосредственный // Сборник сведений о Кавказе : в 8 томах. Том 8. – Тифлис, 1885.
19. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1354. – Оп. 207. – Д. П-15 «красное». – Текст : непосредственный.
20. Попов, К. Дневник ставропольского противораскольнического епархиального миссионера (окончание) / К. Попов. – Текст : непосредственный // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1891. – № 4. – С. 103–111.
21. Северный Кавказ. – Ставрополь. – 1892. – № 37. – Текст : непосредственный.
22. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – Оп. 233. – Д. 1350. – Ч. 32. – Текст : непосредственный.
23. Трехбратов, Б. А. Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. / Б. А. Трехбратов. – Краснодар : Книжное издательство, 1989. – 126 с. – Текст : непосредственный.
24. Отклики Кавказа. – 1917. – № 111. – Текст : непосредственный.
25. Отклики Кавказа. – 1917. – № 112. – Текст : непосредственный.
26. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. – Ростов н/Д. : Гостипография имени Коминтерна Севкавполиграфтреста, 1929. – 468 с. – Текст : непосредственный.
27. Лопатин, А. П. Старообрядческие надмогильные памятники Средней Кубани / А. П. Лопатин, О. А. Лопатина. – Текст : непосредственный // Музей: прошлое, настоящее и будущее : материалы межрегиональной научно-практической конференции (Фелицынские чтения – XXI). – Краснодар : Вика-Принт, 2019. – С. 162–163.

28. Работы по выявлению и сохранению памятников монументальной скульптуры Средней Кубани / А. П. Лопатин, Т. Е. Лопатина, О. А. Лопатина, Н. А. Лопатина. – Текст : непосредственный // Историко-археологический альманах. – Выпуск 16. – Армавир ; Краснодар ; М. : ИП Н.Н. Вольная, 2022. – С. 166–171.

29. Лопатин, А. П. Символ на камне. Заговорили древние кресты / А. П. Лопатин. – URL: https://vk.com/wall-16871774_1495 (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.

30. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 278. – Оп. 5. – Д. 311. – Текст : непосредственный.

31. Кубанские областные ведомости. – 1912. – № 64. – Текст : непосредственный.

32. Годлевская, С. Почему историки считают кладбище Форштадта историческим достоянием / С. Годлевская. – URL: <https://news-armavir.ru/2022/04/27/pochemu-istoriki-schitayut-kladbische-forshtadta-istoricheskim-dostoyaniem/> (дата обращения: 21.01.2024). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka* [Russian Dictionary of foreign words]. Comp. edited by A. N. Chudinova. SPb., V.I. Gubinsky, 1894. 989 p. (In Russian).

2. Butkov P. G. *Materialy dlya novoj istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803], in 3 parts, part 2. SPb., Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1869. 602 p. (In Russian).

3. Felicyн E. D. *Voенно-istoricheskaya karta Severo-zapadnogo Kavkaza s oboznacheniem mestonahozhdeniya ne sushchestvuyushchih nyne krepostej, ukreplenij, postov i glavnejshih kordonnyh linij, ustroennyh russkimi vojskami s 1774 goda do okonchaniya Kavkazskoj vojny* [A military historical map of the North-Western Caucasus with the designation of the location of now-defunct fortresses, fortifications, posts and the main cordon lines, arranged by Russian troops from 1774 to the end of the Caucasian War]. Tiflis, 1899. (In Russian).

4. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory]. F. 774. Op. 1. D. 538. (In Russian).

5. *Hramy i monastyri Stavropol'skoj eparhii (1843–1920 gg.)* [Temples and monasteries of the Stavropol Diocese (1843–1920)]. Comp. V. V. Belokon. Stavropol, News Bureau, 2012. 448 p. (In Russian).

6. Felicyн E. D. Escape from the Kuban of three Don regiments in 1792, a riot on the Don and the settlement of villages that became part of the Kuban cavalry regiment. *Kubanskij sbornik = Kuban collection*, vol. 4. Ekaterinodar, Printing house of the Kuban regional government, 1898, pag. 2, pp. 1–62. (In Russian).

7. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory]. F. 252. Op. 2. D. 1760. (In Russian).

8. Vinogradov V. B. *Iz istorii Staroj Stanicy – Prochnokopskoj* [From the history of the Old Stanitsa – Prochnokopskaya]. Armavir, 1994. 20 p. (In Russian).

9. Tornau F. F. *Vospominaniya kavkazskogo oficera. 1835, 36, 37 i 38 goda* [Memoirs of a Caucasian officer. 1835, 36, 37 and 38 years]. M., Katkov and Co, 1864. (In Russian).

10. Vyrodov B. L. *Istoricheskie mesta goroda Armavira i ego okrestnostej. 1960 g.* [Historical sites of the city of Armavir and its surroundings. 1960]. Archive department of the Armavir city administration, F. R-1271, Op. 1, D. 148. (In Russian).

11. Serova M. I. Decembrists in the Middle Kuban and in Armavir. *Prakticheskie opyty istoricheskogo regionovedeniya = Practical experiences in historical regional studies*, vol. 26. Armavir, 2000. 20 p. (In Russian).
12. Belyaev A. P. *Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom: 1805–1850* [Memoirs of a Decembrist about what he experienced and felt: 1805–1850]. SPb., A.S. Suvorin, 1882. 507 p. (In Russian).
13. Vinogradov V. B., Kolosova S. A. *Kubanec V.F. Mashkov – issledovatel' Efiopii* [Kubanets V.F. Mashkov – researcher of Ethiopia]. Armavir, Armavir Printing Enterprise, 1998. 12 p. (In Russian).
14. Hrenkov A. V. Mashkov in Ethiopia (between a feat and an adventure). *Voprosy istorii = Questions of history*, 1999, no. 2, pp. 123–137. (In Russian).
15. *Mashkov Viktor Fedorovich* [Mashkov Viktor Fedorovich]. URL: https://russianserbia.com/show_person?id=154. (In Russian).
16. Antanasievich I. *Russkij konsul v Makedonii Viktor Mashkov: chelovek, otkryvshij Rossii abissinskie vrata* [Russian Consul in Macedonia Viktor Mashkov: the man who opened the Abyssinian Gate to Russia]. URL: <https://balkanist.ru/russkij-konsul-v-makedonii-viktor-mashkov-chelovek-otkryvshij-rossii-abissinskie-vrata/>. (In Russian).
17. *Kubanskie oblastnye vedomosti* [Kuban regional gazette], 1897, no. 23. (In Russian).
18. Felicyn E. D. Kuban region. Lists of populated places according to information from 1882. *Sbornik svedenij o Kavkaze = Collection of information about the Caucasus*. Tiflis, 1885. (In Russian).
19. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 1354, Op. 207, D. P-15 "red". (In Russian).
20. Popov K. Diary of the Stavropol anti-schismatic Diocesan missionary (ending). *Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti = Stavropol Diocesan Gazette*, 1891, no. 4, pp. 103–111. (In Russian).
21. *Severnyj Kavkaz* [The North Caucasus], 1892, no. 37. (In Russian).
22. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. 102, Op. 233, D. 1350, Ch. 32. (In Russian).
23. Trekhbratov B. A. *Pervye shagi... Vystupleniya armejskih i kazach'ih chastej na Severnom Kavkaze v period revolyucii 1905–1907 gg.* [The first steps... Performances of army and Cossack units in the North Caucasus during the revolution of 1905–1907]. Krasnodar, Book publishing house, 1989. 126 p. (In Russian).
24. *Otkliki Kavkaza* [Responses from the Caucasus], 1917, no. 111. (In Russian).
25. *Otkliki Kavkaza* [Responses from the Caucasus], 1917, no. 112. (In Russian).
26. *Poselennye itogi perepisi 1926 g. po Severo-Kavkazskomu krayu* [Settlement results of the 1926 census in the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, Host printing house named after the Comintern Sevkavpoligraftrest, 1929. 468 p. (In Russian).
27. Lopatin A. P., Lopatina O. A. Old Believers tombstone monuments of the Middle Kuban. *Muzej: proshloe, nastoyashchee i budushchee = Museum: past, present and future*. Krasnodar, Vika-Print, 2019, pp. 162–163. (In Russian).
28. Lopatin A. P., Lopatina T. E., Lopatina O. A., Lopatina N. A. Work on the identification and preservation of monuments of monumental sculpture of the Central Kuban. *Istoriko-arheologicheskij al'manah = Historical and Archaeological Almanac*, 2022, vol. 16, pp. 166–171. (In Russian).
29. Lopatin A. P. *Simvol na kamne. Zagovorili drevnie kresty* [The symbol on the stone. The ancient crosses have spoken]. URL: https://vk.com/wall-16871774_1495. (In Russian).

30. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 278, Op. 5, D. 311. (In Russian).
31. *Kubanskie oblastnye vedomosti* [Kuban regional gazette], 1912, no. 64. (In Russian).
32. Godlevskaya S. *Pochemu istoriki schitayut kladbishche Forshtadta istoricheskim dostoyaniem* [Why do historians consider the Forstadt cemetery to be a historical treasure]. URL: <https://news-armavir.ru/2022/04/27/pochemu-istoriki-schitayut-kladbische-forshtadta-istoricheskim-dostoyaniem/>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Вехи истории последней крепостной слободки Северного Кавказа / С. Н. Ктиторов, А. Л. Пелих, И. В. Грицких, О. Г. Карапкина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 89–104.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ktitorov S. N., Pelikh A. L., Gritskikh I. V., Karapkova O. G. Milestones in the History of the Last Serf Settlement of the North Caucasus / S. N. Ktitorov, A. L. Pelikh, I. V. Gritskikh, O. G. Karapkova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 89–104. (In Russian).

УДК 930+393.05

**ТИПОЛОГИЯ НАМОГИЛЬНЫХ КРЕСТОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.
НА КЛАДБИЩАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

К.Б. Лопин

**TYOLOGY OF GRAVE CROSSES
OF THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY –
THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY
IN THE CEMETERIES OF THE KRASNODAR TERRITORY**

K.B. Lopin

Аннотация. Наиболее распространенным видом памятника на кладбищах Краснодарского края является крест. Он имеет несколько разновидностей, основанных на различии форм, размеров, элементов конструкций, декора, материалов и способах изготовления. Это разнообразие основывается на вариативности указанных признаков, на культурных, социальных отличиях групп населения, на имущественном положении близких погребенного и степени их отношения к тому или иному религиозному учению, на социально-экономическом состоянии социума в тот или иной период времени. Вариативность элементов обосновало создание типологии, основанной на методе выделения конструктивных и декоративных признаков. В основу построения типологизации лег системный и конструктивно-морфологический подходы, предполагающие рассмотрение материальных составляющих креста как элементов могильного пространства и исследование форм, признаков конструкций, их взаимное расположение. Приведена терминология, используемая автором при описании крестов. Затронуты вопросы материала их изготовления, технологии сборки, размеров и украшающих элементов. Была предложена типологическая матрица, основанная на выделении основных конструктивных признаков, позволяющая вычленять типы крестов на основе суммирования признаков с выстраиванием описательного ряда.

Abstract. The most common type of monument in the cemeteries of the Krasnodar region is a cross. It has several varieties, based on the difference in shape, size, design elements, decoration, materials and methods of manufacture. This diversity is based on the variability of these features, on cultural, social differences of population groups, on the property status of the relatives of the buried and the degree of their attitude to this or that religious doctrine, on the socio-economic state of society in this or that period of time. The variability of elements justified the creation of a typology based on the method of selecting structural and decorative features. The basis for the construction of typologization was systematic and constructive-morphological approaches, assuming the consideration of the material components of the cross as elements of the grave space and the study of forms, signs of structures, their mutual arrangement. The terminology used by the author in describing crosses is given. The questions of their manufacturing material, assembly technology, dimensions and decorating elements are touched upon. A typological matrix was proposed, based on the allocation of the main constructive features, allowing to identify the types of crosses on the basis of summarizing the features with the construction of a descriptive series.

Ключевые слова: крест, намогильный крест, типология крестов, памятник, кладбище, ставрография, Краснодарский край.

Keywords: cross, grave cross, typology of crosses, monument, cemetery, stavrography, Krasnodar region.

Выбор креста как основного вида вертикального памятника обусловлен исторически в связи с долгим фактическим статусом православия как государственной религии, широким внедрением христианской обрядности в народную повседневность, что отразилось в культуре смерти российского населения. В ряде вариаций русской народной культуры намогильный крест помимо христианских начал вобрал в себя идею загробного мира, имеющую дохристианские черты, тесно переплетенные с христианской погребально-поминальной обрядовостью. Отражение этой идеи, к примеру, усматривается при наличии в конструкции крестов элементов с чертами домовины – загробного жилища усопшего в виде модели дома, выражающихся, например, в наличии в верхнем уровне креста двускатной крыши [10, с. 211].

Крест стал маркером, отмечающий христианское погребение, или могилу лица, принадлежащего к христианскому культурному полю. В своей семантической составляющей он указывает на переход в загробный мир при наличии идеи последующего воскресения. Одной из его функций является выполнение роли заупокойного храма. Он стал маркирующей погребение конструктивной моделью на основе христианского символа веры, с погребально-поминальными функциями, сочетающей элементы христианского учения и храмовости с синтезом народных представлений о загробном мире при учете бытующих в обществе модных на определенный временной отрезок архитектурных форм, материалов и технологий. Крест, по крайней мере с начала XX в., устанавливается и над погребениями людей атеистических или нехристианских взглядов. Это свидетельствует о наличии в обществе традиции использования креста как гражданского памятника, не обязательно маркирующего погребение христианина, но индивида, жившего в культурном поле социума с сильным влиянием христианства. Зачастую он используется как временный памятник при похоронах до момента установки более долговечного намогильного сооружения, выполняя традиционную функцию маркировки могилы без обязательного указания на религиозную принадлежность умершего. В таких случаях установки в рамках традиции, а не фактора религиозности, его форма и сакрализованные атрибуты играют уже незначительную роль для устанавливающих его лиц. Он упрощается, стилизуется под более развитые и доступные в регионе формы креста. Немногочисленные, редкие для определенной местности его разновидности постепенно исчезают из кладбищенского пространства.

А.Б. Пермиловская отмечала: «...кресты являются уникальным источником по многообразию возможных, в их изучении, аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники крестьянской письменности, архитектуры, культуры...» [9, с. 242]. Подметим, что они как один из видов памятников

и воплощения народной скульптуры могут дать информацию в целом по народной культуре. Это особо актуально для Краснодарского края, население которого представляет собой конгломерат современных переселенцев и потомков переселенцев, прибывавших на Кубань в разное время, относящихся к разным российским социальным группам и народам из многочисленных российских регионов и зарубежья. Процесс формирования разноликого кубанского населения протекает на протяжении более чем двух столетий. Переселенцы и потомки ранее переселившихся на Кубань являются носителями своих местных вариаций погребально-поминальной культуры, различия между которыми отразились в относительной поликультурности кубанских кладбищ, на которых в качестве надгробных крестов можно встретить рядом голбец, западнорусские и восточнорусские формы разноконечных надгробных крестов, закавказские и иные формы креста с различиями в декоре, не говоря уже о многообразии других видов надгробных сооружений. Смешение выходцев из разных регионов породило процесс формирования унифицирующей формы надгробных сооружений под влиянием проводимой государством политики с учетом социально-экономического, политического и культурного развития региона.

Проследить развитие форм крестов на Кубани в конце XVIII – конце XIX вв. сложно из-за малочисленности сохранившихся. В этот период большинство крестов были деревянными и до наших дней не дошли – они не обнаружены при визуальном обследовании кладбищ и в ходе археологических раскопок на территориях старых кладбищ. Сохранившиеся кресты этого периода выполнены из металла, камня и бетона.

Кладбищенское пространство Кубани с конца XIX в. до начала 3-го десятилетия XXI в. представляет собой единую культурную систему с отличиями в хронологическом аспекте. Основные формы крестов в этот период практически не изменялись, за исключением элементов декора. Малораспространенные формы со временем могли переставать применяться. Большинство крестов до начала XX в. были деревянными, за исключением элитарных, выполненных из различных пород камня, бетона и металла. С 1930-х гг. деревянные стали вытесняться металлическими, в целом повторявшими формы и декор деревянных. С этого времени деревянные стали использоваться в основном в качестве временных памятников, с 1960-х гг. уступив доминирующее место иным видам памятников (обелискам, стелам).

Как показало распределение крестов по кубанским территориям с той или иной доминирующей частью населения, имевших корни в различных частях России, среди выходцев из малороссийских губерний преобладали 4- и 6-конечные кресты. Выходцы из центрально-русских губерний использовали в основном 6-конечные кресты и в меньшей степени 8-конечные. Выходцы с северных регионов использовали в основном 8-конечные кресты и голбцы. Наземная часть 4-конечных деревянных крестов в основном была

аршинная (порядка 70 см), 6-конечных 1–1,5 м, данных о высоте 8-конечных нет. Такое разделение стерлось в 1960–1970-е гг. с уходом поколения переселенцев на Кубань, рожденных в разных российских регионах на рубеже XIX–XX вв., а также в связи с уменьшением доли кустарного производства памятников и увеличением производства стандартизированных в мастерских. В это же время наземная высота крестов стала варьироваться в пределах 1,5–2,2 м. В небольших сельских населенных пунктах эти временные рамки сдвинуты по отношению к городским и крупным сельским населенным пунктам примерно лет на 20–25 позже. Глобальные изменения начались с начала XX в., когда вариативность крестов стала уменьшаться в связи с распространением крестов, выполненных в едином стандарте – деревянном 8-конечном брусом кресте 1,5–2 м общей длины, изготавливаемых заводским методом в мастерских. В наше время отмечены случаи установки металлических ажурных намогильных крестов, распространенных в начале XX в. в качестве элитарного памятника. Традиция установки голбцов, разноконечных крестов, креста св. Нины существует до сих пор.

Для вычленения информации из намогильного креста необходимо наличие его наиболее полного и точного описания, являющегося базой для историко-культурных интерпретаций как самого креста, так и кладбищенского пространства, являющегося не только основным местом сосредоточения погребально-поминальных обрядностей и похоронного дела, но и показателем состояния социума, его групп на определенные периоды времени. Такое описание должно основываться на соотнесении креста с той или иной формой, его декором, материалом изготовления и на том, как «шифр» описываемого креста наиболее полно отражает конструктивные признаки и особенности памятника. Оно должно переводить информацию, заключенную в кресте, из визуальной формы в текстовую.

Начало отечественного научного исследования крестов относится к первой половине XIX в. [4, с. 12–14]. Подавляющее количество ставрографических работ посвящено крестам российских Средней полосы и Севера, земли которых являются историческим ядром развития современной России. В последние годы появляются работы, затрагивающие изучение крестов в уральских и сибирских регионах [5, с. 81–86; 6, с. 236–241]. Исследования, посвященные крестам южной части России не развиты, пробел чего частично попытается заполнить данная статья, написанная на основе изучения и описания порядка 8 тыс. намогильных крестов на кладбищах середины XIX – начала XXI вв. из разных муниципальных образований Краснодарского края.

Выстраивание типологизации простым путем перечисления выделенных форм – это тупиковое направление в ее развитии. Как показала практика, существующие типологии памятников и крестов малоприменимы в отношении типологизации намогильных крестов на территории края в силу отсутствия в них не только определенных форм, но и в отсутствии возможности их вычленения

на основе локализации в культурном, архитектурном и временном аспектах. Существующие типологизации, как правило, узконаправленны и визуально описывают небольшое количество памятников того или иного региона. Это делает их малоприменимыми по отношению к другим регионам с иными локальными особенностями. Нередко они ограничиваются узкими временными рамками, не имеют четкого хронологического деления с выделением конструктивных признаков и особенностей памятников определенного периода. К примеру, в предложенной К.Ю. Гизиевой типологии надгробных сооружений на городских кладбищах выделен крест. Она основана на критерии материала изготовления. Выделяется 3 типа крестов: деревянные, металлические и каменные, при этом первые 2 имеют по 2 подвида [3, с. 47]. В этой типологии не рассматриваются и не учитываются иные критерии, к примеру форма, размер, декор, что делает ее неполной и, соответственно, малоприменимой.

Л.А. Беляев отметил: «...построение формальной типологии – просто ради удовольствия ее иметь – не кажется разумным. Осознававшие изготовителями и эмпирически выделяемые исследователями группы признаков прекрасно «работают» и при датировке, и при формальном анализе, и при описании», предложив выделять группы формальных признаков при составлении типологии [2, с. 28–29]. В соответствии с этим логично выстраивать типологию на основе выделения признаков памятников, их конструктивных особенностей, фиксирующихся в описании определенным способом.

Методика описания крестов, легшая в основу нашего описания, была предложена Д.В. Пежемским. В основу предложенной им методики лег конструктивно-морфологический подход, разработанный Ю.Л. Щаповой, суть которого заключается в «...абстрактном расчленении объекта изучения на составные конструктивные элементы и создании на их основе матрицы, способной описывать все многообразие сочетаний этих элементов». Его методика основывается на методе формул, заключающийся в достижении формализованности морфологической информации, содержащейся в кресте, путем выделения конструктивных типов крестов и их элементов с присваиванием им определенных обозначений. Описание производится способом кодировки – записью шифра из обозначений крестовых элементов в определенной последовательности, т. е. содержащего закодированную морфологическую информацию о кресте [7, с. 333–344; 8, с. 645–656].

В качестве вспомогательного инструмента при описании внешнего содержания и декора может быть привлечена типология Д.О. Антипиной, построенная на основе различия иконографического содержания крестов. Ею были выделены типы крестов: «чистая форма без изображений», «с надписями», «с геометрическими изображениями», «с растительными изображениями», «крест с Распятием» и «с Распятием и предстоящими», «завершающие и дополняющие надгробные памятники» [1, с. 169–176]. Как полная типология крестов она не в полной мере применима в рассматриваемом регионе – на многих крестах в крае встречаются сочетания нескольких таких типов, для чего следовало бы

выделить некий «комбинированный» тип. Однако ею был сделан наиболее полный обзор типологий крестов, дана общая характеристика надгробных крестов, относящихся к группе крестов, поставленных вне построек и к типу внехрамовых крестов, выделив при этом кладбищенские, курганные, придорожные, межевые, в северных бухтах, жальнические кресты и голбцы. Но в этой типологии придорожные и межевые кресты могут относиться к освященным в случае отсутствия могил, что вносит путаницу [1, с. 117–122]. Логичней такие кресты изначально относить к группе кенотафов или отмечать их «спорными» в случае отсутствия четких доказательств наличия погребения под ним, а не относить к виду надгробных.

Общая и унифицированная ставрографическая терминология в настоящее время не выработана. В основу работы легла терминология, предложенная Д.В. Пежемским для частей креста в целом [7, с. 334–335], дополненная автором с учетом внешних форм и конструктивных элементов крестов в крае. Ее содержание было отражено в выработанной схеме (Рис. 1) из 19 элементов, расположенных на 4 уровнях:

Рис. 1 – Схема надгробного креста

1. Стоян – конструкция, удерживающая основание креста. Может быть в виде голгофы, постамента, цоколя, каменной горки, подножия или в качестве их элемента, укрепленным элементом крестовой воронки.

2. **Голгофа** – конусовидная, прямоугольная, фигурная или ступенчатая конструкция, расположенная в нижней части ствола креста. Как правило, символизирует Голгофу, выступает опорой для креста и местом для расположения основных текстов. Бывает в форме различных постаментов, каменной горки.

3. **Шип** – конструкция под основанием креста, служащая для заглубления в грунт и закрепления в стояне или крестовой воронке.

4. **Крестовая воронка** – углубление в грунте или стояне для фиксации основания креста. В случае расположения в грунте может иметь укрепленные стенки камнями, кирпичами, бетоном, что в таких случаях по строению сближает ее со стояном.

5. **Основание** – нижняя часть креста, расположенная для его вертикального закрепления в стояне или крестовой воронке.

6. **Ствол** – нижняя часть основной несущей вертикальной перекладины креста.

7. **Ветвь** – дополнительная волнообразная конструкция вдоль или в нижней части ствола, символизирующая виноградную лозу, режу – ветвь дерева.

8. **Мерило** – дополнительная перекладина в центральной части ствола, перпендикулярно расположенная к нему под тем или иным углом. Может быть прямой, поднятой правой (правосторонней) или левой (левосторонней) оконечностью по отношению к смотрящему спереди.

9. **Маковки** – элементы, расположенные на оконечностях креста, за исключением основания.

10. **Табличка** – листовая элемент различной формы, расположенный на стволе, режу на оголовье креста, содержащий информационный текст о погребенном.

11. **Перекладина** – основная горизонтальная несущая перекладина креста, делящая основную вертикальную несущую перекладину на ствол и оголовье.

12. **Средокрестие** – место пересечения основных вертикальной и горизонтальной перекладин, имеющее в ряде случаев украшающий элемент. Бывает внутренним (расположенное в рамках перекладин) и внешним (за рамками перекладин). В редких случаях украшающие элементы имеются на пересечениях ствола и мерила, оголовья и дощечки, на основании чего в таких случаях возможно говорить о нижнем, среднем и верхнем средокрестиях.

13. **Лучи** – элементы в виде лучей или шипов (прямых и волнообразных), выходящие от внешнего средокрестия или внешнего контура венца.

14. **Щиток** – листовая элемент различной формы, расположенный на средокрестии, выполняющий функции украшения и носителя текста о погребенном.

15. **Венец** – элемент закругленной формы, расположенный за внешним средокрестием. Бывает в виде круга, пересекающего основные несущие вертикальную и горизонтальную перекладины креста. Или в виде выходящего из перекладины и наложенного на оголовье полукруга.

16. Оголовье – верхняя часть основной несущей вертикальной перекладины креста.

17. Дощечка – дополнительная небольшая перекладина, расположенная на оголовье и перпендикулярная ему. Как правило, не имеет маковок.

18. Крыша – двускатный элемент, расположенный в верхнем и/или среднем уровнях креста. Может ограничиваться границами верхней маковки (малая), дощечки (средняя) или перекладины (полная). Имеет выступающие или слитные оконечности с другими элементами.

19. Верхняя маковка – верхняя оконечность креста.

Уровни креста позволяют разделить его пространство с целью наиболее точного вычленения элементов и их описания: подземный – включает в себя конструкции и элементы, расположенные в грунте; нижний – опорная часть, может содержать информацию о погребенном; средний – основная и центральная часть, содержащая наибольшее количество элементов и информации о погребенном; верхний – венчает крест, содержит, как правило, культовые элементы и символику.

Отдельно стоит коснуться маковок – украшающих культовых элементов на оконечностях креста, за исключением подземной. Они могут присутствовать на всех перекладинах, в редком случае на дощечке. При расположении на стволе могут быть мерилом. В большинстве случаев они есть на оконечностях перекладины и оголовья, реже на мериле. Верхняя маковка выделяется в силу того, что она может быть единственной на кресте или отличаться от остальных, выполняя функцию навершия. Выделяются следующие формы маковок:

1. Трилистник. 3 рядом расположенных круга, полукруга, 3 петли из одного прута. Может быть 3 круга или купола на 1 большом круге.

2. Пика. Конусовидный элемент, заостренный или усеченный. Может нижними углами сливаться с оконечностями перекладин или располагаться на «шейке», соединяющей его с оконечностью перекладины.

3. Купол. Куполообразный элемент, стилизованный под церковный купол-луковицу.

4. Арка. Закругленные оконечности перекладин, стилизованные под сферический купол.

5. Капли. Элемент в виде 2 капель на краях оконечностей перекладин.

6. Круг. Может быть выполнен в виде петли на прутковых крестах. На трубчатом может иметь форму шара, состоя из двух перпендикулярных закругленных прутьев или деревянной пробки с шаром, вставляющейся в открытую оконечность перекладины в трубчатом кресте.

7. Виноградная гроздь. Как правило, это несколько кругов, расположенных в виде конуса.

8. Прямоугольник. Условная форма. Часть крестов не имеет маковок, в силу чего имеет прямоугольные оконечности. В ряде случаев оконечности скругляются или заостряются, образуя маковки в форме арок или пик. На основе аналогии прямоугольные необработанные оконечности можно выделить в отдельную форму маковок.

9. Якорь. Выполнен в форме нижней раздвоенной части якоря.

В качестве дополнительных украшающих элементов (декора) на металлических крестах могут быть различные узоры, выполняющие функцию орнамента – в виде воллютов, завитых в «8», волн прутьев и полос, кругов простых и концентрических, треугольников, цветков со стеблями с листьями и без. Круги и треугольники внутри ствола, мерила и перекладины применялись до 1970-х гг., воллюты и завитки в виде 8 были распространены в 1970–2000-х гг. В конце XIX – второй половине XX в. во внутреннем средокрестии мог располагаться цветок, круг, буква «X» или гамматический крест. Из внешнего средокрестия или венца могло выходить от 1 до 4 лучей (4 или 16 в совокупности), иногда пересекающие украшающие формы внешнего средокрестия.

Крест следует рассматривать как 4-уровневую систему с присущей каждому уровню отдельными элементами и декором, что обосновывает его вариативность. Подземная часть по преимуществу выполняет фиксирующую функцию, нижняя – опорную, средняя – информационную, верхняя – культовую. Его основу составляют 2 основные несущие перпендикулярные друг другу перекладины, дополнением к которым выступают все остальные конструктивные элементы памятника. Основа несменяема, элементы же могут отсутствовать или наличествовать в том или ином количестве (к примеру, лучей может быть по 1 или несколько с каждой стороны средокрестия; маковки могут присутствовать на оконечностях всех перекладин, или только отдельных; ветвей может быть 1–4), крепясь к основе по принципу конструктора, создавая определенную модель креста.

Развернутое описание следует начинать с краткого описания окружающего крест пространства (ландшафт, могильная инфраструктура). Построение описательного ряда нужно начинать с указания общей формы креста (4-, 6-, 7-, 8-конечный в зависимости от количества оконечностей перекладин с учетом основания) и степени сохранности (цел, поврежден, разрушен). В случае наличия крыши (средней или полной) следует дополнять описание «крест-голбец». На Кубани голбцы в большинстве своем представлены в виде 4- или 6-конечного креста с крышей в виде треугольника (шатровый) или полукруга (арочный). Если крыша доходит до перекладины, то можно считать это «полным» голбцом, если до дощечки, то «малым». Крыша бывает в качестве верхней маковки с выступающими оконечностями или выходящая шатром из оголовья (верхняя оконечность оголовья в виде конуса). Такие верхние маковки были распространены до 1960-х гг. Первый вариант преобладал на металлических крестах, второй на деревянных.

Указывается наземная высота креста. С учетом того, что она варьируется в зависимости от периода изготовления, формы, возможности археологизации (просадка в грунт или занесение земляным слоем) и доминирующего кустарного способа изготовления до конца XX в., точные размеры указывать не целесообразно в силу массовости крестов. Практичнее указывать относительную высоту: аршинный (~70 см), полуростовой (~70–150 см), ростовой (~150–180 см), вышеростовой (~свыше 180 см).

Уделяется внимание материалу изготовления креста. Выделены деревянные, каменные (известняк; песчаник; мрамор – черный, белый, серый; гранит и др.), металлические (чугун, сталь и др.), бетонные, композиционные (в случае разности изготовленных элементов. Пример – из щебенки или ее крошки в бетоне – мозаичной крошки (мелкая и крупная). Мелкая мозаичная крошка была распространена на дореволюционных и ранних советских памятниках (до начала 1930-х гг.), крупная началась использоваться в послевоенное время. Мелкая мозаичная крошка по качеству превосходит крупную, ее срок службы дольше на несколько десятилетий (дореволюционные памятники из нее до сих пор в хорошем состоянии). Крупная начинает разрушаться примерно после 30 лет службы в зависимости от качества бетона и внешних условий. Отдельно стоит указать материал стояна, голгофы, укрепленных стенок крестовой воронки (камень, кирпич, шифер и иное) в случае их отличия от креста.

Кресты возможно разделить на составные (отдельные элементы соединены при помощи клепок, винтов и болтов, пазов, скручены проволокой или прутьями, сварены) и монолитные (выполнены при помощи литья или обтесывания). Металлические и каменные кресты могут обоих видов. Деревянные всегда составные, а бетонные монолитные.

Следует выделять вторичную форму креста – совокупность формы и материала изготовления:

1. Бревенчатый. Изготовлен из округлых бревен, которые могут иметь плоскую лицевую и тыльную стороны.

2. Брусовый. Из 3-, 4-, 8-гранных брусьев любого материала.

3. Трубочатый. Сваренный из металлических труб, оконечности которых могут быть закрыты или открыты. В открытые оконечности могли вставляться деревянные маковки по принципу пробок, или ввариваться металлические. Был распространен в 1950–1970-е гг., в отдельных случаях использовался до 2000-х гг.

4. Ленточный. Изготовлен из металлических плоских полос. Распространен в конце XIX в. – 1970-х гг.

5. Прутовый. Изготовлен из металлического прута. В случае пустотелого креста, образованного двумя параллельными прутьями, следует считать его 2-прутовым. Если между 2 прутьями по центру основных перекладин расположен 3-й прут, то 3-прутовый. Основное время распространения – 1930–1970-е гг.

6. Армированный. Выполнен из металлической арматуры. По аналогии с прутовым может быть 2- и 3-армированным. Был распространен в 1960–2000-е гг.

7. Смешанный. Сочетает в себе несколько вторичных форм. Пример – ствол может быть трубчатым, верхняя часть ствола, перекладина и оголовье 2-прутовое.

В качестве дополнительных параметров в описании указывается наличие /отсутствие орнамента, текстов и цветовой гаммы креста. С середины XX в.

крест стал не единственным намогильным сооружением на большинстве могил, а его базовым элементом – вертикальным памятником, несущим основную информацию о погребенном. Помимо креста стали распространены горизонтальные элементы намогильного сооружения – плиты, цветники и площадки, менее распространенные до середины XX в. или применявшиеся в основном на элитарных могилах. В таком случае целесообразно добавлять их описание, что позволяет рассматривать намогильное сооружение как единое целое. Полное рассмотрение горизонтальных элементов намогильного сооружения выходит за рамки темы статьи, поэтому их описание будет затронуто кратко.

Описание памятника производится составлением описательного ряда при помощи сокращенных форм наличествующих признаков. Сокращения должны быть несложными и легко понимаемыми. Это позволяет сократить объем описания и вычленивать ключевые признаки. Для удобства группы признаков разделены дробью. Внутри групп признаки разделяет тире. Их «подпризнаки» обозначены двоеточием, а элементы последних разделяются запятой. Слитно расположенная цифра после буквенного обозначения означает количество. Обозначение в скобках – уточнение к предстоящему элементу. В качестве примера приведем описательный ряд:

Крест-4/цел-металл-брус.сварн/мак3:трилист(круг(3))/мак(верх): вин.гронк (трилист(круг(3))2)/щит-табл/полурост/св.голубой/цветн-откр-прямо-моз.кр.купн.

Расшифровка описательного ряда: крест 4-конечный, чистая форма без изображений. Целый, из металлического бруса, сварной. Маковок 3, в форме трилистника из 3 кругов. Верхняя маковка в форме виноградной гронки из 2 трилистников из 3 кругов. Имеется щиток с прикрепленной к нему информационной табличкой. Крест светло-голубой. Полуростовой. Есть цветник открытой формы прямоугольный из мозаичной крошки крупной, неокрашенный.

Предложенная типологическая матрица намогильных крестов в Краснодарском крае является совокупностью единой терминологии, измерительных параметров, материала, метода крепления элементов, цветовой гаммы и описательного ряда самого креста. Фиксация признаков и элементов памятника выстраиванием описательного ряда путем сокращений позволяет в короткий срок составлять сжатое описание внешней формы креста. Такая форма описания удобна в случае фиксации крестов при их массовом скоплении или отдельно взятого креста в полевых условиях. Для развернутого описания намогильного сооружения целесообразно добавлять описания иных его сопутствующих элементов – цветника, плит, площадок информацию о погребенном, эпитафии, могильной инфраструктуре, ландшафте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина, Д. О. Принципы типологизации русских православных крестов : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Антипина Дарья Олеговна. – СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2006. – 230 с. – Текст : непосредственный.

2. Беляев, Л. А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. / Л. А. Беляев. – М. : Модус-Граффити, 1996. – 566 с. – Текст : непосредственный.

3. Гизиева, К. Ю. Принципы типологии надмогильных сооружений на городских кладбищах / К. Ю. Гизиева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 4 (24). – С. 45–48.

4. Гуреев, Е. М. Поклонные кресты русского севера XVI–XVII вв. : обзор отечественной историографии / Е. М. Гуреев. – Текст : непосредственный // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2018. – Выпуск 81. – С. 11–23.

5. Межевикин, И. В. Намогильные конструкции на сельских кладбищах Среднего Прииртышья / И. В. Межевикин. – Текст : непосредственный // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск : Наука, 2018. – С. 81–86.

6. Панин, А. С. Провинциальный некрополь Южного Урала: старые кладбища в поселке Бреды и станице Наследницкой / А. С. Панин. – Текст : непосредственный // Гороховские чтения : материалы IV Региональной музейной конференции. – Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей, 2013. – С. 236–241.

7. Пежемский, Д. В. Пути объективизации ставрографических исследований / Д. В. Пежемский. – Текст : непосредственный // Ставрографический сборник. Книга II: Крест в православии. – М. : Издательство Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2003. – С. 333–344.

8. Пежемский, Д. В. Пути объективизации ставрографических исследований / Д. В. Пежемский. – Текст : непосредственный // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. – М. : Издательство Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2005. – С. 645–656.

9. Пермиловская, А. Б. Деревянные кресты русского севера / А. Б. Пермиловская. – Текст : непосредственный // Ставрографический сборник. Книга I. – М. : Издательство Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2001. – С. 241–250.

10. Фризин, Н. Н. Деревянные надгробия русского севера: некоторые варианты развития пространственной структуры / Н. Н. Фризин. – Текст : непосредственный // Ставрографический сборник. Книга 1. – М. : Издательство Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2001. – С. 194–240.

REFERENCES

1. Antipina D. O. *Printsipy tipologizatsii russkikh pravoslavnykh krestov* [Principles of typology of Russian Orthodox crosses]. SPb., Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2006. 230 p. (In Russian).

2. Beliaev L. A. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie: Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XVII vekakh* [Russian medieval tombstone: White stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia XIII–XVII centuries]. M., Modus-Graffiti, 1996. 566 p. (In Russian).

3. Gizieva K. Y. Principles of typology of tomb structures in city cemeteries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Bulletin of Tomsk State University. History*, 2013, no. 4 (24), pp. 45–48. (In Russian).

4. Gureev E. M. Bow crosses of russian north of the 16th – 17th centuries. A review of Russian historiography. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Bulletin of the Orthodox St. Tikhonovsky Humanitarian University. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church*, 2018, vol. 81, pp. 11–23. (In Russian).

5. Mezhevikin I. V. Tomb structures in rural cemeteries of the Middle Irtysh region. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï = Integration of archaeological and ethnographic research*. Omsk, Nauka, 2018, pp. 81–86. (In Russian).

6. Panin A. S. Provincial necropolis of the Southern Urals: old cemeteries in the village of Bredy and the village of Naslednitskaya. *Gorokhovskie chteniia = Gorokhov readings*. Cheliabinsk, Cheliabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, 2013, pp. 236–241. (In Russian).

7. Pezhemskii D. V. Ways to objectify stavrographic studies. *Stavrograficheskii sbornik. Kniga II: Krest v pravoslavii = Stavrographic collection. Book II: Cross in Orthodoxy*. M., Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, Drevlekhranilishche, 2003, pp. 333–344. (In Russian).

8. Pezhemskii D. V. Ways to objectify stavrographic studies. *Stavrograficheskii sbornik. Kniga III: Krest kak lichnaia sviatynia = Stavrographic collection. Book III: The Cross as a Personal Shrine*. M., Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, Drevlekhranilishche, 2005, pp. 645–656. (In Russian).

9. Permilovskaia A. B. Wooden crosses of the Russian north. *Stavrograficheskii sbornik. Kniga I = Stavrographic collection. Book I*. M., Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, Drevlekhranilishche, 2001, pp. 241–250. (In Russian).

10. Frizin N. N. Wooden Gravestones of the Russian North: Some Options for the Development of the Spatial Structure. *Stavrograficheskii sbornik. Kniga I = Stavrographic collection. Book I*. M., Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, Drevlekhranilishche, 2001, pp. 194–240. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лопин, К. Б. Типология намогильных крестов второй половины XIX – начала XXI вв. на кладбищах Краснодарского края / К. Б. Лопин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 105–117.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lopin K. B. Typology of Grave Crosses of the Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 21st Century in the Cemeteries of the Krasnodar Territory / K. B. Lopin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 105–117. (In Russian).

УДК 93.94

**АДАТЫ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ:
ОПЫТ РОССИЙСКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

V.A. Matveev

**ADATS OF THE CAUCASIAN HIGHLANDS:
EXPERIENCE OF RUSSIAN RECEPTION**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования одного из аспектов формирования и корректировки российской политики на Кавказе в XVIII – начале XX вв. Составляющей ее являлось и обретение знаний о самобытности народов края. Включение новых территорий в состав государства и перенесение границ на другие рубежи во многих случаях оказывалось вынужденной мерой, направленной на защиту подданных и тех, кто нуждался в помощи. Российское продвижение на кавказском направлении вызывалось также необходимостью сохранения христианского цивилизационного пространства. Несмотря на сложные обстоятельства для достижения целей задействовались не только силовое предрешиение, но и нравственное воздействие. Применение его предполагало, наряду с иными подходами, учет и практическое использование в системе управления народных обыкновений (адатов), искоренявшихся при введении шариата по указанию имама Шамиля и при участии его сподвижников. Актуальность темы определяется не только потребностями дальнейшей научной разработки. Диктуется она и современными вызовами, с которыми приходится сталкиваться российскому согражданству.

Abstract. The article displays the result of a study of one of the aspects of the formation and adjustment of Russian policy in the Caucasus in the 18th – early 20th centuries. A component of it was also the acquisition of knowledge about the identity of the peoples of the region. The inclusion of new territories into the state and the transfer of borders to other borders in many cases turned out to be a forced measure aimed at protecting subjects and those who needed help. Russian advance in the Caucasian direction was also caused by the need to preserve the Christian civilizational space. Despite the difficult circumstances, to achieve goals, not only forceful predetermination was used, but also moral influence. Its application presupposed, along with other approaches, the consideration and practical use in the management system of folk customs (adat), which were eradicated during the introduction of Sharia law on the instructions of Imam Shamil and with the participation of his companions. The relevance of the topic is determined not only by the needs of further scientific development. It is also dictated by the modern challenges that Russian citizens have to face.

Ключевые слова: адаты горцев, военно-народная система, имперское законодательство, иноэтнические подданные, Кавказский край, косвенное управление, практика маслагата, российский выбор, установления шариата.

Keywords: adats of the highlanders, military-people's system, imperial legislation, foreign ethnic subjects, Caucasian region, indirect control, maslagat practice, Russian choice, establishment of Sharia.

Накопление сведений о традиционных укладах иноэтнических (не восточнославянских) сообществ Кавказского края стало происходить еще в XVIII столетии, когда только наметилась необходимость налаживания контактов. Интерес к данной теме проявился, как установлено исследованиями, во время Персидского похода Петра I, а первые описания были составлены вскоре после его завершения. Так, в 1728 г. принимавший в нем участие И.Г. Гербер издал трактат о населении, проживавшем вдоль западного берега Каспийского моря [1, с. 30]. Тогда же, судя по всему, появились запросы на более глубокие познания сопредельного с российскими границами Востока. Во второй половине XVIII в. изучение внутренней специфики северокавказских локаций в тех случаях, когда это становилось возможным, продолжилось [2, с. 33]. К этому подключались не только военные, но и гражданские служащие. В ряде случаев поручения давались непосредственно монархами [2, с. 33].

Создававшиеся основы для понимания самобытности с опорой на получаемую осведомленность о специфике предоставляли возможность с учетом ее выработать сближающие с Россией подходы. Подбирались соответствовавшие ей и методы налаживания взаимоотношений [2, с. 32]. Накапливаемые знания о состоянии «нравов, обычаев и преданий» в северных ареалах Кавказа проводимой политике придавали осознанность, хотя и не исключали отдельных ошибок [3, с. 114–115]. Сбор информации, как и на других направлениях, включался в обязанность армейских и административных инстанций. Занимались им также органы разведки. Со временем офицеры и чиновники обретали специализацию и к заданиям подходили вполне квалифицированно.

На необходимость «всесторонне изучить быт различных кавказских племен» внимание в очередной раз обращалось в докладной записке министра финансов графа Е.Ф. Канкрин, поданной Николаю I, что весьма примечательно, через непродолжительное время после его восхождения на престол в 1825 г. [4, с. 41–42, 45]. Сбор и обобщение материала для создания системы управления, со ставкой на ненарушимость «народных обыкновений» [4, с. 45], со стороны императора был поддержан. Преемственность в этом отношении никогда не нарушалась. Задания на различных уровнях государственной власти давались и по особым разновидностям реалий, с которыми приходилось сталкиваться. Внимание привлекли в том числе обычаи и возможности их применения в качестве привычных норм для иноэтнических подданных в сочетании с общим российским законодательством в существовавших и создававшихся на Северном Кавказе субъектах.

В 30–40-е гг. XIX в. краевой администрацией предпринимается еще более масштабная, чем на предшествующих этапах, кампания по сбору сведений об адатах различных иноэтнических общностей. Проведение поисков было инициировано Управлением мирными горцами. В 1841–1842 гг. составляются специальные обоснования «необходимости подробно изучать», их обычное право, изложенные в докладах заведующего канцелярией этого

ведомства подполковником Д.С. Бибиковым. Соображения были направлены командиру отдельному корпусу и управляющему гражданской администрацией на Кавказе генералу Е.А. Головину для принятия соответствующих решений. При его содействии вырабатывается для всего региона программа, по которой и должно было производиться в дальнейшем «собрание адатов» [4, с. 45].

К составлению записей привлекались штабные офицеры и представители местных судов. В их обязанности включалось проведение опросов стариков, владевших информацией об адатах своих народов [4, с. 45]. Нередко сбор преданий наталкивался на недоверие к русским исполнителям, а в ряде случаев и на языковые барьеры, создававшие препятствия для качественного отображения получаемых сведений. Однако, несмотря на встречавшуюся неподготовленность участников опросов, поиск сведений о народных обычаях на Северном Кавказе и их отображение в служебной отчетности рассматривался тогда как важное мероприятие, «требующее весьма большой заботливости, продолжительных и постоянных занятий» [4, с. 46–47]. При таком целенаправленном приложении усилий с разной степенью полноты адаты еще по ходу Кавказской войны в значительной степени были изучены [4, с. 46–47].

Подтверждением этому служат составленные описания обычаев (адатов) российскими чиновниками [4, с. 47–48]. Выработывавшиеся решения охватывали иногда длительные периоды и сопровождалась не только достижениями. Представителям русской власти на Кавказе приходилось, следует заметить, сталкиваться с немалыми сложностями. Тем не менее стремление к обретению понимания специфики оставалось неизменным. В предписаниях неоднократно подчеркивалось: «Управление кавказскими горцами всегда составляло предмет особых забот русского правительства, требуя от лиц, поставленных к этому делу, много внимания, труда и энергии» [5, л. 16].

При помощи уступок его представители в крае умело воспользовались привязанностью вошедших в состав России народов к своим традиционным управленческим учреждениям. Посредством же их признания ослаблялось враждебное противодействие мусульманских законов (шариата) процессам утверждения российских государственных структур [6, л. 1]. Проведение такой линии вызывалось и тем, что имам Шамиль и его мюриды с помощью шариата стремились полностью искоренить применение народных обычаев (адатов). Это им позволяло наращивать влияние на горские массы [7, с. 129]. Пропаганда ислама под предлогом «борьбы с русскими» давала тогда необходимые результаты, и приверженность этой религии усиливалась [8, с. 152].

Успехи в противостоянии «непримиримых» горцев, «казавшиеся непонятными», объяснялись «главнейшим образом» настойчивостью, с которой Шамиль распространял шариат [9, с. 12–13]. Однако она нередко встречала сопротивление, принимавшее нередко предельно ожесточенные формы. Некоторые аулы брались мюридами по нескольку раз и прекращали борьбу лишь после значительного опустошения. Сохранившиеся свидетельства указывают на то,

что насаждение шариата, в частности, дорого обошлось народам Восточного Кавказа [10, с. 83–84]. Уже после пленения, находясь в г. Калуге, Шамиль советовал представителям русской власти, опираясь на свой собственный опыт, устранение даже самых нелепых обычаев предоставить времени и поспешности ни в коем случае не допускать.

Такую же осторожность бывший имам «Чечни и Дагестана» соблюдал при обращениях к нему за советами и по другим поводам [11, с. 153]. Поскольку процесс исламизации в северных частях Кавказа не завершился, представители русской администрации считали, что следует оказывать влияние на его благоприятный для интеграционного процесса исход. Учитывалось то, что сельские общества колебались, заявляя то о приверженности имаму Шамилю и готовности принять шариат, то выражали желание присягнуть на верность царю [12, с. 224]. Именно при этих обстоятельствах адаты выдвигались в основу складывавшейся на Северном Кавказе системы военно-народного управления. Тем самым предполагалось ограничить применение норм шариата и ослабить возбуждавшее враждебность влияние мусульманских проповедников на горские массы [12, с. 224].

С целью противодействия распространению российской юрисдикции на удерживавшиеся в составе имамата нагорные территории Шамиль и его сподвижники, напротив, предпринимали усилия по вытеснению адатов и расширению употребления исламского права. В ряде дагестанских обществ имам и расставленные им в управленческих структурах шейхи пытались ввести его безраздельно. За неподчинение применялись методы силового принуждения, в том числе смертная казнь. Борьба велась за полную замену традиционных унаследованных из прошлого норм шариатом. Но намеченная перспектива так и не была достигнута [4, с. 49]. Существовавшие своды населения прятали, а как только прекращалась власть Шамиля, они вновь открыто использовались в управлении. Восстанавливалось и применение адатов [4, с. 49–50].

Объясняется это и встречавшимися на практике противоречиями между установками ислама и народными обычаями [4, с. 49–50]. Поэтому принцип «адат против шариата» в российской политике получил с конца 50-х гг. XIX в. официальную поддержку [13, л. 172]. До этого имперская администрация на Кавказе опиралась преимущественно на шариат и на адаты ставки не делала, признавая их пережиточность. В указанный же период такой вариант политики признается ошибкой, «стоившей многих жертв», и рассматривался в качестве одной из причин затягивания войны с Шамилем [14, л. 1]. Хотя и не сразу обнаружилась взаимосвязь между укреплением шариата и ослаблением традиционного для горцев обычного права [14, л. 1]. Поддержка адатов, по сложившимся тогда представлениям, должна была укрепить гражданские начала в управлении краем в противовес началу духовному и усилить светские элементы, в том числе и в судопроизводстве [14, л. 1].

Собирание сведений о традиционных нормах продолжилось при организации системы управления и после окончания вооруженного противостояния.

От начальника Дагестанской области Главный штаб Кавказской армии, располагавшийся в г. Тифлисе, в 1864 г. потребовал предоставить своды адатов по всем девяти округам [1, с. 32], в которых проживали разные этнические общности. В том же 1864 г. издается «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» и «Сборник адатов жителей Нагорного округа», а в 1865 г. – сборники применявшихся адатов у осетин и кумыков [4, с. 48].

Изучение обычного права кавказских горцев, таким образом, проводилось российской администрацией систематически и имело нацеленность на конечный результат, находивший воплощение не только в практических решениях, но и в публикациях. Это как раз и позволяло осуществлять управление с опорой на знание местной специфики. Необходимостью ее выявления и объясняется осторожность, с которой представители русской власти подходили к определению сословных прерогатив [15, с. 74]. Составление же включавших адаты судебныхников, например, в Дагестанской области продолжалось до 90-х гг. XIX в. Производилось оно на арабском языке [1, с. 32], на котором велось все служебное делопроизводство. Лишь при необходимости делались переводы на русский.

Высшие слои «туземных обществ» на Северном Кавказе между тем пользовались до прояснения ситуации «некоторыми льготами, присвоенными русскому дворянству» [16, с. 63]. Непризнание местных претендентов из привилегированных страт в правах этого сословия выступало в качестве временной меры. Упорядочение предполагало достижение более обстоятельной осведомленности, и сбор сведений продолжался. Их обобщение предпринял профессор юридического факультета Императорского Новороссийского университета Ф.И. Леонтович (1837–1911), включившего в него как общие черты и конкретизацию применения [17], так и содержательные отличия у осетин, чеченцев и кумыков [18]. Произведена наряду с этим систематизация ряда положений из выявленных сводов адатов горцев [18].

Изучение обычного права осуществлялось и по отдельным народам. Так, правовед, социолог и этнограф М.М. Ковалевский (1851–1916) проводил его в среде осетин [19], а востоковед Б.В. Миллер (1877–1956) – у карачаевцев [20]. Осмысление содержания и практики использования адатов кавказских горцев являлось по сути явлением российской рецепции, попыткой усвоения обычного права, примененной при включении иноэтнических ареалов Северного Кавказа в систему государственного управления. Если рецепция римского права, наблюдавшаяся при культурном подъеме в Западной Европе на рубеже XI–XII вв., была связана с восприятием апробированных и ставших классическими юридических стандартов [21, с. 26], то российский вариант явления имел направленность на освоение существовавших привязанностей для недопущения резких перемен. По результатам изысканий отображавшие отечественные подходы к сохранению традиционных укладов издания производились и в начале XX в.

Особого выделения среди них заслуживают подборки материалов из архивного хранилища наместничества начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа полковника С. Эсадзе (1868–1927) [22]. Им составлялись очерки об особенностях присоединения не только всего края, но и его частей. Наряду с этим продолжался поиск информации об особенностях организации функционирования горских народных судов. Данные усилия свидетельствуют о том, что возникавшие при организации управления сложности преодолевались с соблюдением условия охранения самобытности иноэтнических подданных. От этого не в последнюю очередь зависело поддержание стабильности и преодоление обособленности.

В начале XX в. российская рецепция обычного права (адатов) кавказских горцев приближалась к завершению. Вследствие этого в ряде случаев появилась возможность определить статус существовавших у них высших сословий. Неясность в основном оказалась преодоленной. Принятию решений об уравнении в правах препятствовали возникавшие нестыковки, а не намерения дискриминации. По мусульманским законам (шариату) статус «привилегированных лиц» в социальной иерархии устанавливался проще и они оставались «владельцами вверенных их управлению земель» [23, л. 83 об.].

При приведении же в соответствие сословных прав с законодательством Российской империи настоятельной оказалась необходимость разобраться в обычном праве, так как представители власти сталкивались с тем, что заявляемые притязания чаще всего оказывались завышенными [23, л. 83 об.]. Исключение поспешности вызывалось и не завершившейся рецепцией обычного права. Из-за встречавшихся сложностей этот процесс, несмотря на возрастающую по мере изучения осведомленность представителей краевой администрации, не приносил определенности для принятия решений. Поэтому «потомственное дворянское достоинство высшим классам населения Кавказского края» было предоставлено в виде «монаршей милости» лишь в 1913 г. Этому акту, провозглашенному «в честь трехсотлетия царствования династии Романовых», придавалось важное политическое значение. Как считали в правительственных кругах, он мог способствовать дальнейшему сближению иноэтнических подданных окраины с Россией [24, л. 3–13].

При освоении существовавших традиционных регламентаций большое значение в проводимой политике придавалось также тому, что адаты не имели религиозного подтекста, и, следовательно, не существовало препятствий для их кодификационного совершенствования, тогда как какие-либо изменения в шариате исходя из его канонической сущности невозможны. Эта разновидность права относилась уже к прерогативам «совести и верования мусульман», вмешательство в которые считалось недопустимым [13, с. 224].

Шариат основывался на разнообразных наставлениях морального и юридического свойства, соблюдение которых указывает верующим «правильный путь» в жизни, «угодный Аллаху». При воспроизведении любого сюжета из текста Корана, по разъяснению специалистов, «недопустима ни малейшая

подмена словесного выражения». Передача же смысла «Хадис Пророка», напротив, строгого сакрального соответствия не предполагает. Приближенность «позволительна», но только в «адекватной... форме» [25, с. 17].

Инициатива, направленная на укрепление обычного права и связанной с ним традиционной идеологии, отраженной в адатах, не преследовала намерения вытеснить шариат, сужая лишь сферу применения его положений. Она предусматривала ограничение воздействия на мусульманское население Кавказа фанатично настроенного духовенства. Сокращение пределов применения норм шариата неизбежно затрудняло осуществимость его попыток в сфере политического влияния [13, с. 224]. Ограничения в России распространялись в том или ином виде и на православных священников. Так же, как и им, ведению мусульманского духовенства оставлены были вопросы духовного свойства [7, с. 129]. В компетенцию шариатских судов входили, например, разборы дел брачных, семейных, наследования и другие возникавшие тяжбы [13, с. 224].

А это именно те правовые компетенции, от которых в том числе зависела ненарушимость самобытного существования. В действительности народные обычаи (адаты) оказались не меньшим препятствием при внедрении российских государственных учреждений на Северном Кавказе, так как находились в таком же резком противоречии с существовавшим законодательством и правовыми нормами империи [26, л. 7]. Недостатками их являлись, согласно заключению А.М. Ладыженского (1891–1972), дробность, неопределенность и консервативность, создававшая препятствия «введению новых начал» [4, с. 29–30].

Вследствие этого возникла потребность упразднить «мнимую юстицию» в виде горских народных судов и укрепить роль в управлении мусульманским населением русской администрации через поддержку правовых норм шариата и шариатских судов [26, л. 7]. Имея канонические свойства, эти нормы, казалось бы, исключали какое-либо сочетание с адатами в применении на практике [27, л. 31]. Несовместимость проявлялась и в сфере семейных отношений, полностью предоставленной попечительности местных органов власти [28, с. 16], использовавших, как правило, традиционные способы разрешения возникавших проблем. Но даже при разнообразии адатов кавказских горцев в них присутствовало «много общих черт» [4, с. 57]. С 1905 г. «архаическое народное право» тем не менее постепенно вытесняется из системы управления, а официальную поддержку получает принцип «шариат против адата» [27, л. 31].

Мусульманство в обеспечении интеграционного сближения вновь признается более предпочтительным. Позиции его при поддержке государственной власти еще более укрепляются. Однако, несмотря на это, практика совмещенного применения в управлении на Кавказе обычаев (адатов) и норм религиозного характера (шариата) продолжала сохраняться [29]. Она получила даже свое отличительное наименование «соглашение» (маслагат) [4, с. 37], что является показателем широкой распространенности. Данная разновидность компромисса также сохраняла то, что применялось ранее, претерпев лишь некоторые изменения.

Дифференцированные же подходы, учитывавшие местные условия, использовались при организации управления и на других российских окраинах.

Однако для Северного Кавказа ставка на традиционализм имела не только положительные последствия, так как происходила неизбежно консервация и таких общественных устоев, которые были несовместимы с прогрессивными переменами. Расчеты на их постепенное устранение под воздействием российской политики не всегда оправдывались. Ставку на принцип «шариат против адата» в системе военно-народного управления позволяло делать и наметившееся снижение религиозного фанатизма в среде исповедовавшего ислам населения в северных субъектах Кавказа [5, л. 21 об.]. Позиции российского мусульманства все более укреплялись.

Подводя итог, следует отметить, что в соответствии с практикой сложившейся в Российской империи поспешность при осуществлении преобразований исключалась. Русская власть считалась с правовыми навыками населения, не допускала резкой ломки самобытных укладов. Иноэтническая периферия официально признавалась составной частью государственного пространства. Централизующие связи не основывались на ее дискриминации, унификации существовавших различий. Изученность благодаря предпринимавшимся российским инициативам в соответствии с государственными заданиями адатов кавказских горцев служит этому подтверждением.

Их сбор и доводимые до публикаций систематизации позволили сохранить доставшееся от прошлого культурное достояние. Под воздействием интеграционных процессов в составе формировавшегося российского согражданства происходили лишь некоторые его видоизменения. Каждый из зафиксированных регуляторов традиционных взаимодействий у соотечественников иной этнической принадлежности является источником информации, позволяющей производить исторические реконструкции. Использование некоторых адатов так же, как и в имперский период, совмещено с иными правовыми нормами допускалось и в советскую эпоху вплоть до второй половины 40-х гг. XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников, В. О. Кавказский адат в российской науке и политике XVIII–XXI вв.: источники, практики, подходы / В. О. Бобровников. – Текст : непосредственный // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура : материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) – Ростов н/Д. : Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – С. 29–37.

2. Дударев, Д. С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века / Д. С. Дударев, С. Л. Дударев. – Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2017. – 402 с. – Текст : непосредственный.

3. Ткаченко, Д. С. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников) / Д. С. Ткаченко, Т. А. Колосовская. – Ставрополь : Издательство СГУ, 2019. – 304 с. – Текст : непосредственный.

4. Ладыженский, А. М. Адаты горцев Северного Кавказа / А. М. Ладыженский ; подготовка текста и комментарии И. Л. Бабиц // Южнороссийское обозрение. Выпуск 18. – Ростов н/Д. : Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН, 2003. – 220 с. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454 (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска). – Оп. 1. – Д. 5299. – Текст : непосредственный.
6. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 229 (Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению). – Оп. 1. – Д. 4. – Текст : непосредственный.
7. Гальцев, В. С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. / В. С. Гальцев. – Текст : непосредственный // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Том 18. – Орджоникидзе : СО НИИ, 1956. – С. 127–150.
8. Брокгауз, Ф. А. Россия : энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
9. Эшба, Е. Асланбек Шерипов / Е. Эшба. – Грозный : Издание отдела народного образования Чеченской автономной области, 1927. – 68 с. – Текст : непосредственный.
10. Умаханов, М.-С.-К. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы / М.-С.-К. Умаханов, Б. Г. Алиев. – Текст : непосредственный // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы : тезисы докладов Международной научной конференции. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 1998. – С. 82–86.
11. Шамиль на Кавказе и в России : биографический очерк / составитель М. Н. Чичагова. – СПб. : Типография и Литография С. Муллер, 1889. – 207 с. – Текст : непосредственный.
12. Смирнов, Н. А. Мюридизм на Кавказе / Н. А. Смирнов. – М. : Наука, 1963. – 244 с. – Текст : непосредственный.
13. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1284 (Департамент общих дел). – Оп. 241. – Д. 147. – Текст : непосредственный.
14. Научный архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. – Ф. 1 (История Северной Осетии до революции). – Оп. 1. – Д. 14. – Текст : непосредственный.
15. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом. : в 2 томах. Том 2 / С. Эсадзе. – Тифлис : Гуттенберг, 1907. – 310 с. – Текст : непосредственный.
16. Туманов, Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе / Г. М. Туманов. – СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1901. – 113 с. – Текст : непосредственный.
17. Леонтович, Ф. И. Адаты кавказских горцев : материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа : в 2 выпусках. Выпуск I: Адаты. Обычное право Кавказа / Ф. И. Леонтович. – Одесса : Типография П.А. Зеленого, 1882. – 437 с. – Текст : непосредственный.
18. Леонтович, Ф. И. Адаты кавказских горцев : материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа : в 2 выпусках. Выпуск II: Адаты осетин, чеченцев и кумыков: свод адатов горцев / Ф. И. Леонтович. – Одесса : Типография П.А. Зеленого, 1883. – 396 с. – Текст : непосредственный.
19. Ковалевский, М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении : в 2 томах. Том 2 / М. М. Ковалевский. – М. : Типография В. Гатцук, 1886. – 410 с. – Текст : непосредственный.

20. Миллер, Б. В. Из области обычного права карачаевцев / Б. В. Миллер. – М. : Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, ценз., 1902. – 40 с. – Текст : непосредственный.
21. Омельченко, О. А. Римское право: учебник / О. А. Омельченко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ЭКСМО : EKSMO education, 2007. – 221 с. – Текст : непосредственный.
22. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом : в 2 томах. Том 1 / С. Эсадзе. – Тифлис : Гуттенберг, 1907. – 616 с. – Текст : непосредственный.
23. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
24. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276. – Оп. 19. – Д. 776. – Текст : непосредственный.
25. Хадисы Пророка / перевод и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 4-е изд. – М. : РИПОЛ классик, 2008. – 312 с. – Текст : непосредственный.
26. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400 (Главный штаб). – Оп. 1. – Д. 4171. – Текст : непосредственный.
27. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В. при императорской квартире). – Оп. 3. – Д. 1744. – Текст : непосредственный.
28. Арутюнов, С. А. «Закрытое общество» – альтернатива мегаполисному потребительству? / С. А. Арутюнов. – Текст : непосредственный // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – М.–Тбилиси : Международный научно-исследовательский институт народов Кавказа, 2003. – С. 11–17.
29. Дагестанские ведомости. – 1913. – 7 января. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bobrovnikov V. O. Caucasian adat in Russian science and politics of the XVIII–XXI centuries: sources, practices, approaches. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura = Peoples of the Caucasus in the XVIII–XXIst centuries: history, politics, culture*. Rostov-on-Don, Publishing house SSC RAS, 2023, pp. 29–37. (In Russian).
2. Dudarev D. S., Dudarev S. L. *Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid19th century]. Armavir ; Stavropol, Design Studio B, 2017. 402 p. (In Russian).
3. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. "My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatelya i uiti...". *Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov)* ["We did not fight in the Caucasus in order to defeat the enemy and leave...". Sociocultural activities of the Caucasian army (according to the memoirs and research of contemporaries)]. Stavropol, SSU Publishing House, 2019. 304 p. (In Russian).
4. Ladyzhenskii A. M. Adats of the Highlanders of the North Caucasus. *Yuzhnorossiiskoe obozrenie = South Russian Review*, vol. 18. Rostov-on-Don, Center for Systemic Regional Research and Forecasting of the Institute of Industrial Problems at the Russian State University and ISPI RAS, 2003. 220 p. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archives of the Krasnodar Territory], F. 454 (Office of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army), Op. 1, D. 5299. (In Russian).

6. *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central Historical Archive of Georgia], F. 229 (Office of the Governor in the Caucasus for military-people's administration), Op. 1, D. 4. (In Russian).

7. Gal'tsev V. S. Restructuring the system of colonial domination in the North Caucasus in 1860–1870. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta = News of the North Ossetian Research Institute*, vol. 18. Ordzhonikidze, SO SRI, 1956, pp. 127–150. (In Russian).

8. Brockhaus F. A., Efron I. A. *Rossiia. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russia. Encyclopedic Dictionary]. L., Lenizdat, 1991. 922 p. (In Russian).

9. Eshba E. *Aslanbek Sheripov* [Aslanbek Sheripov]. Grozny, Publication of the department of public education of the Chechen Autonomous Region, 1927. 68 p. (In Russian).

10. Umakhanov M.-S.-K., Aliev B. G. Some issues of covering the struggle of the highlanders under the leadership of Shamil: approaches and results of the study, prospects. *Kavkazskaya vojna: Spornye voprosy i novye podhody = Caucasian War: Controversial issues and new approaches*. Makhachkala, IIAE DSC RAS, 1998, pp. 82–86. (In Russian).

11. *Shamil' na Kavkaze i v Rossii. Biograficheskii ocherk* [Shamil in the Caucasus and Russia. Biographical sketch]. SPb., Printing house and Lithography S. Muller, 1889. 207 p. (In Russian).

12. Smirnov N. A. *Myuridizm na Kavkaze* [Muridism in the Caucasus]. M., Nauka, 1963. 244 p. (In Russian).

13. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 1284 (Department of General Affairs), Op. 241, D. 147. (In Russian).

14. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo Instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniĭ* [Scientific archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research], F. 1 (History of North Ossetia before the revolution), Op. 1, D. 14. (In Russian).

15. Esadze S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus], vol. 2. Tiflis, Guttentberg, 1907. 310 p. (In Russian).

16. Tumanov G. M. *Zemel'nye voprosy i prestupnost' na Kavkaze* [Land issues and crime in the Caucasus]. SPb., Printing house P.P. Soikin, 1901. 113 p. (In Russian).

17. Leontovich F. I. *Adaty kavkazskikh gortsev : materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders : materials on the customary law of the Northern and Eastern Caucasus], iss. I: Adats. Customary law of the Caucasus. Odessa, Printing house P. A. Zeleny, 1882. 437 p. (In Russian).

18. Leontovich F. I. *Adaty kavkazskikh gortsev : materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders: materials on the customary law of the Northern and Eastern Caucasus], iss. 2: Adats of Ossetians, Chechens and Kumyks: a set of adats of the highlanders. Odessa, Printing house P.A. Zeleny, 1883. 396 p. (In Russian).

19. Kovalevskii M. M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern custom and ancient law. Common law of Ossetians in historical and comparative light], vol. 2. M., Printing house V. Gatsuk, 1886. 410 p. (In Russian).

20. Miller B. V. *Iz oblasti obychnogo prava karachaevtsev* [From the field of customary law of the Karachais]. M., Association of fast printing A.A. Levenson, censor., 1902. 40 p. (In Russian).

21. Omel'chenko O. A. *Rimskoe pravo* [Roman law]. M., EKSMO, EKSMO education, 2007. 221 p. (In Russian).

22. Esadze S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus], vol. 1. Tiflis, Guttenberg, 1907. 616 p. (In Russian).

23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive], F. 1276 (Council of Ministers), Op. 19, D. 1. (In Russian).

24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive], F. 1276, Op. 19, D. 776. (In Russian).

25. *Khadisy Proroka* [Hadith of the Prophet], translation and comments by Iman Valeria Porokhova. M., RIPOL classic, 2008. 312 p. (In Russian).

26. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 400 (General Headquarters), Op. 1, D. 4171. (In Russian).

27. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970 (Military campaign office of E.I.V. at the imperial apartment), Op. 3, D. 1744. (In Russian).

28. Arutyunov S. A. "Closed society" – an alternative to metropolitan consumerism? *Adat. Kavkazskij kul'turnyj krug: Tradicii i sovremennost' = Adat. Caucasian cultural circle: Traditions and modernity*. M., Tbilisi, International Research Institute of the Peoples of the Caucasus, 2003, pp. 11–17. (In Russian).

29. *Dagestanskije vedomosti* [Dagestan Gazette], 1913, January 7. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Адаты кавказских горцев: опыт российской рецепции / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 118–129.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Adats of the Caucasian Highlands: Experience of Russian Reception / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 118–129. (In Russian).

УДК 94(470.314)

**БЫТ РАБОЧИХ СТЕКОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДА Ю.С. НЕЧАЕВА-МАЛЬЦОВА
В ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНОМ)**

Р.Д. Платонов

**THE LIFE OF WORKERS OF THE GLASS INDUSTRY
OF THE VLADIMIR PROVINCE AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY (BASED ON THE EXAMPLE
OF YU.S. NECHAEV-MALTSOV FACTORY IN GUS-KHRUSTALNY)**

R.D. Platonov

Аннотация. Статья посвящена быту рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном в начале XX века. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся жилища, обучения, питания, здравоохранения, социальной защиты, религиозности, а также участие рабочих в революционных кружках. Рабочие стекольного завода в Гусь-Хрустальном, безусловно, были мастерами своего дела. Благодаря их деятельности Гусевский стекольный завод стал одним из сильнейших предприятий стекольной промышленности во всей Российской империи. Гусевские рабочие-стеклоделы сумели принести заводу мировую известность и славу, выпуская продукцию высшего качества, пользующуюся большим спросом во многих странах мира. Начало XX века было довольно трудным временем для рабочих все отраслей российской промышленности, в том числе и стекольной, так как российский капитализм только начинал развиваться, в отличие от европейских государств, опережавших Российскую империю в данном вопросе. Этот фактор не мог не затронуть и рабочих гусевского стекольного завода. Условия проживания рабочих, вопрос их социальной защиты, а также медицинское обслуживание, образование и религиозность напрямую оказывали влияния на жизнь и деятельность рабочих-стеклоделов, так как все это зависело от экономической ситуации в тот период времени.

Abstract. The article is devoted to the life of the workers of the glassworks in Gus-Khrustalny at the beginning of the 20th century. We are considering the Issues related to housing, education, nutrition, health care, social protection, religiosity and the participation of workers in revolutionary process. The employers of the glass factory in Gus-Khrustalny were certainly masters of their craft. Thanks to their labour, the Gusev glass factory became one of the strongest glass industry enterprises in the entire Russian Empire. Gusev glass workers managed to bring world fame and glory to the plant, producing products of the highest quality, which were in great demand in many countries around the world. The beginning of the 20th century was a rather difficult time for workers in all branches of Russian industry, including glass, since Russian capitalism was just beginning to develop, unlike European states that were ahead of the Russian Empire in this matter. This factor could not but affect the workers of the Gusevsky glass factory. The living conditions of the workers, the issue of their social protection, as well as medical care, education and religiosity directly influenced the lives and activities of glass workers, as all this depended on the economic situation at that time.

Ключевые слова: рабочие, стекольная промышленность, повседневность, жилищный вопрос, питание, фабричная школа, революция, Владимирская губерния начала XX в.

Keywords: workers, glass industry, everyday life, housing, food, factory school, revolution, Vladimir province at the beginning of the 20th century.

Стекольная промышленность на протяжении всего XIX века играла довольно значимую роль в экономической жизни Владимирской губернии. На ее территории располагалось немало предприятий данной отрасли, продукция которых распространялась по территории всей Российской империи. Эта заслуга принадлежит рабочим-стеклоделам, которые, безусловно, были мастерами своего дела. Для них, как и для рабочих других отраслей был характерен свой быт, в котором они жили, работали, проводили свой досуг. Эта напрямую оказывало влияние на их деятельность.

Чтобы узнать, что собой представлял быт рабочих стекольной промышленности Владимирской губернии в начале прошлого века, следует провести исследование на примере стекольного завода в Гусь-Хрустальном, принадлежащего известному на всю Российскую империю меценату и фабриканту Юрию Степановичу Нечаеву-Мальцову. Завод был одним из сильнейших предприятий данной отрасли не только во Владимирской губернии, но и во всей стране.

Логично следовало бы начать с вопроса о количестве рабочих на гусевском стекольном заводе. На начало XX века количество рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном составляло 600 человек [3, с. 170]. Основное число рабочих составляли мужчины, так как стекольное производство носило вредный характер, и женщинам было тяжело справиться с данной работой. Прием на работу осуществлялся в соответствии с законом от 3 июня 1886 года. Согласно нему каждому рабочему полагалась выдача расчетной книжки, в которых четко прописывались условия найма, размер оплаты, дата выдачи книжки. Оплата должна была производиться исключительно при помощи банкнот, а расплачиваться с рабочими купонами, условными знаками и хлебом руководству завода категорически запрещалось [4, с. 49].

Главной профессией на гусевском стекольном заводе была профессия стеклодува, занимающегося изготовлением стекольных изделий. Немаловажную роль играли другие специальности: баночники, отдельщики, кочегары и др. Условия их работы были очень тяжелые, приходилось работать по 12–16 часов в сутки в цехах у раскаленных стекловаренных печей, имея только час на обеденный перерыв, регламентированный трудовым законодательством.

В то же время рабочим предусматривалась выплата страхования в случае нанесения увечий в процессе их деятельности. Значимое нововведение для стекольного завода в Гусь-Хрустальном, как и для всех других промышленных предприятий в Российской империи, произошло в 1903 году, когда на всех предприятиях была введена должность фабричного старосты. Значение данной

должности заключалось в том, что фабричный староста выступал посредником между рабочими и хозяевами при возникновении различного рода вопросов, которые необходимо было решать [4, с. 93]. Таким образом, с этого момента у рабочих на стекольном заводе появилось свое представительство, которое начало активно участвовать в решении проблем, возникавших в области фабричной жизни.

Немаловажным вопросом у рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном был жилищный. Жилищные условия были непростые. Существовало два типа жилья для рабочих – казармы и частные дома. Первый тип жилья предназначался для рабочих, которые приезжали из окрестных сел. Казармы представляли собой многоэтажное здание с общими коридорами, с плохой вентиляцией и плохо отапливаемыми комнатами [9, с. 61].

Вторым типом жилья были частные каменные дома, строившиеся для кадровых рабочих, которые имели заслуги на производстве [10, с. 88]. Сами дома были разделены на две половины, в каждом из которых проживало по одной семье. Дом имел свой двор и сад, где жильцы могли вести сельское хозяйство – выращивать овощи и разводить домашний скот. Всего таких домов было 425 штук [3, с. 174]. Как уже отмечалось, данный тип жилья был доступен не всем, поэтому большинство рабочих жило в казармах.

Среди рабочего населения конца XIX – начала XX вв. было множество многодетных семей, что было обыкновением явлением для российского общества того периода. Детям рабочих было необходимо получать образование. Гусевский стекольный завод в данном вопросе не отставал от промышленных предприятий других отраслей, где при каждом производстве имелись фабричные школы. Такие школы были доступны и для детей рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном.

По результатам статистического исследования, проводившегося в 1901 году, было установлено, что при стекольном производстве в Гусь-Хрустальном располагалось две фабричные школы, рассчитанные на 700 человек каждая [3, с. 175]. Таким образом, на начало прошлого века в фабричных школах обучалось 1400 детей. Учебный день в такой школе составлял 5–6 часов с 10-минутным перерывом между уроками [7, с. 32].

Для подрастающего поколения при заводе было предусмотрено наличие мужского и женского училищ, где подростки могли получить азы рабочей специальности. Для мужского училища был предусмотрен 5-летний курс обучения, а для женского 3-летний [7, с. 132].

Однако вопрос образования у рабочих не ограничивался только наличием при заводе школ и училищ. Необходимость расширения образования показал результат переписи 1897 года, где отмечалось, что среди взрослого населения Гусь-Хрустального лишь 20 % являются грамотными [8, с. 6].

Чтобы повысить уровень грамотности, рабочие имели возможность посещения церковно-приходской библиотеки, в которой проводились курсы обучения чтению и письму для тех, кто был малограмотным. Стоит отметить,

что библиотека была бесплатной и попасть в нее мог каждый из рабочих завода [1, с. 64]. Наличие в библиотеке множества книг позволяло рабочим получать новые знания вне зависимости от уровня их образования.

Не оставался в стороне и медицинский вопрос. Где и как могли получать медицинскую помощь рабочие стекольного завода? Рабочие завода, как и все другие жители Гусь-Хрустального, могли обращаться за помощью в больницу, в которой располагался приемный покой.

При серьезных заболеваниях пациентов могли отправить на лечение в стационар, который мог содержать 82 человека, где им оказывали необходимую помощь. При этом больные могли получать бесплатное питание, так как в двухэтажном здании больницы располагалась кухня. Важное место в больнице занимала аптека, которая поставляла лекарства для больных.

Нужно отметить еще один важный момент в данном вопросе. Несмотря на развитие медицины в начале XX века, наличие инфекционных заболеваний среди населения Российской империи было известным фактом. Такие заболевания, как холера и оспа, были довольно распространенным явлением. Гусь-Хрустальный не был исключением. Если среди рабочих стекольного завода выявлялись случаи заражения инфекционным заболеванием, их помещали в инфекционный корпус, располагавшийся при больнице [3, с. 176]. Делалось это с целью не допустить распространения заражения среди всего рабочего состава, что могло пагубно сказаться на выпуске продукции завода.

Интересен вопрос о социальной защищенности рабочих, на какую социальную помощь они могли рассчитывать, работая на заводе.

Малоимущие могли обращаться за помощью в богадельню, построенную для этих целей в 1897 году. Сама богадельня была рассчитана на 40 человек. Какую же помощь могли получать рабочие в начале прошлого века? По статистическим данным, в качестве помощи фигурируют следующие пункты: выдача продуктов питания в размере $\frac{1}{2}$ пуда муки и $\frac{1}{4}$ пуда крупы, а при невозможности выдачи натуральным продуктом полагалась выдача денежной суммы взамен пайка [3, с. 176]. Всего в год на данный вопрос уходило 8 000 рублей, что говорит о важности данного вопроса.

Многие рабочие были из ближайшей округи, поэтому стоит рассмотреть вопрос о том, как рабочие осуществляли свои поездки. В начале прошлого века в Гусь-Хрустальном существовала железная дорога, построенная в 1899 году [7, с. 156]. Более того, нужно принять во внимание тот факт, что железная дорога соединяла Владимир и станцию Тумскую, что находилась в Рязанской губернии. Это давало возможность рабочим, проживавшим в прилегающих к данным местам селам, ездить на работу и домой, не затрачивая большого количества времени.

Немаловажным для рабочих стекольного завода стоял вопрос питания и продовольствия. Для решения данного вопроса при заводе были открыты торговые лавки, которые предоставляли возможность приобретать в них продукты по доступным ценам. На начало прошлого века для рабочих существовали

следующие товары по следующим ценам: пуд муки – 11,5 рублей, фунт масла – 2,4 рубля, соль – 26 копеек, чай – 1 рубль, и 20 фунтов муки пшеничной – 1,6 рубля. Ассортимент товаров для рабочих стекольного завода практически не отличался от обеспечения других промышленных предприятий, но товары, которые приобретались в продуктовой лавке, носили жизненно важный характер.

Некоторые особенности быта рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном относятся к освещению. Можно сказать, что для любого жилища рабочих, вне зависимости была ли эта казарма, или это был частный дом, главным источником освещения оставалась керосиновая лампа. Электрическое освещение было новшеством, которое было недоступно для простых людей. Семьи рабочих могли приобретать керосин в лавке за 70 копеек [10, с. 104], что не создавало проблем для многих рабочих семей.

Следующий важный момент, который следует рассмотреть – это религиозный вопрос. Безусловно, религия в начале XX века играла важную роль в жизни всего населения Российской империи. Почти все рабочие стекольного завода в Гусь-Хрустальном были православного вероисповедания. Дни церковных праздников объявлялись выходными днями.

В Гусь-Хрустальном на начало прошлого века существовало три православных храма, которые могли посещать рабочие по воскресным и праздничным дням. Первым самым большим храмом был Георгиевский собор, построенный и освященный в 1902 году [1, с. 96], в самом начале прошлого века. Храм был построен на деньги стеклопромышленника Юрия Степановича Нечаева-Мальцова.

Кроме Георгиевского собора в Гусь-Хрустальном существовали самый старый Свято-Троицкий храм, построенный и освященный в 1816 году, и храм-часовня Святой Великомученицы Варвары, освященный в 1885 году. Во всех этих храмах проводились православные богослужения. В них велись метрические книги, проходили обряды венчания, проводились таинства, евхаристии, крещения, а также пасхальные и рождественские богослужения с крестным ходом.

Следует отметить, что среди рабочих стекольного завода было незначительное число последователей других конфессий. Речь идет о приверженцах римско-католического вероисповедания. Это были в основном мастера-специалисты, приглашенные хозяином для освоения новых технологий и оборудования. Их количество было совсем незначительным. Разумеется, их религиозная жизнь, кардинально, отличалась от других рабочих. Для того чтобы участвовать в отправлении религиозного культа им приходилось ездить в губернский центр Владимир, так как там был единственный католический храм во всей Владимирской губернии – костел Святого Розария.

Необходимо также отметить, что все католики, работавшие на стекольном заводе в Гусь-Хрустальном, имели иноземное происхождение. Имена таких рабочих содержатся в специальном указателе, который является метрической книгой. Примерами рабочих-католиков являются: бригадир

Рода Вильгельм Вильгельмович [5, с. 37], уроженец Пруссии; стеклодув Иосиф Орсак [5, с. 37], австриец по происхождению; немец Мариан Бохман, проживавший во Владимире, но работавший мастером-стекольщиком на заводе в Гусь-Хрустальном [5, с. 52]. Вероисповедание не было преградой и не создавало конфликтов на заводе, так как приглашенные специалисты работали, как и все остальные.

Следует отметить еще один аспект взаимодействия рабочих и церкви, который существовал в начале прошлого века. Как уже отмечалось ранее, в те годы в Российской империи очень часто случались вспышки заболевания холерой. В решении данного вопроса свою положительную роль сыграла и церковь. В случае если возникала вспышка холеры, рабочие могли прийти в церковь, где им проводили разъяснения о мерах и способах предохранения от холеры и о способах оказания медицинской помощи [2, с. 3].

Важным моментом в повседневной жизни рабочих в начале XX века было их участие в политической деятельности. Начало прошлого века характеризовалось ростом революционных настроений среди рабочих масс. Это время характеризовалось созданием типографий для печатания агитационных листовок, организацией революционных кружков, столкновениями с полицией и армией, выступлениями на предприятиях. Революционные настроения не обошли стороной и Гусь-Хрустальный.

Среди рабочих-стекольщиков тоже были революционеры. Наибольшей популярностью среди рабочих пользовалась РСДРП, так как, именно, она отражала в себе интересы рабочего класса. В начале XX века в Гусь-Хрустальном также функционировала ячейка партии большевиков. В первые годы прошлого века существовали лишь мелкие кружки по 2–3 человека, главной деятельностью, которых было распространение листовок. К сожалению, все члены таких кружков были арестованы к концу 1902 года и отправлены в места лишения свободы.

Новая волна революционных настроений наступила в 1903 году. Деятельность предыдущих кружков не прошла бесследно, число социал-демократов среди рабочих постепенно увеличивалось. К 1904 году существовало несколько революционных кружков, между которыми была организована тесная связь [6, с. 12]. Главными видами революционной деятельности членов кружка были расклеивание прокламаций, проведение митингов и распространение революционных газет и журналов.

Первый крупный успех для революционеров произошел в 1904 году. Организованные волнения среди рабочих закончились успехом. Фабриканту Нечаеву-Мальцову пришлось выполнить, диктуемые рабочими, условия, главным из которых было смещение со своего поста управляющего Титова, который отличался своей жестокостью по отношению к рабочим [6, с. 13]. Это событие вызвало моральный подъем среди рабочих, которые стали активно вступать в партию. Свою активную роль рабочие революционеры позднее сыграют и во время первой русской революции.

Быт и повседневная жизнь рабочих стекольного завода в Гусь-Хрустальном в начале прошлого века мало чем отличались от рабочих других отраслей. Им приходилось трудиться в достаточно тяжелых условиях, а жилищный вопрос для многих обстоял также не самым лучшим образом. Существенным отличием от других заводов являлось то, что при стекольном заводе в Гусь-Хрустальном были школы, больница, богадельня и ряд других учреждений, которые были далеко не у всех промышленных предприятий в начале XX века. Однако даже этот фактор не мог обеспечить хороший уровень жизни. Отсюда, как следствие, рост революционных настроений среди рабочих, которые, впоследствии, сыграют значительную роль в сплочении и возникновении передового рабочего класса общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, С. Ю. Гусь-Хрустальный. Очерки истории Мещёрского края / С. Ю. Васильев. – Гусь-Хрустальный, 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.
2. Государственный архив Владимирской области. – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 3638. – Л. 3. – Текст : непосредственный.
3. Историко-статистические сведения о некоторых местностях Владимирской губернии. – Владимир : типография Губернского правления, 1901. – 188 с. – Текст : непосредственный.
4. Литвинов-Фалинский, В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция / В. П. Литвинов-Фалинский. – М. : Типография А.С. Суворина, 1904. – 344 с. – Текст : непосредственный.
5. Овчинников, Г. Д. Римско-католический некрополь Владимирской губернии (1872–1921 гг.) / Г. Д. Овчинников. – Владимир, 2011. – 96 с. – Текст : непосредственный.
6. Осьмов, Н. М. Гусевская организация РСДРП-РКП (большевиков) / Н. М. Осьмов. – Владимир : Бюро Истпарта Владимирского губкома РКП, 1923. – 39 с. – Текст : непосредственный.
7. Скулов, Н. И. Гусь-Хрустальный – столица Мещёрского края / Н. И. Скулов. – Гусь-Хрустальный ; Сергиев Посад, 2011. – 360 с. – Текст : непосредственный.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 томах. Том 2: Владимирская губерния / под редакцией Н. А. Тройницкого. – СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1905. – 234 с. – Текст : непосредственный.
9. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. – Владимир, 1890. – 68 с. – Текст : непосредственный.
10. Фабричный быт Владимирской губернии. – СПб., 1884. – 136 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Vasilev S. Yu. *Gus'-Hrustal'nyj. Oчерki istorii Meshchorskogo kraja* [Gus-Khrustalny. Essays on the history of the Meshchersk region]. Gus'-Hrustal'nyj, 2006. 352 p. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti* [The State Archive of the Vladimir region]. Fund 556, inventory 1, case 3638. (In Russian).
3. *Istoriko-statisticheskie svedeniya o nekotoryh mestnostyah Vladimirskoj gubernii* [Historical and statistical information about some areas of the Vladimir province]. Vladimir : Printing house of the Provincial Government, 1901. 188 p. (In Russian).

4. Litvinov-Falinskij V. P. *Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspekcija* [Factory legislation and factory inspection]. M., Printing house A.S. Suvorin, 1904. 344 p. (In Russian).
5. Ovchinnikov G. D. *Rimsko-katolicheskij nekropol' Vladimirskoj gubernii (1872–1921 gg.)* [Roman Catholic necropolis of Vladimir province (1872–1921)]. Vladimir, 2011. 93 p. (In Russian).
6. Osmov N. M. *Gusevskaya organizaciya RSDRP-RKP (bol'shevikov)* [Gusev organization of the RSDLP-RCP (Bolsheviks)]. Vladimir, Bureau of Istpart of the Vladimir Provincial Committee of the Russian Communist Party, 1923. 39 p. (In Russian).
7. Skulov N. I. *Gus'-Hrystal'nyj – stolica Meshchorskogo kraja* [Gus-Khrustalny – the capital of the Meshchersk region]. Gus-Khrustalny, Sergiev Posad, 2011. 360 p. (In Russian).
8. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [First general census of the Russian Empire in 1897], vol. 2: Vladimir province, edited by N. A. Troinitsky. SPb., Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. 234 p. (In Russian).
9. *Fabriki, zavody i prochie promyshlennye zavedeniya Vladimirskoj gubernii* [Factories, plants and other industrial establishments of the Vladimir province]. Vladimir, 1890. 68 p. (In Russian).
10. *Fabrichnyj byt Vladimirskoj gubernii* [Factory life of the Vladimir province]. SPb., 1884. 136 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Платонов, Р. Д. Быт рабочих стекольной промышленности Владимирской губернии в начале XX века (на примере завода Ю.С. Нечаева-Мальцова в Гусь-Хрустальном) / Р. Д. Платонов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 130–137.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Platonov R. D. The Life of Workers of the Glass Industry of the Vladimir Province at the Beginning of the XX Century (Based on the Example of Yu.S. Nechaev-Maltsov Factory in Gus-Khrustalny) / R. D. Platonov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 130–137. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 1:316.36:316.77

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
СУБЪЕКТОВ СЕМЕЙНОГО МИКРОСОЦИУМА**

В.С. Аветисян

**SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION
OF SUBJECTS OF THE FAMILY MICROSOCIUM**

V.S. Avetisyan

Аннотация. Исследуется автономия микросоциума на материале семейного диалога, который выражает динамическую сущность автономности семьи и брака. Автор уточнил концептуальные моменты, необходимые для формирования методологической базы исследования микросоциума в социально-философском аспекте. Выявлена особенность автономности семейного микросоциума, специфика социокультурной коммуникации в гендерном аспекте. Диалог имеет нравственный характер и уменьшает риски возникновения конфликтных ситуаций. Прерывание семейного диалога рискованно для целостности семьи, которая становится не органической, а механической системой. Значение исследования семейной автономии состоит в том, что можно использовать концептуальные уточнения и методологические установки в процессе изучения особенностей других видов микросоциума.

Abstract. The autonomy of microsociey is studied on the basis of family dialogue, which expresses the dynamic essence of the autonomy of family and marriage. The author clarified the conceptual points necessary to form a methodological basis for the study of microsociey in the socio-philosophical aspect. The peculiarity of the autonomy of the family microsociey and the specificity of sociocultural communication in the gender aspect are revealed. Dialogue is moral in nature and reduces the risk of conflict situations. Interrupting family dialogue is risky for the integrity of the family, which becomes not an organic, but a mechanical system. The significance of the study of family autonomy is that it is possible to use conceptual clarifications and methodological guidelines in the process of studying the characteristics of other types of microsociey.

Ключевые слова: микросоциум, семья, диалог, нравственные ценности, коммуникация, философия, гендер.

Keywords: microsociey, family, dialogue, moral values, communication, philosophy, gender.

Актуальность темы в свете возрождения традиционных ценностей в России несомненна. Трансформация традиционной семьи повышает роль культурной коммуникации у таких центральных субъектов коммуникации,

как муж, жена и дети. Задачи укрепления семьи требуют своего решения в теоретическом, практическом, образовательном, воспитательном и других аспектах. Микросоциумы – это не просто «кирпичики» общества, но представляют нечто гораздо большее, а именно: это своего рода органические «клеточки» многоклеточного социального организма.

Целью статьи является подготовка на материале исследования семьи концептуального базиса исследования микросоциума, в частности, уточнение значения терминов, необходимых для дальнейшего исследования темы (проблемы) микросоциума в социально-философском аспекте ввиду недостаточной разработанности данной темы в философском контексте.

Понятие микросоциума обозначает не просто группу людей или социальную среду, а обладающие специфической целостностью и автономностью особые формообразования в пространстве органической социальности [9, с. 197–200] или социокультурной социальности [5, с. 134–140]; формообразования, в которых человеческое, культурное и общественное достаточно комплиментарны в отличие макросоциумов, где человеческое, культурное и общественное, скорее реципрокны, чем комплиментарны, т. е. доминирует общественное либо человеческое. Виды микросоциумов многообразны: семейный, религиозный, соседство, микросоциум группы сверстников, формальные и неформальные группы жителей. Микросоциумы обладают своей автономностью, связанной с выраженной субъективностью деятельности, т. е. влиянием факторов сознательного и бессознательного в конструировании социальной реальности. Социально-философский аспект исследования микросоциума как раз и заключается в том, что в нем явно выражены моменты автономности, самоконструирования, замозаконности («своезакония»). Выделение такого аспекта, анализ проблемы в данном контексте придает изучению всех вопросов микросоциума философскую специфику, отличающую это изучение от сугубо социологического исследования. Социологи выбирают ракурс достаточно жесткой социальной детерминации действий людей, при которой субъективное начало либо объективируется, либо вообще элиминируется.

С учетом сказанного можно рассматривать социокультурную коммуникацию субъектов микросоциума. Такую задачу автор предполагает решать с учетом рефлексивных моментов в деятельности субъектов микросоциума. В частности, наиболее рельефно выступают субъективные моменты в таком виде микросоциума как семья.

Позволим себе некоторое уточнение методологического порядка. Микросоциум семейный логично изучать именно в социокультурном аспекте, поскольку культурное измерение социальности в рамках микросоциума гармонично сочетает в себе человека и общество. Сами социологи пришли к выводу, что абстрагироваться от культурного измерения социальных процессов было бы ограничением эвристических возможностей этой науки об обществе как целостной системе и о социальных подсистемах, о сферах общественной жизни. Такие исследователи, как Н.Д. Астахова [1, с. 28–34], Д.Ю. Куракин [6, с. 63–81] и другие, пользуются

плодотворной научной метафорой «железная клетка социологизма», введенной М. Вебером в заключительной части знаменитой его работы «Протестантская этика и дух капитализма» [4]. И дело не только в том, что социология должна выполнять гуманистическую функцию, защищая человека и культуру от социальной гетерономии, онтологического рационализма, но и в том эпистемологическом ракурсе, который позволяет находить новое истинное знание, не редуцированное к социальной системе, с одной стороны, но также и к биологизированной природе человека, с другой стороны. Роль культуры настолько значима, что А.В. Ахутин предлагает термин «микросоциум культуры», который, возможно, более точно отражает многомерную природу микросоциума [2, с. 81].

Семья является важным репрезентативным видом микросоциума, поэтому обратим на нее особое внимание. Характерно, что на семью как идеал сплоченности и солидарности ориентируется, «равняется» воинское подразделение, трудовой коллектив, коллектив образовательного учреждения. Вспомним строки из «Бородино» М.Ю. Лермонтова: «Полковник наш рожден был хватом: Слуга царю, отец солдатам». Другой пример. Часто компании декларируют тезис «Мы семья», хотя могут спекулировать на этом, например, формулируют такой корпоративный императив: «В нашей дружной семье ненормированный рабочий день». Наконец, как известно, Конфуций моделирует управление большим обществом-государством по алгоритму семейного самоуправления, что может показаться наивностью или явной социологической ошибкой в социальной инженерии великого мыслителя. Однако попытаемся, как говорится, найти рациональное зерно и в таком подходе.

Очень большое общество нуждается в самоуправлении на основе нравственных норм. Как показала история китайского общества, социально управление регулирование общественной жизни при помощи правовых норм, санкционированных государством с его монополией на насильственные действия против нарушителей этих норм, оторванных от нравственных норм, менее эффективно, чем ненасильственная политика, предложенная Конфуцием и основанная преимущественно на нравственных нормах. Очевидно, идея нравственной саморегуляции общества послужила одним из мотивов социальных воззрений русского писателя Л.Н. Толстого. Конфуций был одним из самых любимых философов Л.Н. Толстого. Кстати, такие известные русские мыслители, как М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, в основу своей социологии заложили эту идею естественной, нравственной, саморегуляции общества по принципу микросоциума.

Возникает вопрос о том, насколько применимо к семье понятие социокультурной коммуникации. Смысл коммуникации в отличие, скажем, от обыденного общения состоит в том, что это специализированное, профилированное и, как правило, профессиональное общение, имеющее свой язык и технические каналы передачи информации. Сделаем уточнение в том отношении, что специализированность и свой профиль в семейном общении присутствует, поскольку эта коммуникация протекает в основном в виде межличностного диалога относительно

автономных субъектов и носит гендерный характер, она производит новые смыслы, а главным результатом выступает взаимное понимание на базе общих ценностей и выработанного контекстуального языка (как вербального, невербального, так и языка пауз, молчания, прерывания и возобновления диалога, хороших и плохих семиотических игр и т. д.). Коммуникация и диалог применительно к микросоциуму могут очень сближаться. В семейном микросоциуме диалог – это ядро социокультурной коммуникации.

Отметим возрастание значимости гендерного аспекта социокультурной коммуникации в семейном диалоге. Ядром семьи, исходной базой ее, является брак. Кстати, отметим, что слово «брак», как и слова «понятие», «понимать», этимологически восходит к слову «брат». В браке мужчина и женщина учатся понимать друг друга, поскольку берут спутника по жизни, партнера делам, помощника по всем жизненным приятным и не очень приятным обязанностям. Если в Библии Бог творит женщину (Еву) как помощника мужчине (Адаму) [3, Быт 2:20], то очевидно, что и Адам помогает Еве. Замужняя жена, буквально «жена, стоящая за мужем», обеспечивается безопасностью, убежищем (социальной нишей), максимальной помощью после рождения ребенка и в процессе воспитания детей.

Однако и природные, и гендерные, т. е. социокультурные, особенности затрудняют взаимопонимание. Мы исходим из того, что автономность семейного микросоциума требует существенного синтеза личностных автономий в браке. Ввиду того, что в современной семье преобладает аспект личных отношений и возрастает значимость психологических аспектов личностной автономии, то брак по расчету или по воле родителей воспринимается как гетерономия (насилие над свободной волей). Основным законом автономии семейной автономии – закон любви личностей: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» [3, Ин 13:34–35]. Иисус дает этот закон, дополняя закон Ветхого Завета, гласящий, что мужчина и женщина – это одна плоть [3, Быт 2:24].

Основным мотивом разводов не случайно выступает несходство характеров. Характер в данном случае мы можем трактовать как ценностно-смысловую автономность личности. В характере мы видим мозаику привычек, ролей, экспектаций, гендерных стереотипов, которые обеим сторонам требуется адаптировать к условиям семейного Паноптикума. Если это удастся сделать успешно, то брак выдерживает испытание, а у детей оказывается хорошая перспектива на будущее. В народе процесс подобной адаптации и образования брачной автономии как суперпозиции личностных автономий получил такие мудрые названия, как «стерпится – слюбится», «притираются друг к другу», «привыкают друг к другу». Близость несет в себе особый вид рисков, например сужение личного пространства, хотя и увеличение дистанции в общении не менее рискованно. Например, при разводе судья обязательно учитывает факт совместного или раздельного проживания супругов в течение определенного времени. Очевидно также, что гостевой брак легче расторгается именно по этой причине. Исключения существуют, но они подтверждают правило.

Гендерные особенности мужчины и женщины представляют собой диалектические противоположности единого человеческого существа, которое стремится к целостности, выраженной в идеале андрогина. Однако при взаимодействии этих противоположностей противоречия между ними должны своевременно и адекватно разрешаться, не доходя до стадии болезненного конфликта. Диалог и служит таким способом разрешения противоречий. Сложность при разрешении противоречий состоит в том, что противоречия носят многоуровневый характер: биологический, психологический, культурный, социальный и так далее [7, с. 39–40]. Поэтому рациональные моменты диалога тесно связаны с эмоциональными и вообще иррациональными моментами, которые сознание субъекта коммуникации пытается рационализировать.

Попытаемся объяснить такой, казалось бы, совершенно иррациональный феномен, что брак погибает (хотя юридически он может продолжать существовать) из-за мелочей, как бы «пустяков». Дело в том, что в процессе образования брачной автономии может нарастать и накапливаться раздражение, которое ломает личностную автономию. Это раздражением имеет комплексный характер: биологический, психологический, нравственный и социокультурный. Нравственное раздражение – это реакция на факторы гетерономности, реакция, порожденная внутренними конфликтами, проекциями, подпороговыми нравственными ранами. Реакция на детали в одежде, стиль общения, внешности, у другого субъекта продиктована своими же нравственными ценностями и личностными смыслами. Возбуждается самооценка, начинает как бы вибрировать внутренний «гироскоп», то есть ценностная ориентация, возникает защитная реакция. Нравственная раздражительность трактуется как реакция нравственной автономии личности на гетерономные факторы. Риск семейной близости в том, что раздражитель постоянный и от него невозможно уйти, в результате чего теряется эмоциональная устойчивость и возникают конфликты [8, с. 73]. Многомерная несовместимость в браке (социальная, культурная, психологическая и биологическая) превращается для одного или обоих супругов в подобие древней китайской казни, когда человек сходил с ума из-за того, что ему на голову долго падали, казалось бы, безобидные капли воды. Каждая капля со временем воспринималась как удар молота. Аналогично такой пытке может стать реакция на мелочи при невозможности соединения двух характеров.

Диалог и общение в современной семье имеет ряд особенностей [10, с. 113–118], среди которых выделим негативное гетерономное влияние информации на личностную и семейно-брачную автономии. Информационное общество подвергает семейную и личностную автономию серьезным испытаниям, угрожая трансформациями интимности и приватности. В интерпретации Энтони Гидденса любовь трансформировалась и вместо романтической любви на первый план все больше выступает конфлюэнтная любовь (confluent love) [11]. В данном случае мы обращаем внимание на это обстоятельство в связи с тем, что существенно изменяется коммуникативность в сфере интимности. Такое изменение невозможно однозначно оценить как позитивное,

скажем, демократическое, или негативное, отрицающее устойчивые семейные ценности.

Казалось бы, сверхпрочные семейные ценности оказываются хрупкими, когда они выносятся в социальные сети. В виртуальных формообразованиях культуры концентрируются анонимные центры интимности. И, наоборот, реальная интимность лишается тайны, подвергаясь потоку явной и скрытой информации, которую можно характеризовать как гетерономию. Возник парадокс измены в виртуальной реальности. Для мужчины интимная связь в этом пространстве не является изменой. Для женщины, ориентированной на духовность, это очевидная измена, которая может привести к разводу.

Таким образом, мы уточнили некоторые концептуальные моменты, связанные с поиском социально-философского осмысления автономности семейного микросоциума. Современная семья строится в основном по принципу самозаконности, на основании взаимной индивидуальной любви, что предполагает добровольный союз двух личностных автономий в браке и рождение детей как аргумента прочности этого брака и расширение брачной автономии до уровня семейной автономии. Возрастание субъектности женщины ведет к трансформации традиционной российской семьи с вытекающими из этого такими последствиями как уменьшение рождаемости, рост числа разводов и другие. В то же время семья остается чрезвычайно устойчивым и одновременно динамичным социокультурным институтом. Динамичность состоит в том, что, с одной стороны, семейная автономия раскрывается во внутрисемейном диалоге и во внешней социокультурной коммуникации с большим социумом. С другой стороны, диалог не только укрепляет семейную автономию, но и выражает саму ее сущность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташова, Н. Д. «Железная клетка» М. Вебера как образ возможной защиты человека / Н. Д. Асташова. – Текст : непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – № 2. – С. 28–34.
2. Ахутин, А. В. Микросоциум культуры / А. В. Ахутин. – Текст : непосредственный // Ахутин А. В. Поворотные времена : статьи и наброски. – СПб. : Наука, 2005. – 741 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Православный печатник, 2023. – 1226 с. – Текст : непосредственный.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – Текст : непосредственный // Вебер М. Избранные произведения / составитель Ю. Н. Давыдов. – М. : Прогресс, 1990. – 316 с.
5. Губанова, М. А. Концепт социокультурной социальности / М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4. – С. 134–140.
6. Куракин, Д. Символические классификации и «Железная клетка»: две перспективы теоретической социологии / Д. Куракин. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2005. – Том 4. – № 1. – С. 63–81.

7. Липницкая, О. Г. Гендерный аспект отношений субъектов современной семьи / О. Г. Липницкая. – Текст : непосредственный // Человек и образование. – 2008. – № 4. – С. 39–44.

8. Похилько, А. Д. Эмоциональная и нравственная устойчивость современного педагога / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, Юй Сянь. – Текст : непосредственный // Направления развития образования в год педагога и наставника / А. Н. Верякина, Е. П. Сабодина, З. М. Дзокаева [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2023. – 208 с.

9. Похилько, А. Д. Идея органической социальности / А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка : материалы I Международной научно-практической конференции (г. Армавир, 15–16 октября 2021 года). – Армавир : Редакция газеты «Армавирский собеседник» (Армавирская типография), 2021. – С. 197–200.

10. Тимашева, Л. В. Особенности общения в современной семье / Л. В. Тимашева. – Текст : непосредственный // Logos et Praxis. – 2017. – Том 16. – № 4. – С. 113–118.

11. Giddens A. The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 212 p.

REFERENCES

1. Astashova N. D. "The Iron Cage" by M. Weber as an image of possible human protection]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*, 2016, no. 2, pp. 28–34. (In Russian).

2. Akhutin A. V. Microsociety of culture. *Povorotnyye vremena : stat'i i nabroski = Turning times : articles and sketches*. SPb., Nauka, 2005. 741 p. (In Russian).

3. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. M., Pravoslavnyy pechatnik, 2023. 1226 p. (In Russian).

4. Veber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. *Izbrannyye proizvedeniya = Selected works*, M., Progress, 1990. 316 p. (In Russian).

5. Gubanova M. A. Concept of sociocultural sociality. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2023, no. 4, pp. 134–140. (In Russian).

6. Kurakin D. Symbolic classifications and the "Iron Cage": two perspectives of theoretical sociology. *Sotsiologicheskoye obozreniye = Sociological Review*, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 63–81. (In Russian).

7. Lipnitskaya O. G. Gender aspect of relations between subjects of a modern family. *Chelovek i obrazovani = Person and education*, 2008, no. 4, pp. 39–44. (In Russian).

8. Pokhil'ko A. D., Gubanova M. A., Yuy Syan'. Emotional and moral stability of a modern teacher. *Napravleniya razvitiya obrazovaniya v god pedagoga i nastavnika = Directions for the development of education in the year of the teacher and mentor*. Cheboksary, Sreda, 2023. 208 p. (In Russian).

9. Pokhil'ko A. D. The idea of organic sociality. *Rossiyskaya tsivilizatsiya v epokhu global'noy evolyutsii: obespecheniye bezopasnosti i poisk putey resheniya problem v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka = Russian civilization in the era of global evolution: ensuring security and finding ways to solve problems in a changing world order*. Armavir, 2021, pp. 197–200. (In Russian).

10. Timasheva L. V. Features of communication in a modern family. *Logos et Praxis = Logos et Praxis*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 113–118. (In Russian).

11. Giddens A. *The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge, Polity Press, 1992. 212 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аветисян, В. С. Социокультурная коммуникация субъектов семейного микросоциума / В. С. Аветисян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 138–145.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Avetisyan V. S. Socio-Cultural Communication of Subjects of the Family Microsociety / V. S. Avetisyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 138–145. (In Russian).

УДК 122

ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ СУБЪЕКТА В ФЛОРЕНТИЙСКОМ ПЛАТОНИЗМЕ

Ю.Г. Поletaева

PRECONDITIONS OF THE TRANSCENDENTAL ONTOLOGY OF THE SUBJECT IN FLORENTINE PLATONISM

Y.G. Poletaeva

Аннотация. Современный трансцендентализм, несмотря на антиномичность описания понятия сознания, представляет собой развивающуюся философскую традицию. Трансцендентализм сыграл ведущую роль в методологической преемственности философии как метафизического знания, решая вопрос об основании познания и сущего в пользу познающего субъекта. Рассмотрение таких актуальных проблем трансцендентализма как генезис чистого сознания, в котором способ обоснования знания посредством понятия «жизненного мира» (Гуссерль), активного трансцендентального синтеза указывают на парадокс нередуцируемости понятия онтологического. Данное положение косвенным образом может быть связано с тематизацией трансцендентально-онтологической проблематики в ренессансном учении о достоинстве человека, сформировавшегося во флорентийском платонизме. Формируется онтологическая проблематика, тематизирующая идею сознания. Определяются предпосылки для концептуализации онтологического горизонта «жизненного мира» человека. Рассматривается специфика категории души, при этом ставится вопрос об онтологической реальности понятия достоинства, т. е. через его как субъективные, так и субстанциональные свойства.

Abstract. Modern transcendentalism, despite the antinomy of the description of the concept of consciousness, is a developing philosophical tradition. Transcendentalism played a leading role in the methodological continuity of philosophy as metaphysical knowledge, resolving the question of the basis of knowledge and existence in favor of the knowing subject. Consideration of such topical problems of transcendentalism as the genesis of pure consciousness, in which the method of substantiating knowledge through the concept of the "life world" (Husserl), active transcendental synthesis, points to the paradox of the irreducibility of the ontological concept. This position may be indirectly connected with the thematization of transcendental-ontological problematics in the Renaissance doctrine of human dignity, formed in Florentine Platonism. An ontological problematic is formed that thematizes the idea of consciousness. The prerequisites for conceptualizing the ontological horizon of a person's "life world" are determined. The specifics of the category of soul are considered, and the question is raised about the ontological reality of the concept of dignity, i. e. through its both subjective and substantial properties.

Ключевые слова: личность, онтология, неоплатонизм, трансцендентное, трансцендентальное, интериорность, темпоральность.

Keywords: personality, ontology, neoplatonism, transcendental, interiority, temporality.

«Онтологический поворот» Хайдеггера продолжавший традицию «преодоления» классической метафизики был обусловлен необходимостью переосмысления основополагающих категорий позитивизма и сциентизма,

устанавливая принципиальное различие между сущим и бытием как «подлинной и единственной темы философии» посредством введения методологического принципа онтологической дифференциации. «Старое» понятие метафизики, по утверждению Хайдеггера, предельным образом, представленное послекантовским немецким идеализмом, а именно в гегелевской науке логики, выражалось в абсолютном характере мыслимого «как развивающейся тотальности собственных определений и законов». Последнее соответствовало при этом «чистому ничто». Данное понятие в своем содержании было тождественно гносеологически мыслимой «истинной природе вещей». Оно представляло собой такой тип вопрошания о сущем, которое «предает забвению» саму категорию бытия. По мысли Хайдеггера, только через рассмотрение понятия бытия как некоего характера («склада») данности ("es gibt") эксплицируется онтология «фактической» реальности, прослеживаемая в конкретных историографических, нежели исторических, представлениях о ней, тем самым определяя бытие в качестве «человекоразмерного». При этом способность понимать становится творческим началом, преобразующим существующие формы познания. Однако, несмотря на новаторский вклад Хайдеггера в деле построения научно-методологического поля феноменологической рефлексии, одним из следствий рассмотренного выше хайдеггеровского представления о предмете философского знания как «экзистентно-онтологического типа опыта», является критическое рассмотрение его учения. Поводом для критики хайдеггеровской фундаментальной онтологии является нарекание в том, что современный человек, согласно очерченному вышеуказанному предмету онтологии, лишается возможности получения и осмысления личностного трансцендентального опыта. [1, с. 102]. В силу того, что современная философская мысль, вступившая в XXI столетие, нуждается в противоположность всему сказанному выше в «повороте метафизическом», переосмысляющем проблему свободы субъективности.

Понятие субъекта, устанавливающее приоритет деятельного начала, выражающегося в способности познания сущности понятия бытия, в границах классической онтологии, постулирует отказ от многообразных проявлений антропологического и исторического универсума, фиксируя тем самым, абсолютный формообразующий фактор его (субъекта) онтологичности. С точки зрения неклассической парадигмы в современной европейской философии понятие субъекта получает отождествление с человеческим «Я» как «основанием, смыслом и целью понимания и осуществления действительности в целом», имея при этом в виду так называемый «метафизический запрос» (Anfrage) Канта. «Метафизическая рамка» формообразования «Я», очерчивающая метафизическую традицию в ее границах может быть задана только познающим субъектом, «свободно определяющего себя в своем отношении к окружающему человеческому и внечеловеческому миру» [2, с. 14]. Согласно утверждению И. Канта, трансцендентальный субъект сам определяет отношения объекта действительного мира к образу (знания), генетически независимого от какого-либо опыта. Однако основанием для последовательности аргументов такого знания,

согласно Канту, выступает необходимость априорного синтеза разнородных друг другу понятий чувственности как непосредственной направленности на предмет познавательной деятельности и рассудка как понятийной фиксации связей и закономерностей внутри единой имманентной сферы познания.

Как отмечает А.Г. Черняков в работе «Трансцендентное и трансцендентальное», предприняв попытку «задать рамки неограниченному «праву познающего разума проводить свои (рациональные) конструкции на основе заключенных в нем самоочевидностей, Кант противостоял, разумеется, не столько аутентичному картезианству в целом, сколько (также связанной, безусловно, с именем Декарта) традиции «экспансивного», «нерефлектирующего» рационализма. Кант не смог отдать должного тому мощному усилию мысли, благодаря которому это «абсолютное право» было завоевано метафизикой Декарта» [2, с. 86, 88]. Таким образом, необходимо заключить, что само понятие существования трансцендентального субъекта все же должно содержать, что является немаловажным, некоторое решение коренного онтологического противоречия, выработанного всей новоевропейской философией.

Положение, согласно которому окружающий нас действительный мир является не просто миром трансцендентных природных объектов, а представляет собой многообразный, intersubъективный «жизненный мир» в полной мере зависящий от индивидуального, коллективного и культурно-исторического сознания, обусловленный в полной мере нередуцированным «горизонтом субстанциального бытия», утверждается и разрабатывается в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Согласно справедливому утверждению Ю.Г. Седова, «последняя экспликация абсолютного опыта сознания в феноменологии Гуссерля, требует обязательной постановки метафизических вопросов. Надлежит самым тщательным образом исследовать взаимосвязь таких понятий как *ego* и *субстанция*, что, следовательно, позволит выявить содержательную основу мыслительной способности, ее субстанциональность в единстве с рефлексией» [3, с. 131]. Более того, в работе «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии», Гуссерль указывает на утрату «жизненной значимости» («человеческого вот-бытия [Dasein]) как «неисследованной предпосылке» «уже наличествующего и находящегося в становлении смыслового гештальта» «жизненного мира», понимаемого мыслителем в качестве основания «фактической значимости» знания как таковой. В Третьей части «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» в параграфе 28, посвященном критическому анализу метафизических положений кантовского трансцендентализма, Гуссерлем утверждается следующее: «При кантовской постановке вопросов уже предполагается существующим повседневный окружающий жизненный мир, в котором все мы (в том числе и я, в тот или иной момент философствующий) обладаем вот-бытием как сознательные существа, и в не меньшей степени – науки как факты культуры в этом мире, со своими учеными и теориями» [4, с. 176].

Необходимо отметить, что понятие «жизненного мира» принимает ключевую роль в понимании радикального перелома европейской культуры, представляет собой основание чувственно феноменального мира (*die sinnliche Erscheinungswelt*), являясь презумпцией по поводу того, что сам «жизненный мир» выступает «субъективно-относительным установлением», «конституированного из духовной материи», «онтологически зависимо от трансцендентального сознания». При этом, на наш взгляд, следует обратить внимание, на то, что истинное обретение духовной свободы и «автономии европейского человечества» «абсолютно лишеном предрассудков», от каких-либо сдерживающих историческое и культурное развитие традиционных форм, коренным образом связано, по мысли Гуссерля, с ренессансной «философской формой «вот-бытия», «специфически человеческими вопросами», обуславливающими формирование ведущей роли новоевропейского научного знания, «чтобы из чистого разума, из философии свободно устанавливать правила для себя самого, для всей своей жизни» [4, с. 23–24]. Исходя из всего вышесказанного, мы можем определенным образом утверждать, что некоторые предпосылки перехода к описываемому данным образом трансцендентальному (трансцендентально-онтологическому) пониманию субъекта были заложены ренессансной гуманистической философией, в частности во флорентийском платонизме XV столетия.

Категориальное значение *Dignity*, которое Пико делает центральным элементом своей онтологической доктрины, обуславливается специфическими чертами флорентийского платонизма XV века. Однако первым мыслителем, представлявшим данное направление, усмотревшим в гуманистической идее человека решение центральных онтологических проблем, тематизирующих идею самопознания и самосознания, был Марсилио Фичино. Согласно утверждению И.Г. Гурьянова, несмотря на выраженный синкретический характер мыслительной деятельности М. Фичино, осуществившего в достаточной мере органичный синтез неоплатонизма, схоластической философии и магического оккультизма, флорентиец посредством пантеистической идеи тождественности и неразрывной связи бесконечного бытия абсолютных идей с миром конечных вещей, совершил принципиальные изменения в этико-эстетическом и антропологическом наследии эпохи в пользу онтологического рассмотрения ценностей как мировоззренческой составляющей [5, с. 11]. В духе гуманистического мышления, Фичино тщательным образом обосновывает космологическую и метафизическую протяженность (*extension*) понятия человеческого достоинства.

Еще одним немаловажным условием в данном рассмотрении, согласно утверждению А.Х. Горфункеля, являлась оппозиция, которую высказывал М. Фичино традиционному томистскому схоластическому проекту эвристического объяснения теологии в решении коренных онтологических проблем. Указанное принципиальное расхождение с томизмом на деле становилось не столько отрицанием его выводов относительно имплицитного применения

аристотелевского метафизического различения сущности и существования, сколько введением в круг рассмотрения новых теологических понятий так называемой «непрерывной философии» ("philosophia perpetua"), специфическим образом отражающих сугубо ренессансные представления о системе опосредованного отношения Бога, мира и человека в флорентийском платонизме [6, с. 498]. При этом, что является важным, концептуализируется особый «онтологический горизонт» повседневного жизненного мира человека как полный спектр реализуемых им динамических возможностей, умножающих достижения и инновации, встраивая в него различные иерархические уровни реальности, базисной основой которого является пантеистическое понимание Бога, который и составляет мир в целом. В своей «Платоновской телеологии о бессмертии души» Фичино пишет следующее: «Мир понимается как «точнейший образ Бога, как бы то же, «что и сам Бог (*idem est atque ipse Deus*)», «идея человека и истинный человек» являются тождественными [7, с. 535].

Важно обратить внимание на те положения философской системы Фичино, согласно которым, развивая свои апологетические толкования диалогов «Божественного Платона» «Государство» и «Пир» в русле вышеприведенных доводов «Платоновской телеологии», Марсилио Фичино утверждает, что истинное знание о действительно существе является «самым надежным защитником всевозможных пороков и недугов» в человеческой жизнедеятельности. Например, как «в случае чрезмерной свободы и рабства», «ведь такова природа, и вещей, и времен». Одновременно мы находим в вышеуказанном тексте флорентийца один из основополагающих аргументов платонической телеологии познания, позволяющие ему тщательным образом анализировать теоретические наработки и положения, формулируемые им в границах перипатетической натурфилософии. Весьма примечательно, что данные допущения об особом строении знания о мироздании в целом и роли человека в нем, во многом аналогичны гносеологическим представлениям о целостности и цельности «разноуровневых» процессов в человеке, обществе и космической сфере, выстраиваемых Платоном в таких диалогах, как «Алквиад» и «Федр»: «Отсюда, значительным образом вытекает допущение, что определенной значимой онтологической предпосылкой в построении такой системы Фичино становится выработанное им экзистенциально-онтологическое понятие "*virtus*", которое мыслитель определяет как онтологическое «качественное превосходство» в качестве меры какого-либо рационального отношения, исключаяющего при этом из рассмотрения метафизическую модальность «необходимости» схоластической категории «Ничто» [8, с. 12].

Указывая на конечную и одновременно бесконечную, «божественную сущность» («качественное превосходство») человеческой души, деятельность которой обусловлена не только чувственным миром, но и одновременно высшим трансцендентным началом, Марсилио Фичино вплотную подходит к вопросу об особой онтологической реальности «иерархической простоты»

достоинства («рационального качественного превосходства») и совершенства, которая «всегда тождественна и подобна сама себе». Такое полагание понятия души необходимо рассматривать как высшее трансцендентальное условие познания и существования человека, преодолевающее как дуалистические, так и креационистские представления, вырабатываемые в пределах средневекового ортодоксального теоцентризма. Как показал А.Я. Тыжов, все мироздание в целом, согласно утверждению Фичино, «также обладает своей душой, которая пронизывает собой все, в том числе и человека. Душа свободно движется, руководствуясь в этом движении своим свободным решением. Гуманист постоянно возвращается к теме присутствия в человеке души мироздания и человеческой души в мироздании» [9, с. 16].

Идею достоинства человека в антропоцентрическом учении Пико делла Мирандолы, представленному им в знаменитом докладе для публичного диспута «Речь о достоинстве человека», по справедливому замечанию К.А. Сергеева, «можно уподобить картезианскому "Ego cogito", обреченному на непрерывное усилие мышления» и творческой деятельности, «для того, чтобы просто быть» [7, с. 589]. В определении человека, которое Джованни Пико дает в данном сочинении, критерием его спецификации становится его рассмотрение как особого опосредствующего звена в непрерывном пространстве действительного существования между «миром всего сотворенного сущего, включая сверхчувственную природу ангелов» и единым необходимо существующим совершенным бытием бога, соответствующем совершенному благу. Пико делла Мирандола полагает, что человек представляет собой «существо неопределенного образа», творящего себя самого, когда «Бог-творец», «завершив все дела, как свидетельствуют Моисей и Тимей, задумал наконец сотворить человека. Уже все было завершено, все распределено по высшим, средним и низшим сферам. Тогда согласился Бог с тем, что человек – творение неопределенного образа, и, поставив его в центр мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все» [10, с. 249].

Мы видим, что представленные нами выше высказывания Пико радикальным образом различны онтологическим представлениям М. Фичино, обоснованным в духе неоплатонизма, в ходе построения которых христианское понятие души (человека) наделяется мыслителем безусловными, сущностными характеристиками выявляемых связей и взаимозависимостей всех ступеней космической иерархии. Мы находим весьма значимые размышления Пико делла Мирандолы о достоинстве человека, которые эксплицируются в особом гуманистическом (схоластическом) дискурсе отождествления и сопоставления воли и знания, который «не вмещается, как оказалось, «ни в один из трех «горизонтальных миров ее традиционно неоплатонической структуры (элементарного, небесного и ангельского)». Согласно утверждению

В. Лефевра существо гуманистической рефлексии означает такое понимание «Я» субъекта, которое, по существу, олицетворяет образ зеркала абсолютного и универсального сознания, в качестве «рефлексии нулевого порядка» [11, с. 24]. Такое осмысление познавательной деятельности человека, вмещающая в себе единство самосознания субъекта, не допускает никаких ограничений. Познание «трансцендируется за собственные пределы», формируя тем самым свободное и раскрепощенное мироотношение.

Как утверждает П. Блум, в знаменитом заявлении Пико в его «Речи» мы имеем дело с признанием Пико в духе декартовского рационализма абсолютных экзистенциальных оснований присущих «предвосхищающему» человеческому уму способного познавать окружающий его мир «с совершенной очевидностью и предельной отчетливостью, не оставляющей никакого сомнения в содержании мыслимого». Другими словами, мы одновременно имеем дело с некоторого рода трансцендентальной редукцией как содержанием сознания, фиксируемой в результате утраченного и вновь обретаемого самим человеком какого-либо онтологического положения в мире, поскольку его существование не обусловлено никакой предопределенной позицией в иерархии вещей и с ренессансным понятием микрокосма как образом единого мира.

Понятие трансцендентального конструирования, структурирующего многообразие содержания человеческого знания и идея творения, по мысли Блума, становятся, теперь, понятиями сопряженными. Исследователь следующим образом указывает на данную двойственность: по мысли Джованни Пико, «человек может подняться до священного уровня ангелов или опуститься до низшего своего состояния, в зависимости от того, как он использует свой разум. Переход от христианского образа человека как «вырванного с корнем дерева», выражающего средневековый пессимизм к гуманистическому образу индивидуального интеллекта как центра мира становится главной составляющей гуманистического мировоззрения. Когда Декарт радикальным образом выявляет подлинный ход человеческой мысли в своем знаменитом положении «я мыслю» – единственное, что можно сказать с определенностью и очевидностью, он все еще делает ставку на открытие Пико: человек – это человек в действии, а мир – это место, где человек находится в центре» [12, с. 23].

Именно такое представление о человеке, рассматриваемом как «творение неопределенного образа», обретающем способность «самопроизвольного бытия», понимается Джованни Пико в качестве динамического (деятельного), онтологического и гносеологического основания существующего, как «центра» объективно существующего мира. Здесь мы сошлемся на один неожиданный, но важный для дальнейшего хода рассмотрения, тезис К.А. Сергеева в его монографии «Ренессансные основания антропоцентризма». Тезис звучит следующим образом: «В понимании человека как сущего неопределенной природы термин «природа», отождествляемый с онтологическим пониманием мира, становится ключевым,

означающим фундаментальное отношение человека к самому себе и ко всему иному вообще». Указанная интерпретация связи двух миров: видимого, действительного мира и деятельного мира субъекта выражается, по мнению исследователя, в следующем двойственном отношении: «или человек в своей телесности, с присущими ей влечениями, оказывается основой для постижения или упорядочивания мира, и тогда вся мощь «стихий» концентрируется в его телесности, требующей полного освобождения; или природа как таковая осознается в качестве неоформленной материи, в неопределенном качестве вещества, и тогда ум определяется как нематериальное, духовное, творческое» [13, с. 546–547].

Мы можем сделать вывод, согласно которому, Пико в своих рассуждениях о «неопределенности» человеческого образа опирается на факт особого рода «ценностной интенциональности» познания, представляющей собой «некое интуитивное ощущение и предпонимание высшего начала собственной и общечеловеческой жизни».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паткуль, А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера / А. Б. Паткуль. – СПб. : Наука, 2020. – 810 с. – Текст : непосредственный.
2. Черняков, А. Г. В поисках утраченного субъекта / А. Г. Черняков. – Текст : непосредственный // Метафизические исследования. Выпуск 6: Сознание. – СПб. : Алетей, 1998. – С. 11–38.
3. Седов, Ю. Г. О связи трансцендентальной логики и эгологии: историко-философский аспект / Ю. Г. Седов. – Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovation. Investments. – 2021. – № 3. – С. 130–137.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. – СПб. : Наука, 2013. – 399 с. – Текст : непосредственный.
5. Гурьянов, И. Г. Рецепция платонизма в антропологии М. Фичино : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гурьянов Илья Геннадьевич. – М., 2017. – 208 с. – Текст : непосредственный.
6. Горфункель, А. Х. Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. – М. : Либроком, 2018. – 370 с. – Текст : непосредственный.
7. Фичино, М. Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах / М. Фичино. – СПб. : Владимир Даль, 2020. – 831 с. – Текст : непосредственный.
8. Lim D. The Reseption of Giovanni Pico della Mirandola in Early Modern England. – URL: https://www.academia.edu/4686144/The_Reception_of_Giovanni_Pico_della_Mirandola_in_Early_Modern_England (дата обращения: 18.01.24).
9. Тыжов, А. Я. М. Фичино и его «Платоновская теология» / Я. М. Тыжов. – Текст : непосредственный / Фичино М. Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах. – СПб. : Владимир Даль, 2020. – С. 5–18.
10. Делла Мирандола, Дж. Пико. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола. – Текст : непосредственный // Эстетика Ренессанса : антология : в 2 томах. Том 1. – М. : Искусство, 1981. – С. 243–305.
11. Лефевр, В. С. Рефлексия / В. С. Лефевр. – М. : Мысль, 2003. – 247 с. – Текст : непосредственный.

12. Сергеев, К. А. Ренессансные основания антропоцентризма / К. А. Сергеев. – СПб. : Наука, 2007. – 594 с. – Текст : непосредственный.
13. Blum P. R. Giovanni Pico della Mirandola (1463–1494) and Renaissance philosophy // *Philosophers of the Renaissance*. – Catholic University of America Press, 2010. – Pp. 22–30.

REFERENCES

1. Patkul' A. B. *Ideya filosofii kak nauki o by'tii v fundamental'noj ontologii Martina Hajdeggera* [The idea of philosophy as a science of being in the fundamental ontology of Martin Heidegger]. SPb., Nauka, 2020. 810 p. (In Russian).
2. Chernyakov A. G. Searching for the Lost Subject. *Metafizicheskie issledovaniya. Vypusk 6: Soznanie = Metaphysical research. Issue 6: Consciousness*. SPb., Aletheia, 1998, pp. 11–38. (In Russian).
3. Sedov Yu. G. On the connection between transcendental logic and egology: historical and philosophical aspect. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intellect. Innovation. Investments*, 2021, no. 3, pp. 130–137. (In Russian).
4. Gusserl' E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: Introduction to phenomenological philosophy]. SPb., Nauka, 2013. 399 p. (In Russian).
5. Gur'yanov I. G. *Receptiya platonizma v antropologii M. Fichino* [Reception of Platonism in anthropology M. Ficino]. M., 2017. 29 p. (In Russian).
6. Gorfunkel' A. X. *Filosofiya epohi Vozrozhdeniya* [Renaissance philosophy]. M., Librokom, 2018. 370 p. (In Russian).
7. Fichino M. *Platonovskaya teologiya o bessmertii dushi v XVIII knigah* [Plato's theology on the immortality of the soul in the XVIII books]. SPb., Vladimir Dal', 2020. 831 p. (In Russian).
8. Lim D. *The Reseption of Giovanni Pico della Mirandola in Early Modern England*. URL: https://www.academia.edu/4686144/The_Reception_of_Giovanni_Pico_della_Mirandola_in_Early_Modern_England.
9. Tyzhov A. Ya. M. Ficino and his "Platonic Theology". *Fichino M. Platonovskaya teologiya o bessmertii dushi v XVIII knigah = Fichino M. Plato's theology on the immortality of the soul in the XVIII books*. SPb., Vladimir Dal', 2020, pp. 5–18. (In Russian).
10. Della Mirandola Dzh. Piko. Speech about human dignity. *Estetika Renessansa = Aesthetics of the Renaissance*. M., Iskusstvo, 1981, pp. 243–305. (In Russian).
11. Lefevr V. S. *Refleksiya* [Reflection]. M., Mysl', 2003. 247 p. (In Russian).
12. Sergeev K. A. *Renessansnye osnovaniya antropocentrizma* [Renaissance foundations of anthropocentrism]. SPb., Nauka, 2007. 594 p. (In Russian).
13. Blum P. R. Giovanni Pico della Mirandola (1463–1494) and Renaissance philosophy. *Philosophers of the Renaissance*. Catholic University of America Press, 2010, pp. 22–30.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Поletaева, Ю. Г. Предпосылки трансцендентальной онтологии субъекта в флорентийском платонизме / Ю. Г. Поletaева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 146–154.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Poletaeva Y. G. Preconditions of the Transcendental Ontology of the Subject in Florentine Platonism / Y. G. Poletaeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 146–154. (In Russian).

УДК 316.3

**СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Н.Н. Равочкин, П.Н. Рвалов

**SPECIFICITY OF FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE NETWORK SOCIETY:
PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

N.N. Ravochkin, P.N. Rvalov

Аннотация. В статье рассматривается специфика становления и развития сетевого общества в реалиях современного мира. Изучаются наиболее значимые теоретические работы и анализируются исследовательские подходы, позволяющие дать интегральное понимание сетевого общества как одного из вариантов постиндустриального транзита. Выявлены ключевые характеристики, определившие становление сетевой модели социума и в связи с ними обозначены ее проявления по сферам жизнедеятельности. Обозначена природа трансформации intersubjective взаимодействий и перестройки типов коммуникаций в конституировавшихся сетевых условиях. Представлена и раскрыта природа западных и восточных типов развития сетевых обществ в современном мире. В заключение работы подводятся итоги исследования.

Abstract. The article examines the specifics of the formation and development of the network society in the realities of the modern world. The most significant theoretical works are studied and research approaches are analyzed to provide an integral understanding of the network society as one of the options for post-industrial transit. The key characteristics that determined the formation of the network model of society have been identified and, in connection with them, its manifestations in spheres of life have been identified. The nature of the transformation of intersubjective interactions and the restructuring of types of communications in the established network conditions is indicated. The nature of Western and Eastern types of development of network societies in the modern world is presented and revealed. At the end of the work, the results of the study are summed up.

Ключевые слова: сеть, общество, техника, цифровые технологии, информация, данные, коммуникация, медиа.

Keywords: network, society, technique, digital technology, information, data, communication, media.

Изучение современного общества предполагает выявление доминирующих тенденций в его становлении и развитии. В социально-гуманитарном знании сформировалось несколько концепций, представители которых принципиально по-разному определили векторы становления социальных связей современности. Одним из наиболее известных подходов можно считать

технократический концепт, в рамках которого принципиальным оказывается развитие соответствующей стороны общества. В литературе отмечается, что вынесенная в название статьи разновидность общества может трактоваться как способ организации коллективной жизнедеятельности, «социальная структура которого имеет преимущественно сетевой характер благодаря массовому распространению информационных технологий и достижениям микроэлектронной революции» [9, с. 88]. Далее отметим, что существуют расхождения в рамках данного подхода: одни мыслители настаивали на принципиальной значимости развития именно технической сферы бытия человека и его связей с другими людьми. Полагается, что сетевое общество целиком и полностью основано на достижениях информационной сферы и реализации технического прогресса.

Другие же интеллектуалы высказывали убежденность в необходимости анализа околотехнических и скорее сетевых связей и отношений как базовых свойств системы. При этом полагается, что технические средства являются всего лишь условиями, в которых реализуется система сетевых взаимодействий. Последние чаще приобретают цифровую форму, однако их природа остается традиционной: они определяются через множество людей, связанных между собой системой отношений, которые детерминируют сущность субъектов, входящих в образуемые связи. В рамках классической социальной науки и более поздних концепциях признается принципиальная значимость сетевых форм отношений. Стремительно увеличивается количество работ, обращаясь к категории «сеть» в целях анализа социальных структур и изучения взаимодействий внутри них. Сам же основополагающий термин неразрывно связан с феноменами «коммуникаций». Для нашего исследования их наиболее точное понимание укладывается в следующее прочтение – это «конструируемые социальные связи на уровне так называемой всеохватной сети, при этом практически исключавшие частные случаи социального взаимодействия из предмета рассмотрения» [4, с. 15]. Предполагается, что определяющими становятся именно связи между отдельными субъектами вне зависимости от их количественной характеристики.

Следует говорить, что идея сетевого общества определяется скорее системными связями, которые фундированы возможностями создания новых форм взаимодействия исключительно на основании обозначенной разновидности интеракции. В самой своей основе ученые, изучающие сетевой принцип взаимодействия, предпочитают придерживаться интерпретации главной категории как множества дружеских, родственных и даже классовых связей, которые определяют функционирование общественной системы во всех сферах ее существования [13]. Можно заметить, что генезис и становление сетевого общества детерминирован системой отношений между ее элементами, что позволяет влиять на все возможные свойства каждого из участников такой интеракции. Техническая сторона такого общества мыслится всеми представителями данной концепции в качестве вторичной, но никак

не определяющей. Более того, использование ресурсов сетевого взаимодействия в различных сферах коллективного бытия позволяет влиять на возможность использования определенного набора технических средств. Вместе с тем заметим, что спецификой современного сетевого подхода становится развитие соответствующего взаимодействия в различных технических и технологических условиях общественной жизни. Полагается, что традиционная сетевая интеракция приобретает новый, порой виртуальный, характер, а значит, появляется необходимость обновления технологического уровня всего общественного окружения.

На сегодняшний момент анализируемый нами подход сосредоточивается вокруг идеи о взаимной детерминации сетей и технических средств. Ученые высказывают положение о том, что «повсеместное использование электронных средств коммуникации детерминирует развитие сетевого общества и сетевых коммуникаций» [4, с. 15]. Можно говорить о частичной определенности технической стороной сетевых форм взаимодействия лишь на том основании, что на деле изменяются лишь формы коммуникации. Так, новые способы трансляции информации облегчают многие взаимодействия между социальными субъектами благодаря появлению цифровых способов передачи данных. Вместе с тем, следует дополнить представленную логику положением о коллективном поиске и создании новых форм творчества и научной деятельности, которые в определенной степени позволяют в более высоком темпе создавать технико-технологические решения и схемы.

По нашему мнению, специфику становления сетевого общества можно связать с тремя важными факторами:

1) информационной и технологической революцией, перестройкой этой стороны интеракции между всеми ее структурными элементами. Отметим, что технологические основания в значительной степени определяют саму возможность и способность формирования сетевой структуры современного социума. Важно понимать, что «сеть» как онтологическая категория современности разворачивается всю систему отношений к продуцированию множества новых знаний, которые в дальнейшем применяются в производстве передовых технологий. Получается, что информационная составляющая сетей обеспечивает их самовоспроизводящий, или же «зацикленный на себе», характер;

2) кризисом капиталистической системы, что в конечном счете приводит к формированию новых экономических систем, так или иначе вплетенных в глобальную экономику. Сетевые отношения в значительной степени определяют необходимость разделения производственных мощностей и использования ресурсы тех районов, в которых создание конкретных форм социально значимых продуктов на практике является крайне эффективным [3]. Более того, использование интернет-технологий упрощает взаимодействие между участниками рынка, сокращая, а порой и нивелируя физическое расстояние между ними;

3) интенсивным и повсеместным распространением новых социальных движений, которые оказываются способными влиять на актуальную повестку дня. Частным случаем можно считать культуру «виртуальной реальности», в которой знаковым представляется новый тип отношений к субъектности.

Отсюда полагаем, что сетевое общество приобретает ряд соответствующих проявлений:

1. Информационная экономика максимально сильно зависит от знаний, данных и их обработки, включая формирование эффективного менеджмента, призванного в максимально доступном виде управлять такими ресурсами.

2. Частные экономические системы, выраженные в региональных и даже локальных экономиках, зависят от глобального рынка. Важно понимать, что более не существует массового частного и личного, все отдельные формы экономической взаимосвязи детерминируются общемировыми тенденциями.

3. Национальные государства заменяются своими сетевыми и цифровыми аналогами. По этому поводу Э. Кастельс замечает, что «новое государство информационной эпохи являет собой новый тип сетевого государства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [2, с. 29]. Берет свое начало совершенно иной принцип построения политической системы государства и общества: более не так принципиальна вертикаль властных полномочий, сколько важны горизонтальные связи и отношения. Отныне сеть связанных между собой политических субъектов определяет, каким образом будут приниматься значимые для государств решения. Как следствие, возникает новый принцип соответствующей коммуникации, которая она включает в себя множество отдельных взаимосвязанных частей, взаимного давления одних акторов на других. Значимой, а то и вовсе определяющей технологией коммуникации, становится именно дискуссия, но никак не силовое давление со стороны доминирующих сил и союзов. Более того, национальный, региональный, равно как и иной уровень принятия решений, более не является организующим, все реализуемые инициативы проходят одновременно несколько инстанций.

Самоочевидно, что имеющиеся мнения по поводу воплощения концепции сетевого общества на практике не приходят к единству. Некоторые ученые трактуют данный подход как вариант цивилизационного развития, указывая на перспективность развития каждого отдельного национального общества в рамках трансформации его технологической стороны. Предполагается, что появление информационного общества суть выражение количественных изменений, в то время как его сетевой вариант представляет собой качественное развитие социальной ткани. Причиной тому ученые считают способность общества к переходу на совершенно новый этап существования и развития. Количественность как свойство информационного общества определяется масштабом распространения технико-технологических инноваций

и решений, в то время как качественность сетевого общества определяется переходом на новый тип связей между субъектами.

В научной литературе имеется еще ряд вариантов проявления концепции сетевого социума. А.С. Соколова пишет, что «сеть представляет собой систему связей между элементами одного целого, где элементы являются узлами, а целое – системой. Сети являются сложным способом организации живых систем, в которых наименьшее количество звеньев равно трем, а наименьшее число связей – двум» [11, с. 236]. Как следствие, возникает множество принципиально различных связей и отношений, которые самостоятельно определяют свойства и функционирование субъектов, включенных в них. Далее заметим, что в концепции Д. Барни понимание сети может трактоваться через призму восточной или же западной (европейской и американской) культуры, в каждой из которых неповторимым образом определяется функционирование сети. Можно даже говорить о том, что свойства участников социальных интеракций определяются системой отношений между ними наравне с плюрализмом особенностей культуры. При составлении типологии обществ на западные и восточные он указывает на фундаментальную разницу между ними: первые базируются на индивидах как узловых элементах любого общества, тогда как вторые – на группе [14]. Сторонники и разработчики западного варианта высказывают положение о том, что субъекты, будь то отдельные люди, равно как и целые организации, вступая в систему отношений, формируют сетевой тип взаимодействий. При этом благодаря техническим достижениям современное сетевое общество может быть диверсифицировано пространственно и во времени. Активной становится форма распределения имеющихся благ во многие разнообразные сферы современного общественного устройства, что и приводит к сетевизации социальной ткани. Подобный процесс определяет перспективу для различных форм комбинаций сетей и медиасетей, которые могут считаться основанием организации современной общественной жизни [2; 14].

В рамках представленной логики становится понятным положение М. Кастельса о сети как основании совместной деятельности людей, а также структуры, которая полностью игнорирует границы. Малые социальные субъекты, отдельные люди и малые группы, вступая в различные формы интеракции между собой и крупными игроками во всех сферах общества, задают тип коллективной коммуникации, ее непрерывность, что в значительной степени определяет легкость адаптации любого участника таких взаимодействий к быстро изменяющимся внешним условиям [2]. В данном отношении обращает на себя необходимость поиска баланса в паре «государственный контроль – рыночные законы». Закономерным представляется широко известный тезис о необходимости внесения корректировок, касающихся уточнения роли государства и рынка, которая бы изменялась в зависимости от контекстуальных условий. Вместе с тем в рамках существующих форм европейского понимания сетевого общества значимой оказывается проблема

информационного неравенства, основанная на избыточной либерализации рынка цифровых услуг и некоторой неспособностью государства к регламентации внешних форм взаимодействия акторов на этом рынке. По этой причине в Европейском союзе предполагается достижение цели по развитию «универсального обслуживания».

Кроме всего прочего, в рамках европейской модели понимания сетевого общества разделяются такие понятия и социальные концепты, как «цифровое общество» и «сетевое общество», высказывается положение о детерминации второго варианта первым, что в итоге требует изучения ряда вопросов, связанных с человеко-ориентированной цифровой средой, возможностями этической и эстетической регламентации и изменения поведения, мыслей, действий и коммуникации ее участников. Особое внимание уделяется поиску, формированию и организации транснационального сотрудничества. В итоге мы видим, что в рамках европейского подхода к сетевому сообществу особенностью становится интеракция, основанная на единстве государственного и частного, выявления общих сосредоточенных на индивиде способов существования, а также выход на международный уровень едва ли не во всех сферах общественных отношений.

Иной является американская версия развития сетевого общества, включающая в себя примат максимизации частных действий и минимизации роли государства в регламентации подобных форм интеракции. В рамках такого подхода была сделана ставка на развитие информационных сетей и соответствующих им услуг, что в результате привело к необходимости использования цифровых и информационных технологий во всех областях коллективного взаимодействия. На политическом уровне формируется разветвленная сеть порталов и сайтов, используемых для политической коммуникации, дебатов и иных форм интеракции с избирателями и различными субъектами в политической сфере. Экономическая сфера стала включать в себя множество форм поддержки электронных и удаленных форм коммерции, развитие дистанционного способа экономической деятельности и прочего. Социальная сфера стала включать в себя множество интерактивных и дистанционных форм консультирования, продвижения соответствующих услуг, в том числе в сфере образования и медицины.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что западная форма сетевого общества трактуется как система интеракций, в которой каждый из социальных субъектов находится в непрерывном контакте, реализует все возможное количество аудиовизуальных контактов, дающих возможность постоянно быть online и на максимально возможных уровнях интегрироваться в сетевые связи. Более того, наличные формы коммуникации определяют базовую ценность интернет-пространства как основания для развития сетевого общества. Сетевые акторы в данном виде пространства взаимодействуют на горизонтальном уровне, что способствует увеличению связей между ними [8]. Более того, некоторые ученые высказывают положение о том, что такая площадка

для интеракции фундаментально не завершена, она постоянно расширяется и увеличивается в размерах за счет привлечения все новых социальных групп и субъектов. Кроме того, современное сетевое сообщество представляет собой аналог интернет-пространства, которое благодаря множеству форм взаимодействия и большому количеству заинтересованных субъектов – участников взаимодействия, активно затрагивает, реагирует на социальную действительность, оперативно отвечает на наиболее значимые проблемы и запросы [7]. Как итог, можно говорить о том, что подобная реакция является одной из важных оснований, свойств становления и развития сетевого общества: приращение общества за счет прикрепления новых участников интеракции и быстрая (едва ли не мгновенная) реакция на наиболее востребованные, актуальные повестки дня.

В свою очередь, восточная версия информационного сетевого общества в качестве базовых полагает «собственные ценностные ориентации в отношении индустриализации, информатизации, социального развития, сотрудничество государства и рынка, установление связи между культурными ценностями и происходящими социальными изменениями, а также принципы сосуществования и сопроцветания» [11, с. 238]. Определяется примат государственности и коллективности перед индивидуализмом, в результате чего государственное содействие определяет саму возможность внедрения информационно-коммуникационных технологий в повседневную ткань общественного развития, а также эффективность применения различных высокотехнологических механизмов сетевого взаимодействия. Современные отечественные ученые через ссылки на зарубежных своих коллег высказывают положение о возможном развитии общества через «информационный взрыв», который может быть возможен благодаря государственной заинтересованности в развитии «общества высоких технологий».

Государство и рынок заинтересованы в сотрудничестве, что выражается во вмешательстве властей в негосударственные вложения в существующую и перспективную, в том числе информационную инфраструктуру. В некоторых странах, в частности в Сингапуре, именно на таком принципе построено все взаимодействие частных и государственных инвестиций, причем обе стороны определенно заинтересованы в таком типе сотрудничества. Восточный способ понимания сетевого общества содержит в себе положение о нивелировании проблемы неравного доступа к информационным технологиям и путям сетевого взаимодействия, заложенного в либертарианской модели. Решение такой проблемы достигается путем применения и практической реализации концепта «общества всеобщего среднего достатка», стремления некоторых восточных государств (к примеру, Китая) к уравниванию материальных и информационных возможностей граждан, не нанося ущерба окружающей как естественной, так и социальной среде.

В целом же можно говорить о том, что особенностью становления и развития сетевого общества как в восточном, так и в западном (европейском и американском) вариантах является сочетание государственного и частного

элементов, в которых каждая из сторон определяет свои приоритеты и стремится достигнуть таких показателей, которые бы в полной мере отражали их интересы. Применяется совокупность механизмов различного рода, способных регулировать отношения внутри общества. Главной ценностью действительно воспринимаются именно техника и технологии, требующие от участников сетевой интеракции определенных навыков и компетенций. На практическом уровне имеет смысл выделить несколько направлений, где в рамках сетевого взаимодействия так или иначе применяется передовые технологии. Одним из таковых можно считать цифровую дипломатию, суть которой усматривается в повышении открытости и умножении используемых информационных ресурсов, предназначенных для установления контактов с целевыми группами в зависимости от задач, так или иначе связанных с реализуемым национальными странами внешнеполитическим курсом [12]. При этом участниками данной разновидности дипломатии становятся не только те политические субъекты, так или иначе заинтересованные в международных контактах, но и широкие слои населения, мыслимые в традиционной логике как электорат, чьи интересы властные акторы представляют на мировой арене.

Важно понимать, что сетевое общество инкорпорирует в себя систему интернет-платформ. Их можно в полной мере отнести к инструментарию пропаганды, выделив в качестве неоспоримых преимуществ «не только ведение диалога с обществом. Взаимодействие первых лиц стран и различных ведомств, отвечающих за внешнеполитическую деятельность, с помощью Интернета получает огромное влияние и, бесспорно, демонстрирует новейшие возможности коммуникации» [10, с. 53]. Преимущество такой формы дипломатии определяется более легким и быстрым способом трансляции необходимой для субъектов, находящихся у власти, информации. Кроме того, использование известных технических форм приводит к трансформации самого властного субъекта, что выражается в его децентрации и включении множества невластных субъектов в систему политической борьбы и влияния. Важным элементом стратегического планирования в области политической коммуникации и дипломатии как на внутренней, так и на внешней арене, является «отделения политических ведомств, ответственных за инновационные информационные технологические процессы» [10, с. 53]. Так реализуется сетевая природа цифровой дипломатии: возникает множество более жестких форм и требований к деятельности соответствующих институтов, субъектов дипломатического взаимодействия, что определяет изменение общественной структуры в конкретных политических областях интеракции. Кроме того, специфика сетевой дипломатии в современном обществе определяется не внешнеполитическими или сугубо политическими формами влияния. Речь идет скорее о неполитических формах детерминации интеракции между участниками политического процесса. Так, на примере работы Х. Клинтон в 2010–2011 годах Е.С. Зиновьев демонстрирует эффективность использования социальных сетей для продвижения влияния на макрополитическом уровне. Кроме того, исследователем обозначено стремление государственных

структур США к продвижению собственных интересов в различных регионах мира за счет использования интерактивных сетей, web-сайтов и иных сетевых систем политического влияния [1].

Для России характерна другая форма реализации сетевого взаимодействия в сфере дипломатии. Так, в соответствии с требованиями главы государства, дипломаты обязаны использовать современные технологии публичной демократии. Главным образом это необходимо в целях четкого отображения позиции государства по приоритетным вопросам и задачам. Формируется соответствующее медиапространство всех государственных органов власти, в которых налаживается взаимодействие с гражданами страны для продвижения и разъяснения действий государственных структур. Все эти формы воздействия можно считать проявлением так называемой «мягкой силы» в системе сетевой интеракции современного общества [5]. Как итог, можно говорить о том, что специфика развития сетевого общества применяет ресурсы именно такой формы влияния на все общество с целью минимизации вкладываемых в дипломатию и весь политический процесс в целом ресурсов, включение множества субъектов для децентрации способов влияния на них. Одновременно с этим можно говорить о формировании так называемой сетевой культуры, которая, с точки зрения некоторых исследователей, является определяющей в продуцировании и функционировании сетевого общества. Так, А.М. Сафина справедливо исходит из положения о необходимости создания определенного культурного наследия и культуры как способа миропонимания для функционирования системы общественных отношений. Применительно к сетевому обществу представленная идея содержит в себе положение о необходимости применения соответствующих компетенций в форме совокупности знаний, умений и навыков, которые определяют саму принципиальную возможность формирования, развития и перспектив существования сетевого общества вне зависимости от подхода к его пониманию. Ученый постулирует определенный тип эстетики (совокупность образов, приемов, методов), которые определяют механику взаимодействия множество субъектов, включенных в сетевое взаимодействие. Кроме того, принципиальным оказывается «характер связи сетевой культуры и сетевой природы виртуальных сообществ» [9, с. 89]. Такой характер имеет объективную сторону, дающей возможность и перспективу развития сетевой коммуникации.

Эстетическая сторона сетевого общества определяет возможность, а порой необходимость использования конкретных образов, имеющих социальный характер и подчиняющихся фактору «эволюционного отбора». Таким образом, создается определенный контент, выступающий в качестве содержательной стороны сетевой модели социума. Последнее же выступает своего рода и продуктом как результатом творчества целого коллектива, и самим условием такого творчества, поскольку создает внешние факторы развертывания сетевых взаимодействий. Помимо этого, в рассматриваемой модели социума изменяется сам принцип взаимодействий: интерсубъективные отношения приобретают

глобальный (над- и интернациональный) характер, сохраняя при этом личностный, почти приятельский, тип отношений. На наш взгляд, эта причина снимает какие-либо противоречия между двумя данными характеристиками. Более того, они совмещаются в анонимности коммуникации как максимальной усредненности содержания поста как его адаптированности и конгруэнтности требованиям большинства участников взаимодействия [6]. Авторская точка зрения приглушена, на ее место вступает новый принцип интеракции и коммуникации: желание поделиться контентом. Вследствие этого, сам процесс трансляции знания и информации становится содержательно беднее, но более часто воспроизводится пользователями сети. Формируется так называемый эпифеномен, который приобретает статус важнейшего фактора существования целого общества.

В целом же можно говорить о том, что сущностные характеристики сетевого социума конституированы совокупностью технических средств, определяющих его бытие. Ключевым становится принцип доминирования сети над множеством участников интеракции. Выявленная в данном исследовании специфика становления и развития сетевого общества заключается в формировании надиндивидуального уровня коллективного бытия во всех сферах:

- на политическом уровне применяются технические средства массовой дипломатии и инструменты влияния на широкий круг потребителей соответствующего контента;

- на экономическом уровне создается глобальная экономика с возможностью выхода за пределы сугубо капиталистических отношений и созданием рынка сбыта в общепланетарном масштабе;

- на социальном уровне продуцирование знаний позволяет создавать технологии более высокого уровня, приводящие в результате к образованию новых элементов сетей;

- на культурном уровне детерминируется эмоциональный и малоинформативный способ коммуникации в Интернете.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьева, Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е. С. Зиновьева. – Текст : непосредственный // Индекс Безопасности. – 2013. – № 1 (104). – С. 213–229.

2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с. – Текст : непосредственный.

3. Кузнецова, Т. И. Сетевая экономика как новая форма организации экономической деятельности / Т. И. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 6 (80). – С. 1–9.

4. Курочкин, А. В. Концепция сетевого общества в системе социального знания / А. В. Курочкин, Г. К. Антонов. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 12. – С. 14–17.

5. Лебедева, О. В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» / О. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Международная жизнь. – 2021. – № 5. – С. 102–111.

6. Меламед, Ю. Перепостили – следовательно, существую. Что такое текст в Фейсбуке / Ю. Меламед. – Текст : непосредственный // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10–18.
7. Михайлов, В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. А. Михайлов, С. В. Михайлов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории коммуникации : сборник научных трудов. – СПб. : Издательство СПбГПУ, 2004. – С. 34–52.
8. Саенко, Л. А. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого сообщества / Л. А. Саенко, М. В. Егоров. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. – № 1. – С. 159–162.
9. Сафина, А. М. Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ / А. М. Сафина. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 87–95.
10. Синчук, Ю. В. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики / Ю. В. Синчук, Б. Е. Власов, А. Е. Огурцов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 4 (849). – С. 52–61.
11. Соколова, А. С. Концепция сетевого общества в рамках цивилизационного подхода / А. С. Соколова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Том 2. – № 4. – С. 234–242.
12. Цветкова, Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / Н. А. Цветкова. – Текст : непосредственный // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109–122.
13. Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian island parish / J. A. Barnes // *Human Relations*. – 1954. – Vol. 7. – Pp. 39–58.
14. Barney D. *The Network Society*. – Cambridge : Polity, 2004. – 198 p.

REFERENCES

1. Zinovieva E. S. US Digital Diplomacy: Opportunities and Threats for International Security. *Indeks Bezopasnosti = Security Index*, 2013, no. 1 (104), pp. 213–229. (In Russian).
2. Castells M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. M., GU VSHE, 2000. 606 p. (In Russian).
3. Kuznetsova T. I. Network economy as a new form of organizing economic activity. *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin*, 2019, no. 6 (80), pp. 1–9. (In Russian).
4. Kurochkin A. V., Antonov G. K. The concept of a network society in the system of social knowledge. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2016, no. 12, pp. 14–17. (In Russian).
5. Lebedeva O. V. Modern tools of "digital diplomacy" as an essential element of "soft power". *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*, 2021, no. 5, pp. 102–111. (In Russian).
6. Melamed Y. Reposted – therefore I exist. What is text on Facebook. *Logos = Logos*, 2012, no. 2, pp. 10–18. (In Russian).
7. Mikhailov V. A., Mikhailov S. V. Features of the development of the information and communication environment of modern society. *Aktual'nye problemy teorii kommunikacii = Current problems in communication theory*. SPb., 2004, pp. 34–52. (In Russian).

8. Saenko L. A., Egorov M. V. Internet space as a factor in the formation of an online community. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 159–162. (In Russian).

9. Safina A. M. Network culture as a product and condition for the development of online communities. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2017, no. 5, pp. 87–95. (In Russian).

10. Sinchuk Y. V., Vlasov B. E., Ogurtsov A. E. Digital diplomacy as a foreign policy tool. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2022, no. 4 (849), pp. 52–61. (In Russian).

11. Sokolova A. S. The concept of a network society within the framework of the civilizational approach. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of Leningrad State University Named After A.S. Pushkin*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 234–242. (In Russian).

12. Tsvetkova N. A. Web 2.0 programs in US public diplomacy. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*, 2011, no. 3, pp. 109–122. (In Russian).

13. Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian island parish. *Human Relations*, 1954, vol. 7, pp. 39–58.

14. Barney D. *The Network Society*. Cambridge, Polity, 2004. 198 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Специфика становления и развития сетевого общества: философский анализ / Н. Н. Равочкин, П. Н. Рвалов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 155–166.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N., Rvalov P. N. Specificity of Formation and Development of the Network Society: Philosophical Analysis / N. N. Ravochkin, P. N. Rvalov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 1, pp. 155–166. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аветисян Виктория Сергеевна – аспирант кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vikulechka25@bk.ru

Avetisyan Victoria Sergeevna – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vikulechka25@bk.ru

Аджей Наталья Вячеславовна – аспирант 4-го курса ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: adjei10@yandex.ru

Adjei Natalia Vyacheslavovna – 4th year Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: adjei10@yandex.ru

Ануфриенко Максим Сергеевич – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: ud@pgu.ru

Anufrienko Maxim Sergeevich – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: ud@pgu.ru

Вашукова Ирина Сергеевна – заведующий кафедрой управления и экономики образования ГАОУ ДПО «Архангельский областной институт открытого образования» (г. Архангельск); e-mail: irina-vashukova@rambler.ru

Vashukova Irina Sergeevna – Head of the Department of Management and Economics of Education, Arkhangelsk Regional Institute of Open Education (Arkhangelsk); e-mail: irina-vashukova@rambler.ru

Галиахметова Наталья Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Ижевск); e-mail: n.gali671958@mail.ru

Galiakhmetova Natalya Pavlovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic medicine, Izhevsk State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia (Izhevsk); e-mail: n.gali671958@mail.ru

Грицких Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Gritskikh Igor Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Денильханов Исмаил Султанович – прикрепленный к Департаменту координации научно-исследовательской и инновационной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» для работы над кандидатской диссертацией по профилю 5.6.1 – Отечественная история (г. Пятигорск); e-mail: Denilkhanov@gmail.com

Denilkhanov Ismail Sultanovich – Attached to the Department of Coordination of Research and Innovation Activities in Specialist, Master's and Postgraduate Studies to work on a master's thesis in profile 5.6.1 – Domestic History, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: Denilkhanov@gmail.com

Жукова Аннелия Мгеровна – ассистент кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» (г. Воронеж); e-mail: zhukova.anna89@yandex.ru

Zhukova Annelia Mgerovna – Assistant of the Department of General and Educational Psychology, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh); e-mail: zhukova.anna89@yandex.ru

Жученко Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Ижевск); e-mail: adlog@mail.ru

Zhuchenko Olga Alexandrovna – Senior Lecturer of the Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic Medicine, Izhevsk State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia (Izhevsk); e-mail: adlog@mail.ru

Зеленко Григорий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: grigorij_zelenko@mail.ru

Zelenko Grigory Nikolaevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: grigorij_zelenko@mail.ru

Зеленко Наталия Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Zelenko Natalia Vasilievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Technology and Design, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: uzelnv@rambler.ru

Карапкова Олеся Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru

Karapkova Olesya Grigoryevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru

Комкова Ольга Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры микробиологии и вирусологии, доцент кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины, заместитель декана лечебного факультета ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Ижевск); e-mail: komkova-olga2016@yandex.ru

Komkova Olga Gennadievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Microbiology and Virology, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic Medicine, Deputy Dean of the General Medical Faculty, Izhevsk State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia (Izhevsk); e-mail: komkova-olga2016@yandex.ru

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Ktitorov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Кудина Яна Владимировна – старший преподаватель колледжа ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт» (г. Невинномысск); e-mail: yanakud230208@yandex.ru

Kudina Yana Vladimirovna – Senior Teacher, College of the Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute (Nevinnomyssk); e-mail: yanakud230208@yandex.ru

Лопин Константин Борисович – главный специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар); e-mail: Koppektor-rus@yandex.ru

Lopin Konstantin Borisovich – Leading Specialist of the Department of Archeology, Non-public Joint Stock Company "Heritage of Kuban" (Krasnodar); e-mail: Koppektor-rus@yandex.ru

Матайс Мария Игоревна – старший преподаватель кафедры общей и социальной педагогики Кубанского государственного университета (г. Краснодар); e-mail: mataismi@mail.ru

Matays Maria Igorevna – Senior Lecturer of the Department of General and Social Pedagogy, Kuban State University (Krasnodar); e-mail: mataismi@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Мосина Оксана Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной педагогики Кубанского государственного университета (г. Краснодар); e-mail: kuvshinovaoa@mail.ru

Mosina Oksana Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Kuban State University (Krasnodar); e-mail: kuvshinovaoa@mail.ru

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: pelich@mail.ru

Pelikh Alexey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: pelich@mail.ru

Платонов Роман Дмитриевич – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир); e-mail: platonckic@yandex.ru

Platonov Roman Dmitrievich – Postgraduate Student of the Department of Russian History, Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir); e-mail: platonckic@yandex.ru

Полетаева Юлия Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург); e-mail: jpkamch@gmail.com

Poletaeva Yulia Gennadievna – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University (Yekaterinburg); e-mail: jpkamch@gmail.com

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University Named After T.F. Gorbacheva; Professor of Pedagogical Technologies Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Рвалов Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово); e-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

Rvalov Pavel Nikolaevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University Named After T.F. Gorbachev (Kemerovo); e-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

Сашина Юлия Александровна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: kuznecowa3000@mail.ru

Sashina Yuliya Alexandrovna – Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: kuznecowa3000@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 рабочих дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 15 мая 2024 года.

Дата выхода журнала – июнь 2024 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **700 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.
УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2023). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1   2024

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко
Дата выхода в свет: 29.03.2024. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 20,93. Уч.-изд. л. 12,08. Тираж 300 экз.
Заказ № 7/24. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4